
Андрей
Ливадный
Абсолютное оружие
Багровые
небеса

Annotation

3845 год.

У него не было прошлого. Нападение космических пиратов и невольничий рынок, откуда его, пятилетнего мальчишку, выкупил «добрый дяденька» - вот все, что осталось в памяти Вадима Рощина после многолетнего обучения в школе мнемоников. А потом была война. Безжалостные схватки в далеком космосе и на поверхности миров Корпративной Окраины. Но после своей мнимой (или реальной?) гибели на планете Фрисайд Вадим понял, что бесконечное противостояние боевых мнемоников и кибрайкеров - лишь часть большой игры могущественных корпораций, а такие, как он - расходный материал в борьбе за власть и пространство. И тогда Рощин начинает свою, личную войну с теми, кто лишил его прошлого…

Андрей Ливадный Багровые небеса

Пролог

Пространство гиперсферы. Борт грузопассажирского лайнера «Атаис»…

3845 год Галактического календаря.

– Вадим, ну куда ты постоянно порываешься убежать? - Тихий, совсем не строгий голос матери настиг пятилетнего мальчика на пороге отсека.

Он обернулся.

В тесном помещении стояли плотные ряды кресел для пассажиров. Ни экранов, ни иллюминаторов. Только тусклый свет потолочных панелей слегка рассеивал мглу, до слуха долетал надоедливый гомон десятков голосов, в котором тонуло шипение регенератора воздуха, тщетно пытающегося устранить тяжелый запах множества тел, смешанный с сигаретным дымом.

Вообще курить на борту лайнера запрещено, но здесь в отсеках третьего класса, где вторые сутки подряд сотни человек были в буквальном смысле заперты на ограниченной территории грузовой палубы, на предупреждающие надписи мало кто обращал внимание.

Люди коротали изнурительные часы полета кто как мог. Вот и Вадиму до смерти надоело сидеть в кресле рядом с матерью, слушая людской гомон…

– Мам, ну я быстро…

– Куда ты собрался?

Вадиму пришлось вернуться для объяснений.

– Там в конце коридора окно, - прошептал он на ухо матери. - Я быстро. Никто не увидит.

К его удивлению в ответ не последовало категоричного отказа.

– Ладно, иди только не долго, хорошо? - Она взглянула на сына с непонятной мальчику печалью. - Если увидишь кого-то из экипажа или услышишь сигнал громкой связи - бегом назад, договорились?

Вадим энергично кивнул.

Он понимал, о каких сигналах идет речь. Время от времени, нарушая монотонность полета, звучали резкие предупреждающие звуки, и вслед им обычно раздавался голос невидимой женщины, настоятельно рекомендующей всем пассажирам занять свои места и пристегнуться.

– Я только посмотрю одним глазком и сразу назад. - Горячо пообещал он.

Мать лишь слабо улыбнулась в ответ на заверения сына. Куда уж, - одним глазком… Но, пусть хоть посмотрит на космос.

– Беги.

Она проводила взглядом Вадима, с замиранием сердца наблюдая, как мальчик нарочно совершает длинные прыжки по коридору. Низкая искусственная гравитация явно забавляла его.

Там, куда они прилетят, у него уже не будет возможности полюбоваться просторами Вселенной. Миры Корпоративной Окраины охотно принимали эмигрантов, но что за жизнь ждала их впереди?

Женщина, уже достаточно хлебнувшая горя, не строила иллюзий по поводу заманчивых рекламных проспектов. Она летела на Окраину ради сына, - говорят, корпорации охотно принимают детей эмигрантов в свои школы, чтобы дать им настоящую специальность.

Да им предстояла разлука, возможно, навсегда. Мысль постоянно кусала сердце, но был ли у нее иной выход?

Что она могла дать сыну, существуя на социальном пособии по безработице? Выйти в люди на Центральных Мирах стало ох как нелегко, для этого, прежде всего, нужны деньги. А их не было. Замкнутый круг. Она прошла по нему не раз и не два, испробовав множество профессий, но лишь выбилась из сил, рано, не по годам постарев, потеряв всякую надежду. Может быть, ей просто не везло в жизни?

…Пятилетнего Вадима совершенно не занимали подобные мысли. Сейчас у мальчика была лишь одна проблема, с которой он боролся всеми доступными средствами: надоедливая скука долгого межзвездного перелета.

Куда они летят и зачем, он не знал.

Сейчас сознание пятилетнего мальчика буквально поглотили новые, яркие впечатления.

Оказавшись в относительном одиночестве, среди гулкой пустоты пересекающихся на т-образной развязке коридоров, он вдруг почувствовал, как живет вокруг него космический корабль.

Десятки незнакомых, тревожащих детский разум звуков окружили его: что-то шипело в глубинах изгибающегося сегмента коридора, монотонно гудели скрытые от глаз механизмы, их работа ощущалась в виде легкий вибраций, то и дело пробегающим по полу и переборкам.

Настенный информационный экран, к которому так стремился мальчик, показался ему огромным. Со своего кресла он мог видеть лишь самый краешек этого виртуального окна, с несколькими перемигивающимися по ободу индикаторами, и теперь застыл, пораженный

увиденным.

На миг Вадиму стало страшно. Естественно он не знал, что корабль в данный момент находится в гиперсфере, где отсутствуют звезды или иные материальные тела - словно завороженный он смотрел в виртуальное окно, куда контрольные видеодатчики транслировали изображения скупо подсвеченных габаритными огнями грузовых надстроек «Атаиса», ведя обычный мониторинг состояния обшивки. В нижней части двухметрового экрана выводилось множество данных с различных сканеров, но постоянно меняющиеся цифры, и мелькающие компьютерные коды абсолютно ничего не говорили Вадиму, он лишь мельком взглянул на них, сосредоточив восторженное внимание на очертаниях надстроек.

Впрочем, спустя две-три минуты ему наскучило смотреть на одну и ту же картину, и он наивно попытался отыскать взглядом звезды.

Ничего не получилось. Вне освещенного навигационными огнями пространства царил бездонный мрак.

Куда же подевались все звезды? - Недоуменно подумал мальчик, пытливо, без страха всматриваясь в непроглядную чернь аномалии космоса.

Не то напряженное зрение сыграло с ним шутку, не то сознание, так страстно надеявшееся разглядеть сияющие россыпи звезд, выдало желаемое за действительное, но одну яркую точку он все же рассмотрел.

Она находилась далеко в стороне от освещенных надстроек и, как показалось Вадиму, двигалась, стремясь наперерез тускло освещенной громаде космического корабля.

Мальчик еще не подозревал, что следит за неумолимым приближением собственной Судьбы.

* * *

В ходовой рубке «Атаиса» вахтенный офицер, выслушав доклад кибернетической системы, коснулся сенсора общей тревоги.

Объект, приближающийся к грузопассажирскому лайнеру, мог быть только космическими кораблем, наличие иных материальных тел в пространстве гиперсферы противоречило базовым, элементарным знаниям людей об аномалии космоса.

При современной интенсивности движения на гиперсферных трассах иногда происходили сбои, и подобное сближение двух рукотворных объектов выглядело не столь уж фантастичным, как могло показаться на

первый взгляд. Однако любое пересечение курсов неизбежно влекло за собой фатальные последствия, разница в работе генераторов высокой частоты[1] приводила к тому, что корабль, обладающий большим энергетическим потенциалом, захватывал второй объект.

Исход рокового сближения мог оказаться двояким: попав под воздействие более мощного, гипердрайва объект с меньшей энергетикой либо попадал в «кильватерную струю», двигаясь вслед другому кораблю, либо уходил с собственного курса, попадая в ситуацию так называемого «слепого рывка».

Капитан появился в ходовой рубке, когда данные, полученные с масс-детектора и обработанные кибернетической системой «Атаиса», уже начали поступать в проекционную сферу голографического монитора.

Взглянув на показания датчиков, Патрик Ридман заметно побледнел. Объект, двигавшийся пересекающимся курсом, должен был пройти в непосредственной близости от лайнера, а его энергетическое поле имело большую напряженность, - еще бы, ведь неизвестный корабль двигался не вдоль силовой линии аномалии, а перемещался между курсовыми нитями…

– Что по данным навигационного контроля? - Предчувствуя неладное, спросил капитан.

– Наш эшелон должен быть чист. Сопутствующие объекты по данным переданным диспетчерским контролем Элио движутся на иных энергоуровнях[2] аномалии.

– Твои предположения, Андрей? - Ридман уже сделал собственный вывод из полученной информации, и теперь ждал, что скажет первый пилот, исполнявший в данный момент обязанности вахтенного офицера.

– Я исключаю, что данный корабль сбился с курса. - Ответил Колыванов. - Это капер[3] , командир. Посмотрите на масс-детектор. Его курс, после захвата нашего судна, пересекается с линией напряженности, маркированной для планеты Ганио[4].

Ридман мрачно кивнул.

Взгляд на приборы не добавил капитану оптимизма. Два сигнала в полусфере масс-детектора сближались слишком быстро, отсекая саму надежду на какое-либо противодействие, по крайней мере здесь, в глубинах гиперсферы.

– По кораблю: боевая тревога! Загерметизировать все межпалубные переходы. Опустить аварийные переборки, активировать средства индивидуального спасения.

– Уже сделано.

– В кресло, Андрей. Как только он начнет обратный переход, попробуем остановить его включением поля высокой частоты. Если удастся истощить энергосистемы капера…

– А если нет, командир?

– В таком случае нам придется иметь дело уже не с одним пиратом. В точке всплытия его, наверняка, ожидают корабли поддержки. В любом случае мы будем сопротивляться. Подготовь аварийный передатчик гиперсферных частот, для отправки сигнала на Элио. Возможно, патрульные корабли Конфедерации сумеют оказать нам помощь.

* * *

Вадим смотрел, как стремительно приближается к кораблю яркая точка.

Во мраке космоса разгорался злой огонек его судьбы, но мальчик естественно не подозревал об этом. Он заворожено следил за растущим в размерах огоньком, пока тот не начала обретать зримый объем, превращаясь в огромный (по крайней мере, так показалось мальчику) космический корабль, окруженный мерцающим ореолом защитного поля.

На краткий миг оба космических корабля сошлись так близко, что он невольно зажмурился, сжавшись в паническом предчувствии столкновения, но рывок, сбивший Вадима с ног, имел иную природу воздействия.

Корабли разминулись, но теперь грузопассажирский лайнер «Атаис» оказался захвачен полем высокой частоты капера, и резко изменил курс, следуя в пространстве гиперсферы к той линии напряженности, куда влекла его неодолимая в данный момент сила.

Упав, Вадим ударился головой о какой-то выступ и на время потерял сознание.

Он не видел, как опустились аварийные переборки, превращая смотровую площадку в изолированный отсек, не слышал отчаянных призывов матери и монотонного предупреждающего голоса кибернетической системы корабля.

Когда он очнулся, экран не работал, а вокруг царил тусклый красноватый свет.

Чьи-то грубые руки схватили его и поволокли упирающегося мальчишку к огромной дыре, прорезанной в материале аварийной переборки.

Он стал рабом. Частью добычи ганианских пиратов, но еще не осознавал этого.

Часть 1 Багровые небеса

Глава 1

Удаленная звездная система сектора Окраины.

Граница освоенного космоса. Настоящее…

Что-то подсказывало в душе: нет в жизни места для сказок со счастливым концом. Наверное, это нашептывало подсознание, знающее истинную цену человеческим словам и поступкам.

Багровые небеса.

Космос клубился красками газопылевой туманности, в недрах которой сияло молодое солнце.

Гротескные замки из напитанной энергией космической пыли клубились, видоизменяясь на протяжении миллионов лет.

Было жутковато думать, что вся история Человечества по времени может уместиться в крошечной флуктуации багровых вихревых выбросов….

Уединение неоправданно затянулось, превращая жизнь в существование, а надежды, мысли в глухую неодолимую тоску. Чем дольше он оставался наедине с собой, тем явственнее становилось отчуждение между ним и всеми людьми, знакомыми и незнакомыми, повинными в сегодняшней ситуации и не имеющими никакого отношения к ней. Трещина, появившаяся в едва не надломившемся рассудке Вадима, постепенно превращалась в пропасть, он осознавал это, но…

Судьба.

Прихотливое слово, таящее в себе множественный смысл.

Вадим считал, что он управляет собственной судьбой, по крайней мере, в последние годы, но на поверку вдруг все оказалось не так, как думалось, ощущалось.

Тонкий предупреждающий сигнал систем обнаружения вторгся в его мысли, означая непредсказуемый и тем более неожиданный фатальный выпад.

Хотя , - тут же промелькнула в сознании успокаивающая мысль - *насчет фатализма событий, слишком громко сказано* .

Ладонь правой руки уже ощущала холодную пористую поверхность манипулятора ручной наводки лазерных установок.

Росчерк когерентного света, вобравшего в себя двести мегаватт энергии, - вот лучший способ избавления от фатализма.

С некоторых пор Вадим научился все делать сам, своими руками

исправляя выходки судьбы, не привлекая к личным проблемам сложные кибернетические системы.

Кто бы там не всплывал из пучин гиперсферы, ему не дано нарушить мой покой , - подумалось Рощину.

На этот раз он ошибся.

Судьба то же имела в своем арсенале оружие, против которого он оказался бессилен.

Например, сигнал бедствия, транслируемый посредством аварийного передатчика гиперсферных частот.

Нужно окончательно опуститься, потерять не только рассудок, но и душу, чтобы ответить на «SOS» разрядом инфракрасного лазера.

Ладонь Вадима медленно отпустила устройство наведения, и палец коснулся сенсора на панели внешней связи.

– Неопознанный корабль, вы на масс-детекторах, статус всплытия - пятьдесят процентов. Транслируйте свой опознавательный код и причину аварийной ситуации. В противном случае ваши действия будут расценены как провокация.

* * *

АРК[5] класса «Тайфун» медленно «всплывал» из пучин гиперсферы.

Зеленоватое мерцание масс-детектора придавало лицу пилота нездоровый оттенок. Он внимательно, но без излишней суеты и напряжения наблюдал за сложным узором алых маркеров, обозначавших наличие множества материальных объектов в области всплытия.

Сигнал «SOS» передавался автоматически, на самом деле корабль был исправен, но Эйджел Риган был чужд дурацких условностей, - если небольшая доля лжи работала на его личную безопасность, то он не мучился совестью по этому поводу.

«Тайфун» маневрировал секциями гипердрайва, с каждой секундой пребывания в неопределенном пространстве, между физических границ двух метрик, истощая последние запасы энергии из бортовых накопителей.

Однако потеря энергии не шла ни в какое сравнение с риском материализации корабля в непосредственной близости, или того хуже - внутри одной из непонятных пространственных конструкций, истинная сущность которых оказалась надежно прикрыта работой фантом-генераторов.

В том, что в зоне всплытия располагается нечто рукотворное, а не

скопление астероидных глыб или иного космического мусора, Эйджел был уверен на сто процентов. Опытный взгляд Ригана еще до доклада системы анализа распознал среди множества сигналов те, что принадлежали упорядоченной пространственной структуре, остальные же «засечки» в голографической полусфере масс-детектора являлись прямым следствием работы фантом-генераторов, призванных скрыть наличие тут рукотворного объекта.

Подобное ухищрение могло провести кого угодно, но только не Эйджела.

И все-таки он невольно вздрогнул, когда внезапно заработал передатчик гиперсферной частоты, передавая не то запрос, не то угрожающее предупреждение.

Автоматически заработал анализатор аудиоряда, и в следующую секунду, посмотрев на отчет программы, Риган, совершенно не рассчитывавший на как-то положительный результат обработки чуть хрипловатого голоса, вдруг побледнел.

На правом виске Эйджела несколько раз судорожно взморгнул индикатор импланта. Соединившись с базами данных бортовой кибернетической системы, он проверил результат анализа голосового ряда и был вынужден признать, что автоматика не ошиблась.

Роковое совпадение или неожиданная, если не сказать: зловещая насмешка Судьбы?

Скорее последнее , - подумал Эйджел, выключив сигнал бедствия, чтобы послать в трехмерный континуум короткую фразу:

– Вот кого не ожидал встретить, так это тебя Вадим.

Секунда напряженно ожидания показалась ему сродни вечности.

Он или не он?

– Риган? - Очевидно, в распоряжении Рощина имелась адекватная программа, анализирующая голосовой ряд и сравнивающая его с теми голосами, что хранила память. Не компьютерная, а человеческая память.

– Привет старина. Приятно услышать знакомый голос. - Риган не мог сказать себе, что безумно рад неожиданной встрече но… - У меня энергия на исходе. Ты можешь указать безопасную точку всплытия?

– Эйджел, я не ждал гостей. Даже тебя. Точка всплытия будет сформирована только после передачи исчерпывающей идентификационной информации.

– Как всегда, не веришь своим ушам, да?.. Ладно. - Поморщился Риган. - Учитывая, что ты мертв, Рощин, я вообще не могу слышать твоего голоса. Верно? Однако я его слышу… Принимай данные, но учти, у меня

все резервные датчики энергии в красной зоне.

* * *

АРК Эйджела Ригана появился в трехмерном космосе в виде бледного фантома, который вдруг стремительно начал набирать значения физических величин, окончательно материализуясь в привычном для человека континууме.

Еще секунда и «Тайфун», отработав двигателями коррекции, медленно поплыл в направлении открывающего вакуум-дока сложной пространственной конструкции, основой которой служил старый отслуживший свое корпус рудодобывающей фабрики класса «Спейсстоун»[6].

Вадим наблюдал за всплытием «Тайфуна» ощущая, как пробуждаются давно позабытые чувства, словно маленький бес, таящийся внутри, вдруг скинул оковы, и, получив волю, бросился открывать двери потаенных узилищ памяти…

Учитывая, что ты мертв …

Да, действительно, Риган имел основания считать именно так. Стоило отдать должное Эйджелу: он не потерял головы, внезапно услышав потусторонний для него голос.

Процесс шлюзования в вакуум-доке занимал немного времени, и Вадим встал из операторского кресла, предоставив автоматике выполнять рутинные операции. Он хотел встретить Ригана на предшлюзовой площадке, чтобы иметь возможность составить первое впечатление о негаданном госте из прошлого, не допуская его внутрь основных отсеков станции.

Сколько прошло времени? - Думал он, шагая по коридору. - *Полтора года? Или два?*

Провалы в памяти все еще давали о себе знать, но не они беспокоили Вадима. Насколько и в какую сторону изменился Эйджел с момента их последней встречи? Что он знает о нем, кроме общеизвестного факта: боевой мнемоник Вадим Рощин погиб на Фрисайде?

…В огромном ангаре, предназначенном для принятия и сортировки контейнеров с рудой, царил сумрак и холод. Капли конденсата ползли по стенам, срывались с потолка, ближе к системе из трех шлюзов влага замерзала, покрывая несущие конструкции замысловатыми узорами инея.

Вадим терпеливо ждал, пока в вакуум-доке закончится процесс

стыковки корабля со станцией.

Прошло несколько минут, прежде чем подле одного из люков зажегся предупреждающий сигнал, означающий начало работы механизмов шлюзовой камеры.

Наконец массивная покрытая изморозью плита раскололась на два остроугольных сегмента, которые раздались в стороны, пропуская в ангар фигуру, облаченную в скафандр исследовательского образца - более прочный, чем гражданские модификации, но явно уступающий военным разработкам.

Эйджел успел снять гермошлем и теперь держал его в левой руке. Его лицо мало изменилось с тех пор, как он в последний раз видел Вадима Рощина, - все тот же насмешливый взгляд, в котором, под личиной ироничного скепсиса, на самом деле скрыта угроза всему сущему: Риган являлся одним из лучших боевиков корпорации «Инфосистемз». На Окраине термин «лучший» вовсе не подразумевал таких качеств как благородство, скорее, напротив, и в памяти Вадима образ этого человека прочно ассоциировался с беспощадностью профессионального убийцы, исполнявшего свою работу с неизменной усмешкой на устах.

Каждому свое…

Их взгляды встретились.

Эйджел посмотрел на Рощина без тени удивления или недоверия во взгляде. Не то чтобы ему был безразличен факт внезапной встречи, но Риган не верил в чудеса, а значит, не признавал никакой мистики.

– Холодно тут у тебя, Рощин. - Вместо приветствия произнес Эйджел. Он обвел взглядом покрытые узорами инея стены и добавил: - Может, найдется местечко потеплее?

– Иди за мной.

Вадим развернулся, ощущая насколько *не готов* к неожиданной встрече. Всколыхнувшаяся память мгновенно покрылась рябью образов, воспоминания тянули его в пучину событий, из которых он едва сумел выбраться… собственно, финал трехлетней одиссеи Рощина среди корпоративных миров Окраины закончился относительно недавно, раны в душе еще кровоточили, а появление Ригана лишь разбередило их, сломав хрупкую наледь забвения, которую столь тщательно культивировал Вадим, скрывшись от людей среди поля астероидных глыб, на старой, никому не нужной станции, брошенной тут за полнейшей ненадобностью…

Он не хотел насильственного возвращения памяти и потому, взглянув на Ригана, испытал отчаяние злость и… растерянность.

Какого Фрайга гиперсфера выкинула корабль Эйджела именно тут?

Следующим чувством после досады, пришло осознание опасности. Близкой опасности, будто незащищенное горло внезапно ощутило холодную сталь десантного ножа. Риган являлся профессиональным убийцей, «специалистом по силовому решению проблем», так не резонно ли предположить, что его появление вовсе не игра случая, а тщательно спланированная акция возмездия?

Через минуту, открывая внутренний люк, за которым открылся небольшой переходной зал, где раньше располагалась аппаратура управления механизмами ангара, а теперь в пустующем помещении царил густой и не совсем приятный запах: их источали растения, посаженные в специальные емкости с дурно пахнущей питательной средой… Что-то вроде гидропонического сегмента, один из десятков узелков сложной системы самодостаточности.

Ригану запахи прелой листвы, смешанные с флюидами питательных сред, показались не лучшей альтернативой холодному, но чистому воздуху ангара, отдающему сыростью и металлом.

– Ну, ты даешь Рощин… - неприязненно усмехнувшись, произнес он. - Неужели боевой мнемоник не в состоянии придумать ничего лучшего, чем эта старая гидропоническая дрянь? Или ты позабыл, что есть на свете системы…

Рощин остановился, будто его ударили в спину, затем медленно повернул голову. В его взгляде читалось трудно сдерживаемая ярость, причины которой оказались совершенно непонятны для Эйджела, слегка опешившего, не смотря на свою известную выдержку.

Они оба прекрасно знали, что все не так просто, как предлагает словарь новых семантических понятий Окраины.

Да, Рощин являлся боевым мнемоником. В прошлом. Хотя ему трудно было поручиться, даже перед самим собой, что пустые гнезда имплантов, без кибернетических модулей, гарантируют необратимость перемен.

Эйдж зря усмехнулся. Конечно, если предположить его полное неведение, относительно последних лет жизни Вадима, фразу можно оставить без внимания, но Рощин уже плохо владел собой. Несколько минут предельного эмоционального напряжения сделали свое черное дело, подведя его рассудок к внезапному срыву:

– А ты забыл, как пахнет земля, Риган? - Вадим резко развернулся, схватив своего гостя за шейное кольцо скафандра, нажал, слегка придушив, и продолжил, не обращая внимания на слабые потуги Эйджела вырваться, и его медленно наливающиеся кровью глаза: - Земля пахнет по-особому. Особенно в лесу, где поверх стеклобетона растет мох. Помнишь тот

запах?!…

Он оттолкнул Ригана к стене отсека.

– Не насмехайся над моими привычками и будешь жив. - Внезапный приступ немотивированной ярости прошел так же быстро, как секундой ранее подкатил к самому горлу удушливым комком воспоминаний.

– Извини… - хрипло выдавил Эйджел. Он даже не попытался выхватить «Гюрзу» из захватов силовой кобуры. "Фрайг его знает, может мне вообще не стоило причаливать к этой раздолбанной станции. - Подумалось ему. - Угораздит же оказаться в компании свихнувшегося мнемоника, которому выжгло часть мозга на далеком Фрисайде, где они *вдвоем* вдыхали тот самый прелый запах лежалой хвои, зеленеющего мха и похожего на желтую черепную кость старого, потрескавшегося, напитанного сыростью стеклобетона".

Эйджелу повезло выбраться оттуда целым физически и не тронувшимся рассудком, а вот Вадиму - нет.

Интересно куда подевалась сущность боевого мнемоника? Неужели удар противника оказался так силен, чтобы загнать человека на задворки обитаемого космоса, по сути - заставить поселиться в развалинах старого рудодобывающего комплекса и тратить лучшие годы жизни на разведение растений в гидропонических танках?

Впрочем, Риган не был до конца уверен в собственных выводах. То, что у Рощина не все в порядке с головой, ясно как день, но так ли он прост, как старается казаться?

Эйджел иногда интересовался галактическими новостями. Странное совпадение, - после того рокового боя на Фрисайде, в котором без вести пропал Вадим Рощин, а уж если быть точнее - сначала сошел с ума после мнемонического удара, который нанесла девчонка-мнемоник, а затем был вполне закономерно застрелен командиром мобильной диверсионной группы… так вот приблизительно месяц спустя после этих событий среди систем Окраины появился зловещий космический корабль. Фрегат класса «Игла». Это был не обычный капер, охотящийся на рудовозы, или (если подберется рисковая команда) нападающий на грузопассажирские лайнеры - нет, дерзости того капитана не было границ - он не придерживался иных правил кроме одного: бил в самые защищенные места, по узлам корпоративных сетей, по базам Военно-Космических сил, по традиционно защищенным форпостам на удаленных планетах, - короче подрывал военную и экономическую мощь корпораций, причем не одной, а всех сразу, действуя попеременно в разных секторах Окраины.

Кажется, один из «выживших» терраформеров[7] (если к кибернетическому механизму применим такой термин) сумел опознать капитана «Иглы», с присущей машине уверенностью идентифицировав его, как Вадима Рощина, боевого мнемоника корпорации «Инфосистемз».

Эта информация, вызвавшая в определенный момент лишь усмешку на губах Ригана, (Рощина застрелили на его глазах) теперь вдруг всплыла в памяти, потому как перед ним стоял *живой* Вадим, и поспорить с этим фактом было очень сложно.

Замки люка, через который они вошли, с шипением закрылись, но Рощин не торопился проводить своего гостя в более комфортное помещение.

– Что с твоим кораблем? - Осведомился он.

– Критическая потеря энергии. - Ответил Риган. Он уже не строил иллюзий относительно Вадима. Неконтролируемая вспышка ярости говорила сама за себя. Сейчас лучше говорить правду: трудно предсказать, что на уме у Рощина, а данное помещение идеально подходит для…

Эйджел покосился на гидропонические баки, вскользь подумав, что любая из дурно пахнущих емкостей с готовностью поглотит и переработает еще одну порцию удобрения, размером с человеческое тело. *Убить его, и дело с концом?* - Промелькнула в рассудке шальная мысль, но Риган тут же отмел ее. Не по доброте душевной, отнюдь. Во-первых, он не знал, один ли Рощин на станции? Во-вторых, заглушки на гнездах имплантов боевого мнемоника еще не гарантировали отсутствия в них кибермодулей. Слишком велик риск…

– Большинство систем отказали. - Вслух продолжил он, стараясь придерживаться истинного положения вещей на борту «Тайфуна». - Резервные накопители пусты. Реактор истощен, требуется замена части активного вещества.

– Ты маневрировал на границе метрик. - Заметил Вадим.

– Да. Тратил последние эрги. А ты бы на моем месте поступил иначе?

– Не знаю. Как-то не вяжется сигнал бедствия с такими предосторожностями.

– А, по-моему, все логично. - Огрызнулся Эйджел. - Откуда я знал, что встречу в трехмерном континууме? Хорошо если помощь. Все могло сложиться много хуже. Ты ведь сам прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

– Ты летел не сюда?

– Естественно - нет.

– Слепой рывок?[8]

– Хуже. Произвольно избранная Вертикаль. Я вообще не надеялся, что выйду в границах обитаемого космоса.

– Ладно. - Вадим коснулся сенсора, открывая доступ к внутренним помещениям древнего рудодобывающего комплекса. От Ригана не укрылся тот факт, что Рощин, будучи мнемоником, не отдал мысленного приказа кибернетической системе, а произвел ручное действие. - Заходи.

– Оружие сдавать?

Вадим обернулся.

– Как хочешь. - После секундного колебания ответил он.

Подобное безразличие заставило Эйджела задуматься.

«Гюрзу» он все же отдал Вадиму, понимая, так будет лучше.

– Послушай, Рощин, мы с тобой не враги. Ну что нам делить, в конце концов?

– Нечего. - Кивнул Рощин и тут же добавил: - Если ты будешь держать язык за зубами. Мне потребовался год, чтобы привести в относительный порядок эту гору бесполезного хлама. Здесь мой дом, и я не намерен его покидать, только из-за того, что гиперсфера выбросила твой «Тайфун» именно сюда.

Риган следовавший по коридору за Вадимом, чуть сбавил шаг.

Он тут один. Эйджел был далеко не глуп, в силу сложившихся обстоятельств он ловил и анализировал каждое слово Рощина.

Из всего сказано становилось понятно - Вадим на станции один, иначе он сказал бы «нам потребовалось». И еще - он скрывается от властей.

Очередная герметичная дверь в конце длинного коридора привела их в просторное помещение со стенами, по периметру которых располагался кольцевой обзорный экран, создающий иллюзию присутсвия в открытом космическом пространстве. По-видимому, ранее здесь располагался главный пост управления рудодобывающего комплекса, теперь же в переоборудованном помещении осталось лишь пара компьютерных терминалов, да урезанная консоль управления. Зато, вместо демонтированных пилот-ложементов, появилась кое-какая меблировка.

– Присаживайся. - Произнес Вадим. - Отдельных кают для гостей у меня нет, но что-нибудь придумаем. Сейчас закажу завтрак. Ты голоден?

– Вообще, да. - Кивнул Риган, снимая скафандр. Не найдя куда сложить громоздкую экипировку он сгрузил ее в пустующее кресло за овальным столом, а сам сел в соседнее, наблюдая, как Вадим, морща лоб, набирает коды на сенсорной клавиатуре бытового автомата.

Точно свихнулся. Даже ребенок не стал бы возиться с сенсорами. На что, спрашивается, нужны импланты? Кроме боевых у него же есть и

стандартный, позволяющий управлять большинством бытовой техники, не прибегая к ручным манипуляциям. Значит, здорово досталось ему Фрисайде… Мнемонический калека? Или он специально разыгрывает передо мной собственную беспомощность?

Эйджел не понимал ситуации и естественно напрягался.

– Относительно каюты не беспокойся. Я могу выспаться на борту «Тайфуна».

– Извини, Риган, ты мой гость. Я ведь достаточно ясно выразился: терять станцию не входит в мои планы.

– Что-то я не совсем понимаю тебя, Вадим. При чем тут твоя станция? Мне нужно всего-то пару контейнеров с активным веществом, ну и часов пять на подзарядку накопителей. Потом я свалю отсюда.

– Не имею ничего против. - Рощин, наконец, сформировал заказ и уселся в кресло за столом. - Только прежде чем ты покинешь станцию, нам предстоит мнемоническая процедура. Стирание памяти, если ты не понял. С навигационным компьютером твоего «Тайфуна» я разберусь.

– Нет. - Эйджел расслабленно откинулся на спинку кресла. - Так не пойдет Вадим. Я не позволю тебе копаться в навигационном компьютере, а уж тем более не собираюсь вступать с тобой в мнемонический контакт.

– Тогда извини… - Рощин поднял руку с «Гюрзой».

Откровенно, - в первый момент Эйджел обалдел. Собственная «Гюрза» смотрела ему в лоб, зловеще подмигивая точечными индикаторами накачки электромагнитных ускорителей.

– Вадим, ты действительно спятил?!.. Что, вот так возьмешь и застрелишь меня?!

– Извини, Риган, - это вынужденная мера. У тебя есть пара секунд, чтобы сделать выбор.

– А моего слова тебе не достаточно?

– Нет.

– Почему, Фрайг тебя раздери?!

– Потому что за мою голову назначена награда. Миллион кредитов. Или ты этого не знал?

– Не имел никакого понятия!

– Теперь имеешь. - От слов Вадима повеяло могильным холодом. Уж кто-кто, а Эйджел умел различать ледяные интонации в голосе оппонентов. Проклятье Шииста… Надо же было так вляпаться… При явном физическом превосходстве и прекрасной боевой подготовке в данный момент он оказался бессилен. Вадим не хуже Ригана владел всеми видами оружия, а опередить реакцию мнемоника, разум которого умеет жить в

ином темпоральном потоке, попытка самоубийственная.

– Ладно. - Эйджел поднял обе руки. - Я согласен.

Вадим молча опустил импульсный пистолет.

– Только не думай, что у тебя будет более удобный момент, Эйджел. - Предупредил он. - Клянусь, я не причиню тебе ни физического, ни морального вреда. Скажи, на какие координаты запрограммировать навигационный блок «Тайфуна» и ты очнешься в избранной точке.

– Веселый трюк. И сколько ты уже практикуешь?

– Ты первый. - Без тени злости или иронии ответил Вадим. - Не дергайся Риган. У меня действительно нет желания причинять тебе вред. Я всего лишь хочу сохранить свое инкогнито.

– Тогда тебе следовало забраться подальше. Куда-нибудь в не освоенные сектора Окраины.

Рощин усмехнулся.

– Ты же прекрасно знаешь, что все пространство, вплоть до скопления О'Хара, так или иначе подконтрольно колониальной администрации Аллора. Даже эта система, где давно закончены все работы по добыче полезных ископаемых, рано или поздно подвергнется вторичной колонизации.

– Да ладно… Не преувеличивай. Что тут колонизировать? - Риган нашел удобный момент, чтобы перевести тему разговора в иную плоскость, перейдя с личностей на общие аспекты колониальной политики.

Действительно панорама глубокого космоса, простирающаяся за иллюзорной прозрачностью кругового экрана, несла не только своеобразную красоту, - для искушенного взгляда полная бесперспективность колонизации подобной системы являлась очевидной.

Ну что тут может привлечь самого безумного из инвесторов?

Яркая горошина звезды, сияющая средь газопылевой туманности? Или ее единственная планета - газовый гигант, окруженный плотными скоплениями астероидных глыб, на девяносто процентов состоящих изо льда и базальта? Все полезные ископаемые, судя по всему, отсюда уже выбрали, с пол века назад, не меньше, а кого интересует лед и камень? Пройдет несколько миллионов лет и очаговые скопления астероидов, обращающиеся по орбите вокруг холодного шара газовой планеты, в результате столкновений превратятся кольца, состоящие из мелких, раздробленных обломков - вот все перспективы развития.

Пока Риган созерцал панораму окрестного космоса, из-за края газового гиганта появилось еще одно небесное тело. Им оказался небольшой спутник, размером со среднюю луну, такой же холодный и

безжизненный, как… хотя нет, локационная система древнего рудодобывающего комплекса автоматически взяла увеличение, и Эйджел увидел: во многих местах из под ледяного панциря, покрывающего планетоид, в космос извергаются мутные многокилометровые гейзеры.

– Это азот. - Пояснил Вадим, проследив за взглядом Ригана. - Спутник покрыт замерзшим азотом, под которым целый океан того же вещества, только в сжиженном агрегатном состоянии.

– Красиво. Но я сомневаюсь, что кто-то станет гонять сюда корабли ради азота. Овчинка выделки не стоит. - Категорично заключил он.

– Вот и я надеюсь на то. - Кивнул Рощин, жестом указав на стол, который быстро и аккуратно сервировал появившийся в помещении андроид.

От взгляда Ригана не укрылось, что человекоподобный механизм необычной модификации успел поучаствовать в каких-то схватках, о чем немо свидетельствовали следы ремонта на его многочисленных бронированных кожухах. Вообще дройд производил странное впечатление. Риган еще ни разу не видел человекоподобных машин у которых пеноплоть покрывала только лицо и кисти рук.

Ладно, фрайг с ним, с этим андроидом. И без него проблем хватает…

– Да, Экспансия захлебнулась. - Произнес Эйджел, продолжая упорно гнуть свою линию, стараясь, чтобы мысли Рощина не сосредотачивались на злободневных вопросах личной безопасности. Что может быть лучше непринужденной беседы двух старых знакомых на отвлеченные темы?

– Захлебнулась? Отчего же? - Поинтересовался Вадим, так, словно минуту назад между ним и Риганом не было смертельного противостояния.

– Ты совсем одичал в своей глуши, я посмотрю. - Эйджел взял в руки нож и вилку. Опасное оружие в руках профессионала, если не учитывать, что оба предмета были изготовлены из мягкого, гнущегося пластика.

Нет еще не время. Пять часов - достаточный срок, чтобы найти удобный момент. В конце концов, Вадим то же человек, а значит, может совершить ошибку или допустить оплошность. Риган был уверен, что не пропустит удобного случая, для того чтобы перехватить инициативу в свои руки.

– Как видишь, станцией гиперсферной частоты[9] пока не обзавелся. - Рощин говорил непринужденно, казалось, что его действительно интересуют последние события в Обитаемой Галактике, в курс которых мог ввести его Эйджел.

– Ну, во-первых, ты, наверное, помнишь о неудачной попытке

расконсервации «Линии Хаммера»?[10]

Вадим кивнул, откупоривая изящную пластиковую бутыль с янтарной жидкостью, источающей неповторимый травянистый аромат. События, связанные с попыткой повторной колонизации Юноны и Везувия едва не стоили корпорациям Окраины потери объединенного военно-космического флота и происходили семь лет назад.

– Да, это я помню. - Он наполнил два бокала.

– Позволь… - Эйджел почувствовал запах и удивленно посмотрел на Вадима. - Неужели Диахр[11]?

– Он самый.

– Да ты сноб.

Рощин пожал плечами. Не сноб, а пират - подумалось ему. Мысль отдавала горечью, но на лице Вадима при этом не дрогнул ни один мускул.

– Давай, за встречу. И не держи зла Эйдж, у меня своя жизнь, у тебя своя, а миллион, обещанный корпорациями, пусть пока полежит в банке Аллора.

– Дело. - Риган взял бокал, но, едва пригубив, поставил его на стол. - Так вот, - как ни в чем не бывало, продолжил он. - После неудачи с карантинными мирами, Инсектам из скопления О'Хара было, мягко говоря, «предложено» заняться вторичной колонизацией и восстановлением Сферы Дайсона, но они до сих пор тянут с окончательным решением о переселении, наверное, ждут, пока Сферу восстановят для них силами Совета Безопасности.

– Нереально.

– Конечно, нереально. Но у насекомых своя психология. Они здорово напуганы после целой череды провокаций. Сначала Хараммины выкинули несколько миллионов инсектов на совершенно не пригодные для жизни болота, в которые превратились океаны Сферы, потом уже Конфедерация надавала по жвалам тем «диким семьям», которые, в обход договоренностей, пытались колонизировать миры вдоль Рукава Пустоты. Короче они не спешат возвращаться в свой искусственный мир, и ситуация, по моим представлениям, такова: пока инсекты держат под контролем скопление О'Хара, нечего и думать и новой волне Экспансии. Положение похлеще, чем перед началом Первой Галактической. Нам нужны точки промежуточного всплытия, станции ГЧ и комплексы технического обслуживания в звездных системах скопления, чтобы успешно преодолеть его и двигаться дальше. Но построить их в существующих условиях просто нереально. Три четверти скопления контролируют «дикие семьи», не

признающие, ни Конфедерацию, ни достигнутых между цивилизациями договоренностей.

– Зреет война?

– Может быть.

– Почему «может»? Конфедерация собирается свариться в собственном соку? Или мы будем преодолевать провалы между спиральными рукавами Галактики только из-за того, что деградировавшие семьи инсектов не пускают нас через скопление? - Недоверчиво поинтересовался Рощин. Уж он-то знал, какими становятся люди после нескольких лет бесцельного прозябания на окраинных мирах в тщетном ожидании старта колониального транспорта.

– Ну, в вопросе деградации, - это еще с какой стороны посмотреть. - Криво усмехнулся Риган. - Пара исчезнувших в скоплении картографических крейсеров докладывала о контактах с целыми флотами насекомых. После чего корабли больше не выходили на связь. А ты сам знаешь, картографический крейсер голыми руками не возьмешь.

– Ты не ответил на мой вопрос Риган. По-твоему, будет война с инсектами или нет?

– Тебя это так волнует?

– Да, волнует.

– Тогда я отвечу, что, на мой взгляд, в ближайшие годы полномасштабных столкновений не предвидится. Скорее скопление на время оставят в покое.

– С чего бы вдруг? - Рощин искоса посмотрел на своего гостя.

– Ты слышал о планетах Ожерелья[12]?

– Это те, что в гиперсфере? Неудачный эксперимент логриан?

– Я бы не назвал его неудачным. Скорее, - незавершенный.

– В смысле? - Вадим не скрывал свое заинтересованности, а Риган, что греха таить, не прочь был поделиться известной ему информацией, он был готов сказать даже чуть больше, чем следует, только ради того, чтобы уверить Рощина в своей лояльности по отношению к нему.

– Вижу ты не прочь свалить отсюда, Вадим? - Эйджел осторожно начал зондировать почву.

– Было бы неплохо. - Кивнул в ответ Рощин, указав на бокал. - Пей, а то весь аромат улетучиться.

– Короче, предысторию ты наверняка знаешь. - Риган сделал глоток терпкой жидкости, ощущая, как моментально прояснилось в голове, словно усталость, скопившаяся за последние сутки, улетучилась вмиг.

Прекрасный напиток Диахр. Баснословно дорогой, редкий, не поддающийся синтетической подделке.

– Ну да… Я слышал, что древние расы каким-то образом отправили в недра аномалии девять планет. Однако шум по этому поводу в галактической прессе поднялся как раз накануне моего вынужденного исчезновения.

– Тогда слушай, - Риган не смог отказать себе в удовольствии и сделал еще один глоток. Вадим рисковый парень, а жизнь, не смотря на частные заморочки, все-таки неплохая штука. - Ты знаком со свойствами Вертикалей? - Обратился он к Рощину, поставив на стол опустевший бокал. К еде Эйджел не притронулся по двум причинам: во-первых, не хотел портить тонкий вкус редкого напитка, а во-вторых, не без оснований опасался, что Вадим мог подмешать ему в пищу какой-нибудь из препаратов, нейтрализующий тонизирующее действие Диахра.

– Ну, допустим с Вертикалями гиперсферы знаком любой школьник.

– Устарело. - Махнул рукой Риган. - Забудь, что преподавали в школе. Я тебе расскажу не понаслышке, Вадим. Сам испытал на своей шкуре. - Ригана все же понесло, и он, спросив взглядом разрешения, налил себе еще. - Логриане при поддержке Инсектов собирались устроить в самом сердце гиперсферы, в зоне десятого энергоуровня что-то вроде узловой станции. Понимаешь, они открыли свойство вертикалей, которое нам не было известно на всем протяжении освоения аномалии. Оказывается, вертикальные линии напряженности способны проводить материальные тела, при одном непременном условии - корабль не должен выставлять защитных полей, то есть полностью отдаться власти энергетического потока.

– Сгорит. - Покачал головой Вадим.

– Ничего подобного. Ты видел мой «Тайфун». Можешь посмотреть внимательнее - ручаюсь что не найдешь ни одного оплавленного пятнышка.

– И в чем суть?

– В движении, синхронизированном с потоком частиц, составляющих линию напряженности. Она, как транспортный тоннель инсектов работает, в две стороны. Создаешь поле высокой частоты, погружаешься в аномалию, и ловишь ближайшую вертикаль на масс-детекторе. При погружении все равно какую, - они сходятся в пространстве десятого энергоуровня.

– Сам видел?

– Клянусь.

– И каково там?

Эйджел усмехнулся.

– Сказать честно - жутковато. Можешь себе представить энергетический сгусток бледно-сиреневого цвета, по форме напоминающий миниатюрную пространственную модель нашей Галактики? Вокруг по единой орбите с небольшими интервалами обращаются те самые девять планет, восемь мертвых и одна с атмосферой. Это результат попыток логриан создать узловую станцию в гиперсфере.

– А что у них не вышло?

– Там очень сильное магнитное поле.

– Киберсистемы не выдерживают?

– Хуже… - Диахр развязал Ригану язык, он сам не почувствовал как начал непринужденно болтать, хотя по жизни был человеком замкнутым, - в магнитном поле сгорают не только компьютеры, в любом проводнике, как его не экранируй возникают сильнейшие вихревые токи. Сам видел. Стоит задействовать хотя бы один энерговод, кораблю крышка. Теперь понятно, почему двухголовые, так и не создали ничего путного?

– В общих чертах. - Вадим пригубил из своего бокала. - Выход, я так понимаю, все же нашли?

– Естественно. - Хохотнул Эйджел. - Нашим военным только дай проблему, рано или поздно разжуют и выплюнут.

– А поконкретнее?

– Так ты слушай. Не перебивай. Корабли для прыжков по вертикалям оборудуются дублирующими системами. Жуткий примитив, хочу сказать. Все на глазок, благодаря логр-компонентам. Они выступают в роли датчиков, обработку данных производит фотонный компьютер, с накачкой через оптические уловители. В общем, перемещаться там приходиться исключительно на механике, связанной со струйными ускорителями. Никакой тебе плазмы, только холодный газ под давлением. Управление, как я уже сказал, - на глазок. Хорошо если на борту есть мнемоники, - они видят вертикали и могут даже считывать маркировку уже известных линий напряженности. Сам процесс примитивен до безобразия. Корабль при выключенных энергосистемах - суть чуждое для аномалии тело. Не знаю, какими разработками пользуются военные для постоянного патрулирования, но транспортные и разведывательные корабли, попав в пространство десятого энергоуровня, запрашивают у диспетчерской Ожерелья вектор на нужную вертикаль и ускоряются в том направлении. Как только энергетический поток захватывает корабль, он начинает отторгать его в трехмерный континуум. Несколько минут и ты снова в космосе, но уже за сотни, если не десятки тысяч световых лет от точки погружения. Круто?

– Я бы сказал - необычно.

– Скептик ты Рощин. Подумай - оттуда открывается доступ ко всем звездным системам Галактики. Проблема лишь в том, что пока маркированы от сила десятка три вертикалей. Из миллионов, вливающихся в энергетический сгусток. Ну и техника конечно еще не доведена до ума.

Вадим кивнул, с трудом сдерживая свои эмоции. Все что сейчас рассказал Эйджел, являлось для него воистину бесценной информацией.

– Ну а ты-то там как оказался?

– Деньги, Вадим. Деньги. Подрабатываю по личной, так сказать, инициативе.

– То есть запросто, вот так шныряешь через гиперсферу под носом у мнемоников Конфедерации? - Недоверчиво сощурился Рощин.

– Ну, не запросто, конечно. Приходиться выкручиваться, но там сейчас открыли несколько коммерческих линий, осваивают три мира на другой стороне Галактического диска, прикидываешь?

– С трудом… И что с того?

– Ну, ты же знаешь что такое колонизация. Сплошной поток грузов. Караваны транспортов идут практически постоянно. Я наловчился пристраиваться им в хвост, чтобы спокойно перескочить на вертикаль восхождения. Ну а потом все просто. Примерно на третьем иногда на втором энергоуровне врубаю защиту и отскакиваю в сторону. Потом как обычно по сетке горизонталей на удачу.

– И что ты ищешь, конкретно? Или это секрет?

– Да какие секреты. Ты ведь все равно будешь программировать гипердрайв… - махнул рукой Риган. - Что толку скрывать. Ищу планету. С кислородосодержащей атмосферой естественно… Чтобы продать потом ее координаты за бешенные деньги и плюнуть раз и навсегда на суету, проблемы… - Эйджел сладко потянулся. Диахр на него действовал ровно так, как рассчитывал Вадим. Это состояние нельзя было сравнить ни с алкогольным опьянением, ни с наркотическим забытьем, мозг человека простимулированный соком экзотического растения имел свойство воспринимать первую волевую установку, полученную извне. Рощин лишь недоумевал: почему Риган попался так просто - ведь он должен был знать о такой особенности предложенного напитка. Хотя, знать все и обо всем, пожалуй, невозможно, - философски рассудил Рощин.

– Значит, занимаешься дальним поиском?

– Ну да. Только в этот раз не все прошло гладко.

– А что так?

– Да видно приметили мой корабль. Я кстати не один летаю. С

компаньоном. Вернее компаньонкой.

– Мнемоник? - Тут же сообразил Вадим.

– Естественно.

– И где она?

– На «Тайфуне». Только не напрягайся, не напрягайся. Я тебе не врал. И сигнал бедствия подавал не из дури. Шарахнули ее мнемоники Конфедерации.

– Насмерть?

– Нет, к счастью. Но в себя не приходила. Лежит на борту в реанимационной камере. Так что ты когда будешь на «Тайфуне», не заводись, девчонка получила по полной… Не знаю выкарабкается или нет.

– Ладно. Хорошо, что предупредил. - Вадим встал.

– Что о результатах поиска спрашивать не будешь?

– А ты скажешь?

– Нет, конечно. - Риган уже улыбался совершенно ненормально. - Все тут. - Он выразительно похлопал себя по затылку. - Так что в навигационном компьютере ничего нет.

– Да я и не собирался искать. - Ответил Рощин, посмотрев на данные хронометра притаившиеся в нижней части одного из сегментов кольцевого экрана. - Пора заниматься делом, Эйджел.

– Спать охота. Двое суток на ногах.

– Понимаю. - Вадима как нельзя кстати, устраивал такой оборот событий. - Могу предложить свою каюту. Другого приспособленного помещения на станции нет.

– Ну, если ты так…

– Без глупых реверансов, ладно? Отдыхай, часа четыре можешь поспать. Пока механизмы отгрузят активное вещество, я тебя тревожить не буду. Потом как договаривались Риган, без препирательств и глупостей. Входим в мнемонический контакт, я корректирую тебе память и провожу на «Тайфун». Какие координаты вводить в гипердрайв?

– Аллор… - Демонстративно зевнув, ответил Эйджел.

– Значит, все-таки нашел планету?

– Не скажу.

– Ну, ладно. Дело твое. Пошли, провожу тебя в каюту.

* * *

Когда за Рощиным закрылась дверь, Риган привстал, прислушиваясь к

приглушенному звуку удаляющихся шагов.

Фрайг бы его побрал, вместе с Диахром.

Изображать из себя идиота, попавшего под воздействие экзобиологического наркотика было напряжно и противно.

ТымнеответишьизаэтоРощин, несомневайся … - Мысленно пообещал Вадиму Эйджел, осматривая спартанскую обстановку каюты.

Здесь, как он и предполагал, находился резервный управляющий комплекс станции.

Осторожно совершив несколько безобидных и бесхитростных манипуляций с компьютерным терминалом, Риган поразился двум вещам: во-первых, в системе практически отсутствовали пароли, а во-вторых, управление кибернетическими комплексами осуществлялось при помощи архаичного интерфейса визуально-графических команд.

Сдвинулся Вадим после той атаки или нет, он так и не решил, но знакомство с компьютерной сетью рудодобывающего комплекса поведало Ригану об одной фобии Рощина, - он явно опасался внезапной атаки мнемоников. И потому перевел все часто используемые системы на ручное управление, чтобы исключить саму возможность дистанционных мысленных манипуляций с кибернетикой его «убежища».

Так, посмотрим, чем ты тут занимаешься …

Эйджелу не составило труда освоиться с нехитрой, но вполне эффективной системой визуального контроля.

Вообще он собирался проследить за Рощиным, однако, взглянув на запускную последовательность контрольного осмотра помещений, решил, что на это будет любопытно взглянуть.

Освоиться с непривычным интерфейсом не составило особого труда: минутой позже Риган уже свободно переключался между камерами слежения, установленными в различных отсеках рудодобывающего комплекса.

Да, не уютно… Впрочем, чего ожидать от этой рухляди? Комфорт на борту полуавтоматических рудодобывающих станций не планировался изначально, а для радикального переоборудования нужны такие средства, что гораздо проще купить на них новый корабль…

Зря трачу время . - Подумалось Ригану.

Еще одно касание сенсора и Эйджела внезапно бросило в жар. Какое там самообладание… Передающая камера, установленная в парковочном доке «Спейсстоуна», показывала фрагмент звездной бездны, на фоне которой застыл пришвартованный к станции *фрегат…*

Дьяволы Элио… Неужели «Игла»?!..

Точно. Риган не верил в совпадения. Значит, Вадим Рощин действительно тот самый неуловимый капитан, что доставил столько хлопот корпорациям Окраины?

Теперь он, наконец, понял, почему за голову Рощина обещана столь щедрая награда.

Пока он смотрел на укрупненный фрагмент «Иглы», где, присмотревшись, можно было различить полуистершуюся, блеклую надпись на выщербленных бронеплитах, в открытом ангаре (задняя стена вакуум-дока была специально демонтирована, чтобы семисотметровый корабль мог войти в зону действия магнитов удержания) появился уже знакомый Ригану андроид.

Интересно.

Почему дройд не остался следить за мной?

Пока он наблюдал, одновременно размышляя над поведением Рощина, человекоподобный сервомеханизм подошел к шлюзу «Иглы».

Собирается внутрь.

Риган понятия не имел, зачем андроид проследовал на борт фрегата, но ничего хорошего на ум не шло.

Угораздило же меня всплыть именно в этой системе… Хотя все может быть к лучшему. Только действовать нужно решительно и немедленно. Рощин сейчас на борту «Тайфуна», коридоры станции пустуют, есть конечно риск, что система визуального контроля имеет тревожные датчики, но кто не рискует…

Риган более не желал задерживаться тут. Пусть Вадим думает, что я отрубился после дозы его зелья, которое только пахнет Диахром. Пока он не вернулся нужно пробраться в ангар. Это единственный способ избежать «промывания мозгов» и убраться отсюда невредимым, благо «Тайфун» причалил к открытому вакуум-доку.

Он меня не остановит. Не успеет. Если действовать быстро - все получиться.

* * *

Эйджел не ошибся, Вадим действительно находился на борту «Тайфуна», но занимался отнюдь не программированием блока гипердрайва.

Бледный, как сама смерть, он стоял в медицинском модуле разведывательного корабля подле сложного комплекса систем

жизнеобеспечения и не отрываясь смотрел на осунувшиеся черты молодой женщины, находившейся в бессознательном состоянии.

Эллен… Это была она.

Вадим чувствовал - еще немного и он потеряет контроль над своими поступками.

Разум подсказывал: таких совпадений не бывает, не настолько тесна Обитаемая Галактика, чтобы в третий раз случайно пересеклись их жизненные пути.

В первый момент он растерялся, а притаившиеся на донышке души воспоминания как будто ждали этого, готовясь вырваться на свободу.

Как он мог не узнать ее? Сомнения если и возникли, то на долю секунды не более.

Эллен….

Я ведь искал тебя после Фрисайда…

Он стоял, окаменев, не зная, что думать и делать. Это была минутная слабость, но что значит шестьдесят секунд для разума мнемоника?

Вечность… субъективная вечность, полная рвущихся воспоминаний.

* * *

Корпоративная Окраина. Система Аллора. Прошлое…

Газопылевая туманность являлась не единственным местом, где Вадим Рощин видел клубящиеся облака, налитые цветом дурной крови.

Существовало во Вселенной еще два места, где он видел багровые небеса над головой и, словно спутник злого рока, они неизбежно ассоциировались в памяти с событиями, запредельно жестокими, такими о которых страшно не то, что бы вспоминать, - их невыносимо *помнить…*

Но память беспощадна. Особенно остра она у мнемоника.

Багровые небеса…

Впервые он увидел их в возрасте десяти лет, уже после операций по имплантации внутренних чипов.

…Закрытая спецшкола, функционирующая под вывеской учебного заведения колониальной администрации Аллора, имела небольшой внутренний двор, окруженный высоченным стеклобетонным забором, поверх которого была натянута незримая сеть энергетической защиты.

Попасть сюда снаружи, не имея специального пропуска, попросту невозможно, как, впрочем, и бежать.

Вадим одновременно любил и ненавидел этот похожий на колодец

двор, освещенный красновато-рыжими лучами неистовой Горгоны - светила системы Аллора.

Любил потому что в краткие часы разрешенных прогулок он оставался тут один, не ведая, что это лишь часть эксперимента, очередная веха его мнемонического обучения. Ему казалось, что он свободен, - мальчика не смущали сотни микроскопических камер, соединенных в виртуальную сеть наблюдения, не тревожили чуткие микрофоны, улавливающие ритм его дыхания, совершенно не волновали датчики различных спектров, следящие за работой имплантов. Он смотрел в тусклые багровые небеса и мечтал. Тени от высоких стен удлинялись, ползли по стеклобетонному покрытию внутреннего дворика, а он, находясь в центре сложней кибернетической сети, опутавшей его рассудок виртуальными тенетами, мечтал о том дне, когда повзрослеет настолько, чтобы вырваться отсюда.

Он знал - из него готовят*мнемоника*, а значит, день, когда потенциальные возможности Вадима превысят порог защищенности кибернетического периметра непременно наступит, с такой же неизбежностью, как на смену жаркому дню приходит прохладная ночь, - уже тогда он понимал это со всей очевидностью, не смотря на возраст. Отличие Вадима от других воспитанников школы заключалось в том, что он умел прятать некоторые из своих мыслей. Мальчик понимал, его не станут хвалить за них.

Что-то надломилось в сознании еще пять лет назад, на жаркой, пыльной планете Ганио. Жуткие воспоминания о рынке рабов, откуда его вызволил хорошо одетый, улыбчивый мужчина, сделали Вадима замкнутым, он послушно исполнял все, что ему велели, но редко задавал вопросы и не охотно отвечал на них.

Наверное, подсознательно он понял - единственное чего не могут у него отнять, - это мысли. Но тут под надзором строгих учителей приходилось прятать даже их.

…После жестокой дневной муштры, изнурительных заданий, окриков преподавателей, вечерние часы спокойствия и одиночества казались ему настоящим счастьем.

Обычно Вадим садился в углу двора там, где густо росли незнакомые ему кусты с колючими ветвями, мелкими листиками и мечтал, вдыхая пряный аромат растений.

Его мысли действительны были недоступны следящим системам. Со стороны казалось, что мальчик застыл в полнейшем оцепенении, - на его лице жили только глаза, - взгляд Вадима то скользил по кибернетическим

узелкам охранного периметра, которые явственно воспринимал его рассудок, то устремлялся к закатным небесам…

…Тот вечер он проводил, как обычно. Вадим не ведал, что за толстыми стеклобетонными стенами располагаются еще десятки точно таких же, похожих на каменные колодцы двориков, где в мнимом одиночестве находились сейчас другие воспитанники школы. Он не знал и о том, что для преподавателей и нейрохирургов часы вечернего «одиночества» воспитанников являлись наиболее напряженными - персонал занимал места перед информационными системами, наблюдая за показаниями сотен приборов.

Сидя на скамейке под кустом генетически измененной жимолости Вадим не мог слышать слов своего наставника:

– Похоже Рощин безнадежен. Нам придется его отчислить.

Нейрохирург (он же специалист по имплантируемым кибернетическим системам) лишь покачал головой в ответ.

– Торопишься. Все показания имплантов в норме. Программы работают, как положено. Он видит все датчики периметра.

– Да, но мы не видим их его глазами! Где данные со зрительного нерва? - Мнемоник взглядом указал на пустую виртуальную сферу стек-голографа[13]. - Если я не могу воспринимать его мысли, значит, не могу и контролировать, ни его поведения, ни правильности исполнения приказов. *Такой* работы от нас попросту не примут.

– Я постараюсь разобраться. Думаю это обыкновенный сбой в трансляции данных. Нет причин для скоропалительных выводов…

Багровые небеса постепенно темнели; в расположенном неподалеку мегаполисе уже давно зажглись вечерние огни, - со стороны казалось, что часть городской иллюминации течет, словно река, сбегающая по циклопическим уступам рукотворной глыбы исполинского города, и жидкими, текучими огнями стремящаяся в сторону предместий, где как раз располагалась закрытая спецшкола.

Река огней при ближайшем рассмотрении оказалась ни чем иным, как сотнями движущихся в сторону от города флайкаров.

Жутка природа людей.

Мы вырвались к звездам, но мало изменились внутри. Казалось бы - чуждые биосферы, едва одолимые трудности колонизации множества миров должны закалить людей, отсеять слабых, глупых, излишне жестоких или слишком мягкотелых, но нет, - уровень роботизации зачатую давал возможность не только выжить самым не приспособленным членам

человеческого общества, но и процветать, создавая совершенно бесполезные социальные прослойки, состоящие из праздных, неуравновешенных, склонным к дурным привычкам людей.

Именно такая категория граждан стремительно развивающегося Аллора - фактической столицы Корпоративной Окраины, двигалась сейчас в сторону предместий.

Изнывающие от скуки они стихийно сбивались в подобие звериных стай, с тем отличием, что стая животных никогда не охотятся на свои жертвы из скуки.

Эти люди годами не могли найти работы, однако социальное пособие позволяло им не только питаться, оплачивать дешевое жилье, но и, изнывая от праздности, смотреть общественные каналы сферовидения, быть в курсе галактических новостей, и считать себя вправе судить те или иные аспекты нравственно-технологического развития цивилизации.

Их взгляды, к вечеру обычно затуманенные алкоголем или наркотиками, уже не первый день были обращены в сторону приземистых похожих на бункера зданий спецшколы.

После решений Совета Безопасности Миров о новом статусе мнемоников на многих планетах Окраины, в том числе и на Аллоре, возникли стихийные движения в защиту «генетической чистоты вида». Их невесть откуда взявшиеся организаторы имели на удивление четкие программы, постулируя опасность для всего человечества, которая, по их мнению, исходила от нового поколения киборгов, которых лживые корпорации пытаются выдать за полноценных людей.

Тщательно обработанная, доведенная до необходимой стадии исступления толпа, преследующая искусно навязанную ей цель, - вот чем являлся поток текучих огней, неумолимо приближающийся к закрытому спецучреждению колониальной администрации.

Уничтожим генетических уродов.

Такой непритязательный лозунг вел за собой сотни распаленных, не совсем трезвых обитателей городского дна, но кроме них к комплексу похожих на укрепленную военную базу построек двигалась в данный момент еще одна стихийно организованная сила.

Планета Аллор, не смотря на развитую инфраструктуру мегаполиса, и статус центрального мира Окраины по-прежнему пребывала в стадии активного терраформинга. Нужно сказать, что местная биосфера доставляла немало хлопот как первым поселенцам, появившимся тут два века назад, так и их современным потомкам. Знаменитая Аллорская сельва все еще господствовала на планете, занимая три четверти от общей

площади пригодного для жизни материка.

Собственно, борьба с ядовитым для человека растительным покровом являлась основным источником дохода и существования для сотен тысяч эмигрантов, ежегодно прибывающих на Аллор. Однако в последние годы, с появлением мнемоников, резко изменилась политика всех без исключения корпораций сектора, занимающихся вопросами планетарного преобразования. Возникновение новой касты людей с уникальными способностями позволило, наконец, внедрить в производство высокотехнологичные самодостаточные роботизированные комплексы, повсеместно заменившие морально устаревшие почвоукладчики.

Однако внедрение «терраформеров» резко обостряло проблему безработицы. Один роботизированный комплекс по своей производительности заменял тридцать почвоукладчиков, оставляя без работы порядка двухсот человек из числа сменных операторов и технического персонала разбросанных по сельве станций обслуживания.

Ситуация внезапно приняла резкий, негативный оттенок и стремительно заходила в тупик. С одной стороны, фирмы, занимающиеся планетным преобразованием, увольняли по нескольку тысяч человек в месяц, с другой, они все чаще сталкивались с актами саботажа и вандализма: дорогостоящая техника выходила из строя по самым нелепым причинам - ее попросту ломали те, кто остался без работы, но не пожелал влачить жалкое существование на нижних уровнях мегаполиса.

В конечном итоге терраформеров пришлось оснащать стрелковым вооружением, - то есть людей, оставшихся в сельве и организовавших стихийные поселения в местах базирования станций техобслуживания начали *убивать* при попытках нанести вред дорогостоящей аппаратуре.

Все это являлось отражением иных более масштабных процессов, протекавших в Обитаемой Галактике.

Основная беда заключалась в том, что вставшее на пути новой волны Экспансии, населенное инсектами скопление О'Хара, закрыло паровой клапан цивилизации. Если раньше шло постоянное освоение новых миров, и поток эмигрантов, пребывающих на Окраину не задерживался на динамично развивающихся мирах пограничного сектора, то теперь двигаться стало некуда, новые миры из суровой реальности перекочевали в разряд недосягаемой мечты.

Сотни тысяч, если не миллионы «лишних» людей повсеместно скапливались на планетах Окраины.

Их недовольство долго вызревало в поисках жертвы.

Не сложно понять, что в конечном итоге виновные всегда найдутся, и

в данном случае ими стали мнемоники - люди, чьи способности позволили эффективно внедрить новые методы машинного освоения планет.

Для населения Окраины они являлись существами непонятными, истины о природе мнемоников на тот момент не знал никто, кроме специалистов корпораций, но у человеческого воображения есть неистребимый набор далеко не положительных качеств: не понимая сути какого-либо явления, оказывающего существенное воздействие на нашу жизнь, мы не задумываемся над его сутью, не ищем истины, - куда проще возненавидеть, чем понять, обойтись простыми, но в корне неверными утверждениями, основанными на домыслах. Именно так в течение ничтожно малого срока возник устойчивый миф о нечеловеческой природе мнемоников. Большинство не сведущих, но присвоивших себе право судить граждан сходилось во мнении, что мнемоники не более чем новая разновидность биологических роботов, которых корпорации пытаются выдать за полноценных людей.

Ореол зловещей тайны, окружавший первые опыты по избыточной имплантации, внезапно дал рецидив, упав на благодатную почву невежества или не желания воспринимать истину: сотни уволенных с работы колонистов, у которых появление мнемоников и внедрение комплексов терраформинга отняли последнюю надежду на какие-либо перспективы, долго копили недовольство пока наконец не решились действовать.

Уничтожим генетических ублюдков .

Такие лозунги были начертаны от руки на выцветших бортах старых планетопреобразующих машин, которые двигались к закрытой спецшколе со стороны неосвоенных участков Аллорской сельвы.

Жуткий в своих намерениях демарш приближался к комплексу опрятных зданий, где на положении заключенных находились сотни ни в чем не повинных подростков.

Они сидели в глухих, отгороженных от внешнего мира двориках, пытаясь придти в себя после изнурительных дневных занятий, когда первый луч фар жадно облизнул кажущиеся неприступными стены защитного периметра.

По всему комплексу поднялась тревога, но нападения со стороны мирных граждан никто не ждал, оно оказалось внезапным, совершенно не мотивированным, но когда со стороны сельвы появились тяжелые мощные планетопреобразующие машины, стало ясно - акция лишь отчасти стихийна.

Снабженные бульдозерными ножами многотонные почвоукладчики с

хода проломили стены периметра, открывая десятки брешей для заранее разогретой, доведенной до стадии тупого исступления толпы городских жителей.

Закатные краски уже почти угасли, когда Вадим услышал оглушительных грохот, сопровождающийся глухим перестуком рушившихся бетонных обломков периметра.

Тем вечером Вадим впервые по-настоящему почувствовал собственную силу и уязвимость одновременно.

Оба открытия ошеломили его: происходящее вокруг не походило ни на тренировки, ни на занятия, грохот рушащихся стен, яркие слепящие столбы света мощных фар, *мыслилюдей* , вручную управлявших машинами, - все это, вместе взятое, походило на взрыв.

Нужно понимать, что рассудок мнемоника *всегда* связан с любыми доступными кибернетическими системами, оказавшимися в радиусе действия его имплантов.

Пережить подобное изменение мироощущения чрезвычайно сложно. Для взрослого человека подобная процедура пагубна, устоявшаяся психика рассыпается на фрагменты, дробиться, не в состоянии вернуть себе целостность восприятия реальности. Именно потому кандидатов в мнемоники искали среди детей, чья психика пластична, адаптивна, они еще могут принять новые *аппаратные* средства восприятия мира, примириться с ними и, в конечном итоге, принять импланты как неотъемлемую часть собственного "я".

Мысли людей (наиболее яркие, выраженные на пике эмоционального состояния) показались испуганному мальчику сродни вязкой волне маслянистого океана планеты Элио. Ассоциация проскользнула на уровне подсознания.

И тут же, следом, не дав, ни толком испугаться, ни вздохнуть полной грудью, ни позвать на помощь, внезапно пришла кристальная четкость восприятия, словно вечер сменился феерическим полуднем на совершенно незнакомой планете, где бьют неистовые энергетические разряды, а вокруг все движется в замысловатом сплетении незримых для обычного взгляда явлений.

Он не мог сопротивляться нарастающему внутри процессу.

Перед внутренним взором, на фоне бушующих энергий вспыхивали и тут же гасли лаконичные надписи:

Включение метаболических ускорителей .

Статус имплантов - полная активация .

Боевой режим.

Мощная стена внутреннего дворика внезапно покрылась замысловатой сеткой трещин и начала медленно оседать, поднимая облако белесой пыли.

Все происходило как в замедленной съемке.

Вадим ощущал, как одна за другой выходят из строя, рушатся вместе с обломками стены кибернетические системы.

Он инстинктивно отпрянул в сторону, пробежал с десяток метров, остановился, но не стал озираться, как испуганный ребенок, - оказавшись среди хаоса и разрушений он не испытывал ужаса, наоборот, на мгновенье пришел непонятный восторг, будто все происходящее вокруг было сродни стихии, разрушительной опасной, но по-своему красивой…

Вязкая волна человеческих мыслей, из которых становились понятны если не побудительные мотивы, то конкретные намерения атакующих, обдала его жарким дыханием ненависти, черной, необузданной и необоснованной.

Он не мог ответить этой поглощающей рассудок волне, оттолкнуть ее прочь, но Вадим сумел выстоять, абстрагироваться от вязкости чужих мыслей, и мир снова расцвел разноцветьем брызжущих энергий.

Прямая связь с подсознанием (обычно не доступная для разумного управления человеком) давала ему неоспоримые преимущества - он мог воспользоваться всеми знаниями и опытом, что день за днем укладывались в его рассудок строгими наставниками, обучающими программами, виртуальными тренажерами и, как казалось, - забывались, вытеснялись из памяти новым днем изнурительных тренировок.

Ничего подобного.

Сейчас, когда включился имплантированный модуль прямой аппаратной связи с областями долгосрочной памяти, он внезапно понял, что ничего не забыто: сотни уроков воспринимались сознанием как огромная база данных, доступная для мгновенного прочтения.

Взрослый бы сошел с ума, открыв такое в собственном рассудке, но Вадим был чужд иррациональному страху перед своими возможностями. Разве не о них твердили ему каждый день?

Мысли, чувства, ощущения - все спрессовывалось в миллисекунды бытия, за которые он успевал понять с недоступной обычному подростку спокойной рассудительностью суть происходящих вокруг процессов разрушения и одновременно ужаснуться им, увидеть частицу прекрасного в мрачной энергетике разрушения и осознать, что если ничего не делать, то спустя некоторое время его просто *убьют* .

Последняя мысль внезапно стала доминантой, она заполнила

рассудок, требуя немедленных ответных действий.

Вокруг с тяжким грохотом рушились многотонные обломки стеклобетона, мрак взрезали лучи поисковых прожекторов… громадные машины карабкались по кучам щебня, подминая обломки траками широких гусениц, человеческая ненависть исчезла, теперь он ощущал болезненный азарт охотников, которые страшились содеянного, но уже не могли остановиться, - Вадим внезапно увидел распростертое среди окровавленных фрагментов стены, наполовину раздавленное, перемолотое гусеницами тело такого же, как и он подростка.

Ужас.

Мгновенный ужас прошелся отрезвляющей волной, вновь вернув сознанию кристальную ясность проносящихся с бешеной скоростью мыслей.

Он, наконец, очнулся.

Игры и уроки кончились.

В проломы стен ворвалась жизнь.

Десятилетний мальчик стоял посреди бушующего хаоса разрушения, впитывая идущие отовсюду эманации человеческого страха, агонии, ненависти, и вдруг звенящей нотой в его сознание ворвалось нечто иное: он *увидел*, как, перебираясь через нагромождения обломков, кашляя и задыхаясь от пыли, бежит, спотыкаясь, падая, крича в голос, незнакомая девочка его возраста. Ее щека была испачкана кровью, глаза слезились от разъедавшей их бетонной пыли, рот некрасиво кривился в исступленном крике…

Первое знакомство с чудовищной реальностью.

Разум отторгал данность.

Он не хотел более воспринимать вязкие волны человеческих эмоций.

На фоне короткой безэмоциональной агонии кибернетических систем подобные эманации казались отвратительными, непонятными, удушающими.

Он медленно, будто во сне повернул голову, и его импланты, наконец, заработали, исполняя свое предназначение, выплескивая на диапазонах связи четкие алгоритмы команд.

Девочка, чей образ ошеломил его, находилась в ста сорока метрах от Вадима, на территории смежного внутреннего дворика, - эти данные ему удалось снять с уцелевших на огрызках стен, работающих на автономном питании датчиков.

Он не прилагал специальных усилий, чтобы сконцентрироваться, все вышло само собой, как и должно происходить в рассудке мнемоника:

мысль Вадима, направленная задыхающейся от ужаса девочке, была мгновенно оцифрована и передана ей по каналам прямой мнемонической связи, - импланты Вадима транслировали инструкции, которые автоматически воспринимались ее кибермодулями и преобразовывались из машинного кода в понятные человеческому рассудку мысленные образы.

Она остановилась, все еще дико озираясь по сторонам, всхлипнула, машинальным движением руки размазывая кровь и грязь по щеке, затем ее глаза отыскали пролом, заваленный горами раздробленного стеклобетона, карабкающийся по отвалам почвоукладчик, далее обычное зрение уже не работало, - в ход пошли включившиеся после мнемонического контакта сканирующие системы, и она увидела Вадима.

Беги ко мне.

Я боюсь!.. Меня раздавит!..

Беги!

Ее разум подчинился волевому приказу.

Громада почвоукладчика разворачивалась, лязгая траками гусениц. Мощный прожектор, установленный на лобовом скате брони, казался глазом мифического циклопа, но Вадим не ощущал ужаса перед неуклюже разворачивающейся машиной.

Вполне понятный механизм, которым в данный момент управляла не здравая логика программ, а злая, непонятная воля сидящего за рычагами управления человека, потерявшего рассудок от творящегося вокруг.

Он был убийцей.

Вадим читал мысли водителя, как ровные строки набранного на компьютере текста.

Его звали Джон.

Он потерял работу, и во всем винил мнемоников, новых сотрудников отдела терраформирования, которые могли контролировать сложнейшие роботизированные комплексы, пришедшие на смену морально устаревшим почвоукладчикам.

Его логика, простая до примитивного безобразия, не несла ни грамма здравого смысла, являясь полностью субъективной, она вела человека по пути ложных выводов, он даже не мог толком связать в своем сознании причину со следствием, и потому бесновался, чувствуя собственную ограниченность, никчемность. Он не мог понять необратимость прогресса, не принимал пришествия новых технологий, ненавидел все, что не в силах был постичь, и в то же время являлся откровенным трусом.

Он пришел сюда с единственной целью - выплеснуть свои жизненные неудачи на головы безвинных воспитанников корпоративной школы, в

жестоком, несправедливом заблуждении считая, что, убив их, он вернет себе прежнюю жизнь…

Почему он не обратил свой гнев на взрослых сотрудников отдела терраформирования?

Джон боялся. Он ненавидел мнемоников и боялся их.

В его жилах холодела кровь при одной мысли о том, чтобы подойти к взрослому, уже состоявшемуся мнемонику и оскорбить его словом, либо действием.

Нет, на такое он не способен. Но, утопив свой ужас вместе с остатками здравого смысла, в изрядной дозе алкоголя, он решился пойти на штурм корпоративной школы.

Где логика?

Ее не было. Был страх и исступленная злоба.

Луч прожектора повернулся, внезапно высветив фигуру Вадима.

Вот он имплантированный ублюдок…

Мысль обожгла рассудок, словно горячий слюнявый язык, лизнувший мозг Вадима.

Его едва не вырвало.

Почвоукладчик рывком тронулся с места, сползая по отвалам бетонного щебня.

Беги ко мне!

Я бегу!… Ты только не уходи, ладно?!..

Я не уйду. Обещаю.

Вадим не понимал, откуда в нем такая твердость. Он не боялся, ни машины, ни управлявшего ей человека.

Импланты вышли на предел мощности проникающего излучения, передавая команды от разума мальчика к исполнительным кибернетическим системам почвоукладчика.

Огромная машина внезапно остановилась, затем начала поворачивать, застопорив одну из гусениц.

Сидящий в кабине человек моментально сообразил, в чем дело.

Ах ты, маленький корпоративный выкормыш…

Тщетные попытки вернуть утраченное управление почвоукладчиком только усилили страх и ненависть. Джон понял: ему не совладать с управлением пока этот бледный, серьезный не по годам подросток стоит среди бетонных обломков и играет с кибернетической системой, заставляя ее совершать незапланированные действия.

Но ничего… Я достану тебя…

Рассудок совершенно покинул Джона.

Он выбрался из кресла и, схватив подвернувшийся под руку увесистый металлический прут, служивший рычагом в одном из ремонтных приспособлений, начал выбираться наружу.

Он намеревался просто размозжить голову этому недоноску, вместе с той кибернетической дрянью, что напихали в его мозг нейрохирурги.

Мир для людей.

Если конечно Джона можно было назвать *человеком*.

Вадим видел, что водитель выбирается из кабины почвоукладчика.

Он мог убить его десятком различных способов. Не все защитные системы периметра отключились в результате разрушений, часть охранной электроники по-прежнему функционировала, но в отсутствии четких централизованных команд бездействовала, - утратив связь с базами данных, исполнительные механизмы периметра не могли определить для себя понятие «цель».

Вадим вполне мог генерировать нужный образ, дав конкретные целеуказания автоматике, но не стал. Он не хотел влиться своими мыслями в волну убийственной человеческой ненависти, не желал, чтобы заработали установки импульсных турелей, пятная обломки стен ошметьями разорванной плоти.

Его наставники расценили бы подобные мысли как явное отклонение в работе рассудка *защищающегося* мнемоника, но к счастью для Вадима они не уже не контролировали ситуацию.

Все происходило очень быстро.

Джон еще выбирался из кабины почвоукладчика, когда руки Вадима коснулась холодная ладонь девочки.

Как тебя зовут?

Эллен…

А меня - Вадим. Давай будем защищаться.

Как? - В ее мысленном голосе все еще сквозила паника.

Просто. Ты ощущаешь работу устройств периметра?

Да…

Работают два фантом-генератора[14] . Нужно чтобы они спроецировали наши голографические копии.

Хорошо. Я постараюсь.

Действуй. Я займусь маскировкой.

Когда Джон, оступившись, скатился по куче бетонного щебня, больно ударившись плечом о крупный обломок стены, к юнцу, перехватившему управление его машиной, присоединилась еще и девчонка.

Убью, обоих!.. - Шарахнулась в пустом, измученном рассудке злая мысль. Он встал, поднял металлический прут и, замахнувшись, ударил.

Металл со свистом рассек воздух.

Ожидая встретить сопротивление, Джон едва устоял на ногах, с трудом удержав равновесие.

Какого фрайга?!

Мальчишка стоял в полуметре от него и, как ни в чем не бывало, сверлил Джона своим холодным взглядом.

Он сморгнул, но наваждение не исчезло.

Оба подростка выглядели натурально, и он, опустив прут, протянул руку, погрузив трясущиеся пальцы в голографическое изображение.

Проклятье…

Он резко обернулся, но вокруг, вне освещенного прожектором пространства, сгущалась тьма, освещенная заревом начавшегося неподалеку пожара.

Они где-то рядом… Сердце Джона бешено молотило в груди. Он озирался по сторонам, не находя взглядом ничего, кроме следов разрушений, причиненных периметру его действиями.

На самом деле Вадим и Эллен стояли в трех шагах от Джона. Голограмма являлась лишь частью маскирующего воздействия установки фантом-генератора. Сложный комплекс не только проецировал трехмерные копии взявшихся за руки детей, но и скрывал их от постороннего взгляда, создавая искривление метрики, заставляя световые волны огибать фигуры, создавая иллюзию пустого места.

Возможно, рассвирепевший и сбитый с толка Джон, наугад махая длинным прутом, случайно задел бы детей… или наоборот, - приблизившись на опасное расстояние, получил бы от Вадима сокрушительный, испепеляющий разум мнемонический удар - этой злой ночью нельзя было поручиться, какими последствиями обернется то или иное действие.

Вадим действительно был готов защищать свою жизнь. Он многое понял за четверть часа, что минули с момента вторжения слепой, разрушающей силы.

Они одиноки.

Одиноки не в каком-то конкретно взятом мире, а во всей обозримой Галактике.

Везде на них будут смотреть с подозрением и плохо скрытой неприязнью. Он чувствовал это, так же как и Эллен, дрожащая, прильнувшая к нему, напуганная до смерти, но то же готовая

сопротивляться.

Джон внезапно сплюнул на бетонную пыль, покрывшую внутренний дворик толстым белесым слоем, и развернулся в сторону почвоукладчика, когда из темноты вдруг раздался твердый окрик:

– Стоять. Колониальная полиция! Брось арматуру на землю и подними руки!

Из темноты, словно материализующиеся призраки, один за другим появлялись вооруженные люди в черной мимикрирующей экипировке, которая тут же светлела, на глазах окрашиваясь в оттенки серого.

– Джон Шервуд, вы арестованы.

В голове Вадима что-то переключилось.

Он мысленно *отпустил* устройство фантом-генератора, и голографическая проекция тут же исчезла, а в метре от нее появились настоящие фигуры подростков.

Эллен всхлипнула.

Не отпуская ее руки, Вадим сделал несколько шагов и сел на запорошенную белесой пылью, чудом уцелевшую скамейку.

Сержант, только что арестовавший Джона Шервуда, присел на корточки.

– Дети с вами все в порядке?

Вадим поднял взгляд, и сержант вдруг невольно отшатнулся.

На него смотрели глаза взрослого умудренного нелегким жизненным опытом мужчины, который только что собирался убить человека.

Боже… Мнемоники. Эти дети - мнемоники . - Мгновенно сообразил сержант.

– Володя присмотри за ними. Я свяжусь с управлением.

…

Они никогда больше не встречались, вплоть до роковых событий на Фрисайде.

Вадима и Эллен постарались сразу же изолировать друг от друга - даже в город их везли на разных машинах, выполняя четкие инструкции специалистов, знакомых с так называемым «эффектом бабочки» когда два мнемоника, в экстремальных ситуациях обменявшиеся глубинными переживаниями, становятся духовно близки, настолько, что начинают ощущать себя единым целым, по крайней мере, находясь в пределах возможного мнемонического контакта.

Как два одинаковых крыла бабочки, которая не сможет лететь, потеряв одно из них.

Если Вадима и Эллен намеревались и дальше использовать по

отдельности, их следовало немедленно разлучить, пока чувство сблизившей их опасности не закрепилось на подсознательном уровне.

Настоящее.

Некоторое время Рощин стоял, смертельно побледнев.

Захлестнувшие разум воспоминания отступили, отпуская рассудок.

Хьюго? Ты меня слышишь?

Да, Вадим.

Немедленно пришли во второй вакуум-док автономную реанимационную камеру.

Вадим такое оборудование есть только на борту «Иглы».

Значит, сходи туда. Аппаратура нужна мне немедленно. Ты то же.

Что-то случилось с нашим гостем?

Нет с ним все в порядке. Много вопросов, Хью. Я жду тебя, действуй.

Отдав распоряжения Вадим взглянул на показатели медицинского комплекса под опекой которой в данный момент находилась Эллен.

Похоже Риган не лгал, все жизненные показатели оставались в пределах нормы, а вот мнемоническая активность отсутствовала. Разум Эллен находился в состоянии стазиса, который предполагал два исхода, либо она ушла в глухую мнемоническую защиту и не смогла вернуться в реальность, либо…

О втором исходе Вадим не хотел сейчас даже и думать.

Я заберу тебя Эллен . - Мысленной обратился он к ней. - *Риган ни чем не поможет тебе, а я попробую.*

Эйджел притаился в ангаре вакуум-дока.

Ему удалось забрать свой скафандр и выбраться в разгерметизированный причальный отсек через один из множества технических коридоров.

Когда-то Риган проходил тренировки на подобном устаревшем рудодобывающем комплексе. Он хорошо знал структуру космических фабрик класса «Спейсстоун» и смог без особого труда достичь своей цели.

Однако наблюдая за пришвартованным к внутреннему причалу «Тайфуном» он сделал весьма неприятное для себя открытие - Рощин по каким-то причинам решил забрать его спутницу, об таком намерении ясно свидетельствовали действия дройда, доставившего в вакуум-док герметичную камеру поддержания жизни.

Риган понятия не имел зачем Рощину понадобилось забирать Эллен.

Из сострадания? Или он сто-то заподозрил?

Проклятье…

В тот момент он был безоружен и, подсчитывая свои шансы, в рукопашной схватке с мнемоником и сопровождавшим его андроидом, пришел к закономерному выводу - риск не оправдан.

Но с него ведь голову снимут, если он вернется без Эллен!..

Как ни крути - замкнутый круг.

Нет… Нужно воспользоваться ситуацией и уносить ноги. Пусть свихнувшимся мнемоником занимается корпоративный отдел безопасности, тем более что здесь «Игла», которую безуспешно искали на протяжении последнего года…

Дождавшись пока Рощин и андроид скроются в шлюза, Риган ловко спустился по решетчатым конструкциям, оказавшись подле «Тайфуна».

На душе было гадостно. Он слишком хорошо понимал, что влип в историю из которой будет трудно выбраться. Рощин даже не подозревал какую ценность для корпорации представляет бессознательное тело Эллен.

Лучше бы я никогда не соглашался на эту аферу… - С запоздалым обреченным отчаянием подумал Эйджел, пробираясь на борт АРК.

За время его отсутствия реактор корабля выработал достаточно энергии, чтобы осуществить старт и погружение в гиперсферу.

Риган не сомневался что уйдет. Ручное управление работало исправно, Рощин сейчас где-то в коридорах Спейсстоуна, его фрегат по ту сторону рудодобывающего комплекса, - нет никто не сможет встать на пути его бегства.

* * *

Вадим резко остановился, ощутив толчок.

Мгновенная связь с системами слежения показала, как «Тайфун», отстыковавшись от станции, включил двигатели планетарной тяги, сжигая аппаратуру ангара, а вместе с ней - и саму возможность противодействия. Электромагниты насильственного удержания отключились, превратившись в оплавленные остовы, а корабль Ригана уже вырвался и вакуум-дока, стремительно превращаясь в пылающую точку.

Вот когда Вадим по-настоящему пожалел, что перевел все системы «Спейсстоуна» в полуавтоматический режим, требующих непосредственного ручного вмешательства человека для совершения каких-либо действий.

Защитив себя от атак мнемонических, он оказался бессилен воспрепятствовать бегству Ригана.

– Он приведет сюда корпоративный флот. - Изрек андроид, оценив ситуацию.

– Знаю. - Ответил Вадим.

Он уже принял решение и потому не колебался.

– Транспортируй камеру на борт «Иглы». Я соберу кое-какие вещи. Буду через пару минут.

– Мне готовить фрегат к прыжку через аномалию?

– Нет. Нельзя оставлять след. Поступим иначе, - имплант Рощина взморгнул, передавая системе дройда изображение газопылевой туманности. - Уведем фрегат в зону пылевых облаков.

Глава 2

Корпоративная окраина. Прошлое…

Он забыл ее.

Об этом позаботились принявшие мальчика специалисты.

Успешно окончив курс подготовки на другой планете Окраины, Вадим Рощин получил статус боевого мнемоника и начал работать на корпорацию «Инфосистемз».

Постепенно его жизнь налаживалась. Детские годы не стирались в памяти, но у него появилась иная жизнь, другие интересы, так что толку ворошить прошлое?

Корпорация виделась Вадиму чем-то безликим, но близким, он постоянно ощущал присутствие миллионов ее сотрудников не в физическом плане, конечно, а на некоем уровне абстракций.

В его понимании он ощущал силу, сложенную из миллиона маленьких частиц. Ощущение единства не являлось навязчивым, но оно постоянно присутствовало в мыслях, не давая ему выпадать из общности корпоративных интересов, даже когда Рощину приходилось действовать в одиночку.

В ту пору он считал, что нашел свое место в жизни.

Трезвый взгляд на мир, а особенно на реальность сектора Окраины, подсказывал: тебе повезло парень… менялись местами знаки восприятия прошлых событий, и теперь он думал о произошедшем на Ганио совсем в ином ключе. Если раньше его остро ранило все связанное с рынком рабов и дородным *покупателем* , приобретшим его как животное, то теперь он мыслил несколько в ином ключе. Как бы сложилась его судьба, не окажись на Ганио сотрудника «Инфосистемз»? То, что корпорации пришлось заплатить за его освобождение (да именно так теперь мыслил Вадим), только усиливало его чувство ответственности перед теми, кто позволил потерявшему все мальчишке вырасти, получить необыкновенные способности…

Миф, внедренный в его сознание нейропрограммистами, рассыпался на далекой планете, где столкнулись интересы двух неоспоримых лидеров корпоративной Окраины.

Фрисайд, - кислородный мир пятого типа, был обнаружен в системе одноименной звезды, где, по данным картографии времен Первой Галактической вообще не существовало планет.

Картографические данные, оставшиеся в наследство от эпохи «слепых рывков» через аномалию, по определению подвергались сомнению и перепроверялись, но в данном случае невыгодное расположение звезды относительно освоенных гиперсферных маршрутов, долгое время служило помехой для исследований, - кому придет в голову тратить ресурсы на проверку одинокой звезды, удаленной на тридцать световых лет от пограничных планет освоенного космоса?

Фрисайд долгое время просто игнорировали, но открытие шарового скопления О'Хара, расположенного за сузившимся провалом Рукава Пустоты, заставило ведущие корпорации сектора начать новый виток борьбы за *доступные* ресурсы. В новых условиях игнорировать удаленную, не принадлежавшую никому систему, являлось признаком глупости.

Повторная разведка Фрисайда обнаружила три планеты, одна из которых вполне годилась для колонизации, а две других представляли известную ценность в плане естественных ресурсов.

Права на освоение системы выкупила корпорация «Инфосистемз», но как выяснилось, на пригодной для жизни планете вот уже несколько лет как хозяйничали терраформеры промышленной группы «Эхо».

Колониальная администрация, продавшая сведения об обнаруженных планетах с аукциона, юридически несла ответственность за предоставляемые данные, но убрать конкурентов из системы, действуя в правовом поле, не удалось. Оказывается на Фрисайде в период Первой Галактической существовало несколько баз Земного Альянса. Это объясняло почему в звездные каталоги были внесены ложные данные о наличии в системе планет, и автоматически включало действие седьмой поправки колониального кодекса, по которой права на планету, зачищенную от остаточных боевых систем, неоспоримо принадлежали организации, либо группе лиц, осуществивших ту самую зачистку.

Адвокаты «Инфосистемз» утверждали, что на планете к моменту появления разведывательных кораблей корпорации «Эхо», не присутствовало сколь либо опасных кибернетических форм, переживших тысячелетия забвения, но проверить это было практически невозможно.

Руководство промышленной группы «Эхо» упрямо ссылались на седьмую поправку, не желая признавать законности аукциона.

Однако деньги в Фрисайд уже были вложены, как одной, так и другой стороной, пересматривать же итоги аукциона отказывалась сама колониальная администрация, сорвавшая на торгах приличный куш.

Ситуация резко заходила в тупик, ломались тщательно выстроенные планы, финансовые потери грозили вылиться в астрономические цифры

убытков.

В систему Фрисайда был срочно передислоцировано несколько подразделений корпоративного флота промышленной группы «Эхо», не собиравшейся отдавать без боя планету, где уже начались работы по терраформированию.

Флот «Инфосистемз» был переведен в состояние повышенной боевой готовности, но сведений о системе было явно недостаточно для атакующего прыжка через гиперсферу.

Нужна была предварительная разведка, как пространственная, так и планетарная.

Решать участь системы предстояло корпоративным военно-космическим силам - ситуация для Окраины вполне заурядная.

Вадим, занятый проблемами повседневной службы, не удивился, когда его вызвали в штаб флота. Он следил за новостями и понимал что столкновение между двумя корпорациями неизбежно, и ему, как боевому мнемонику не избежать участия в вооруженном конфликте.

Пространство гиперсферы.

Борт разведывательного фрегата «Янус». На «подступах» к системе Фрисайд…

Пять человек в полной боевой гермоэкипировке стояли на предшлюзовой площадке внутреннего космодрома.

Вадим чувствовал себя неуютно. Он привык работать в связке с другими мнемониками, но его неожиданно ввели в состав диверсионно-разведывательной группы, - штатного тактического подразделения флота, состоявшего из хорошо подготовленных, но не обладающих мнемоническими способностями бойцов.

Как известно приказы не обсуждают, но назначение явилось для него полной неожиданностью. Он не думал, что когда-то придется действовать в составе подразделения «головорезов» - так за глаза именовали элитные диверсионные группы корпоративного флота.

Задача, поставленная перед ними являлась смесью элементарного, но в комплексе проблем, которые предстояло решить на месте, виделась весьма сложной.

Скрытно высадиться на поверхность Фрисайда, провести разведывательно-диверсионный рейд, выявить опорные пункты обороны противника, и, собрав необходимые сведения, нарушить в условленный момент связь между поверхностью и орбитой, обеспечив выход боевых единиц флота из пространства гиперсферы.

На все отводились сутки.

В задачу Вадима входило мнемоническое сопровождение: он должен обеспечить скрытность, ограждая диверсантов от обнаружения следящими системами или того хуже - мнемониками противника.

Инструктаж оказался на удивление скупым и коротким.

Рощин не заметил, чтобы на предшлюзовой площадке присутствовали другие группы, но не сомневался: они будут действовать на планете не одни, слишком уж сжатые сроки (при масштабности поставленной задачи) отведены для операции.

Слушая инструктаж, он постепенно мрачнел.

Внедрение разведывательно-диверсионных групп на планету, ставшую «яблоком раздора» между двумя могущественными корпорациями сектора, процесс рискованный. Как произвести высадку, не вызвав при этом естественной реакции скрытых на Фрисайде сил?

Несколькими минутами позже шлюзовой переход привел их на борт старого грузопассажирского лайнера, жестко состыкованного с боевым фрегатом.

– Пятая группа, занять места в аварийно спасательных капсулах, номера 12, 34, 51, 72, 89. Исполнять!

Вадиму, как прикомандированному досталась капсула под номером 89.

Секундного включения имплантов с избытком хватило, чтобы считать опознавательные маркеры корабля. Грузопассажирский лайнер «Антропос» принадлежал одной из фирм занимавшейся перевозками между центральными мирами Конфедерации и Окраиной.

Хитрый ход. Маркировка Конфедеративного Содружества не позволит открыть по терпящему бедствие кораблю огонь на поражение. Пока затребуют базы данных, разберутся, что лайнер фактически списан по причине технического несоответствия современным нормам безопасности, и в последнее время возит исключительно грузы, а не пассажиров, кибернетическая система корабля будет выполнять внутренние инструкции, которые предполагали автоматический отстрел спасательных капсул, при возникновении аварийной ситуации.

Часть из них сгорит в атмосфере или разобьется о поверхность, что на некоторое время введет в заблуждение разведку противника.

Что стоит человеческая жизнь, когда решение о начале боевых действий уже принято, и на карту брошены миллионы галактических кредитов?

Вадим не строил иллюзий.

Человеческая жизнь не стоила ничего.

Неприятная ситуация …Падать в утлой, давно выслужившей свой срок скорлупке спасательной капсулы, не ведая, отработают ли как положено ее механизмы, будет жутковато, тем более, что ему категорически запретили пользоваться имплантами вплоть до окончания высадки.

Он не привык полагаться на удачу, но в данном случае Рощину не оставили никакого права выбора. Оставалось лишь надеяться, что специалисты, готовившие «Антропос» к предстоящему спектаклю, поработали на совесть.

Проверив герметизацию, он вытянулся внутри каплеобразного аппарата, позволив дугам амортизационного каркаса сомкнуться вокруг бронескафандра.

Неожиданно заработал коммуникационный канал:

– Внимание всем - шестьдесят секунд до начала операции. Повторяю - по достижению поверхности Фрисайда связь не включать. Каждый выбирается сам. Места сбора вам известны. Следов присутсвия не оставлять. В капсулы вмонтированы автоматические устройства ликвидации, которые имитируют критические повреждения при ударе о поверхность. Боевым мнемоникам до сбора групп работать исключительно в режиме пассивного приема данных. Все. Удачи.

Коротко и по существу.

Вадим невольно поежился. Не привычно оставаться слепым и глухим, но инструктировавший их офицер прав: мнемоники противника в первые часы после аварии будут с особой тщательностью следить за любыми аномальными явлениями. А работа имплантов, как известно, вызывает определенные возмущения «фоновой» энергетики.

Если на Фрисайде уже сформирована мнемоническая сеть - нам несдобровать. - Подумалось ему. Теперь понятно, почему ядро групп составляют обыкновенные диверсанты. Так меньше риска попасть в виртуальную ловушку. «Головорезы» привыкли полагаться на собственное зрение, слух, и могут вообще обойтись без показаний приборов, по крайней мере, какое-то время. Интуиция, опыт, да нехитрые приспособления, позволяющие сориентироваться на местности, - вот их первое оружие, обеспечивающее скрытность. За бронескафандры можно не волноваться, они надежны, отлично экранированы от паразитического излучения[15], а поглощающий состав типа «хамелеон»[16] не только мимикрирует[17] под фон окружающей поверхности, он к тому же эффективно гасит избыток тепла, и рассеивает радарные лучи, не отражая сигнал.

Мысли Вадима нарушил толчок.

Началось.

Грузопассажирский лайнер отстыкован от фрегата.

К горлу подкатило легкое чувство тошноты, вызванное невесомостью.

Удары сердца глухо отсчитывали секунды томительного ожидания, пока вдруг не возникло мгновенное ощущение перегрузки, вслед за которым пришел жесткий динамический удар - это отработала стартовая электромагнитная катапульта.

Все. Он в трехмерном космосе и падает в атмосферу Фрисайда.

Тускло светились шкалы приборов спасательной капсулы. Благо хоть их не отключили… Электронный альтиметр работал с перебоями, видимо сбоили датчики лазерных дальномеров. Показатель температуры рос, но это как раз радовало, - из-за нагрева обшивки ни один мнемоник не сможет с уверенность сказать, что именно несет на борту спасательная скорлупка, пуста ли она, как сообщают перепрограммированные устройства коммуникации?

На высоте полутора километров вернувшееся было состояние невесомости резко сменилось перегрузкой, - включились реактивные двигатели торможения, затем кровь опять отлила от лица, одновременно с появлением неприятного ощущения щекотливого холодка в животе и…

Слабый, не сравнимый со стартовым, динамический удар возвестил о посадке, - капсула соприкоснулась с поверхность планеты на удивление мягко, и Вадим тут же понял почему: внутрь, через обозначившиеся щели между раскрывающимися сегментами обгоревшей, покрытой окалиной обшивки, вдруг начала просачиваться мутная, кипящая, плюющаяся паром вода.

Куда же меня угораздило приземлиться?

Поначалу Вадим не волновался, но когда бурлящая жижа начала извергаться со всех сторон, вызывая короткие замыкания в энергетической системе спасательной капсулы, глухая тревога на миг едва не переросла в панику - не видя, и не *ощущая* ничего вокруг, кроме мутной жидкости, было легко вообразить, что обгоревший спасательный аппарат пронзает сейчас толщу воды где-нибудь посреди океана.

Что он знал о Фрисайде? Были ли тут большие водные поверхности?

Автоматически включился фонарь скафандра, и в его свете Рощин заметил бурые нитевидные водоросли. Это мимолетное наблюдение немного успокоило его. На больших глубинах растительности, как правило, нет… - мысленно рассудил он.

Выбраться из обгоревших, раскрывшихся сегментов капсулы

потребовало усилий, мешали заклинившие на половине хода амортизационные дуги кресла. Повозившись с ними секунд тридцать, Вадим попросту сломал каркас, благо сервоусилители мускулатуры работали как должно.

Нельзя терять время. Траекторию каждой спасательной капсулы наверняка отслеживали и поисковые группы в местах приземлений могут появиться в любую минуту.

Вокруг в мутной жиже плавали частицы поднятого со дна ила, но сквозь пелену явственно просматривался свет, значит, водоем не глубокий. Оттолкнувшись от дна, Рощин всплыл.

Гермошлем пробил мягкое сопротивление какого-то упругого материала и Вадим, наконец, увидел поверхность Фрисайда.

Он находился в лесу. Падение капсулы повалило несколько деревьев, образовав брешь в кронах, сквозь которую на поверхность бурлящего болота, покрытого обманчивым ковром плавающего мха, падали косые солнечные лучи.

На проекционное забрало шлема уже транслировались данные химического анализа органики, воздуха, воды, но Вадим не уделили внимания важным сведениям, с информацией по окружающей среде он разберется позже, сейчас его главной задачей было как можно быстрее покинуть место падения.

Проанализировав рельеф, он мысленно наметил ближайший, вдающийся в болото длинным клином островок твердой почвы, и поплыл к нему, отметив, что рассекаемый тяжестью бронескафандра ковер податливого мха, тут же смыкается за его спиной, идеально маскируя следы продвижения человека.

Только в месте падения капсулы продолжала извергаться пузырями пара мутная болотная жижа, - спасательный аппарат быстро отыщут и поднимут со дна, лишь затем, чтобы убедиться: на борту утлой скорлупки никого не было. О данных, подтверждающих «холостой автоматический старт» позаботились заранее.

Занятый этими мыслями Вадим добрался до островка сухой поверхности, но так и не ступил на него, опасаясь оставить глубокие четкие следы. Двигаясь по краю болота, он лишь подминал мох, который тут же восстанавливал первоначальную форму.

По данным навигационной подсистемы точка сбора лежала южнее, в десяти километрах от места падения капсулы.

Вокруг шумел кронами смешанный лес. Хвойные исполины, представленные особенной разновидностью генетически

модифицированных сосен и елей, несомненно, попали на Фрисайд в период Галактической войны, когда лесопосадки с повышенным содержанием металлов широко использовались силами Альянса для маскировки своих укрепленных наземных точек, а вот смешанный подлесок из болотных кустарников и кривых невысоких деревьев явно относился к исконной экосистеме планеты, - Вадим сделал такой вывод, не обнаружив в базах данных ничего, даже отдаленно напоминающего окружающую его низкорослую растительность.

В точку сбора он вышел последним.

Четверо диверсантов уже поджидали его, замаскировавшись среди руин неимоверно древних построек.

Рощин смог обнаружить позицию командира группы лишь случайно - маскировка и выдержка у бойцов оказались на высоте: Вадим не сомневался, что из-за отключенных имплантов, он прошел мимо боевого охранения, может в двух шагах от засады…

– Почему так долго? - Вместо приветствия недовольно осведомился лейтенант Бугаев.

– Капсула упала в болото. - Коротко осведомил его Рощин.

– Не наследил?

– Нет.

– Будем надеяться. - Лейтенант сделал знак рукой и с трех сторон неслышно, словно материализовавшись из воздуха, возникли три камуфлированные фигуры в тяжелой фототропной броне.

При прямой видимости они могли общаться, используя лазерную связь.

– Что за руины? - Осведомился Вадим. Для его работы было важно знать, какие объекты могут оказаться помехой либо подспорьем в неизбежном мнемоническом поединке. Экранирующие лесопосадки он уже видел, теперь его заинтересовали руины, настолько древние, что бетон пожелтел и растрескался, сохраняя форму лишь благодаря арматуре.

– По пути обнаружен древний сегмент космического корабля. Судя по форме, он принадлежит колониальному транспорту времен Великого Исхода.

– Значит, тут существовала колония?

– Именно, что существовала. - Бугаев был краток. - Думаю, колонистов депортировали при строительстве военных баз. То, что ты видишь - обнажившийся из-под земли нулевой ярус бункерной зоны. И создан он явно не колонистами. Вообще, трудно судить выжил ли кто при посадке колониального транспорта. Они обычно не сегментировались, как

современные корабли…

– Маскирующие лесопосадки заметили?

– Да.

– Мне нужно уточнить боевую задачу. - Вадим присел на выступ бетона, покрытый вездесущим мхом. - Целью является конкретный объект?

– Нет. Мы атакуем любой обнаруженный узел планетарной обороны. Никаких разведданных по данному району нет, так что объект для атаки должен отыскать ты.

– Если их будет несколько?

– Тогда я приму решение. - Скупо заверил его лейтенант.

– Слушай, а что ты делал, пока плелся сюда? - Вступил в диалог Эйдж Риган. - Мне казалось, что мнемоники должны за версту друг друга чуять, верно?

– Отвали. - Ответил Вадим, не собираясь отвечать на риторические вопросы.

– А что ты такой нервный? Мне, между прочим, твою задницу придется прикрывать…

– Ладно, Эйдж, заткнись - Осадил его лейтенант. Повернувшись к Рощину, он добавил: - А ты не думай, что можешь посылать нормальных парней, понял? У нас такие долго не живут. Даже если это «ценные специалисты». - Мрачно предупредил он. - Так что давай, приступай, мне нужны координаты цели.

– Здесь?

– Здесь. У нас нет времени, чтобы уходить от зоны высадки. Ты что в первый раз в десанте? - Он посмотрел на Рощина сквозь полупрозрачное забрало боевого шлема и усмехнулся. - Через пятнадцать часов тут такое завариться… Лучше, на хрен, даже не представлять.

Вадим уже фактически не слушал лейтенанта.

Он не изменил позы не сделал ни одного явного жеста, все процессы, связанные с активацией имплантов протекали в его рассудке и не имели явного отражения в реальности.

– Уснул, блин… - Раздался в коммуникаторе голос Ригана.

– Ангел, тебе сказано - отвали. - Огрызнулся Вадим.

Мнемонический контакт.

Вадиму пришлось бы долго объяснять Ригану действительную разницу между обычным и боевым мнемоником.

Он и сам с трудом формулировал ее для себя.

Трудно подбирать слова под те процессы, что являются не просто новыми технологиями, а явно выходят за рамки общепринятых

человеческих возможностей.

ОН ЗАКРЫЛ ГЛАЗА.

Пред мысленным взором пронеслись сливающиеся в сплошные линии строки машинных кодов активации, и внезапно мир распахнулся совершенно иной гаммой красок и связанных с ними ассоциаций.

Вспышка.

Иные чувства, иное видение пространства: оно простиралось перед мысленным взором Рощина пульсирующими линиями, то била энергия жизни, бурлящая биосфера, полная величественного трагизма борьбы за существование, что-то обрывалось навек, и зарождалось вновь, агония одного существа переходила в яркий всплеск рождения другого, сытость и голод, падение сорванного ветром листа и томительное ожидание набухающей почки, готовой выпустить к свету новый побег…

Вихрь, неистовый, нескончаемый, заполняющий все пространство от подземных глубин до бездонной лазури небес…

Жизнь чуждая и знакомая, понятная и непостижимая…

Нет. Нет времени…

Смена режима пассивного приема…

Мир поблек и вдруг вспыхнул снова, но теперь в феерия красок стала беднее, из палитры цветов исчезли полутона, отфильтрованные разумом показания энергосканирования[18] теперь предлагали иную картину распределения природных сил.

В синтезе бесстрастных датчиков с живым разумом, способность ассоциативно мыслить в сочетании с невероятной скоростью и точностью проводимых аналогий, превращало все доступное пространство до горизонта, и даже дальше, в контрастную палитру распределения энергий, где Вадим мог с уверенностью отличить нагретый солнцем гранит от теплого стеклобетона, он осязал потоки направленных, либо наоборот, расфокусированных излучений, - датчики имплантов улавливали энергетическую активность и передавали сигнал на зрительный нерв.

Глаза Вадима по-прежнему оставались закрыты, он погружался в иной мир восприятия, его разум распознавал структуру силовых линий, различая их по цвету, интенсивности, очаговой, либо глобальной конфигурации.

Специалисты, сформировавшие касту мнемоников, соединяли разум подопечных с избыточным количеством датчиков, они использовали потенциал человеческого разума, стараясь не ломать при этом природного механизма распознавания образов. Все гениальное просто: информация,

поступающая непосредственно на зрительный нерв, машинально обрабатывалась рассудком, и мнемоник *видел* энергии, постепенно, в процессе обучения, начиная различать их.

Сейчас внутреннему взору Вадима, сознательно отсеявшего проявления живой природы, предстал новый слой реальности: он визуализировал геомагнитное поле планеты, наблюдая его искажения, мог с уверенностью судить о наличии залежей различных ископаемых, очаговых зонах залегания радиоактивных элементов, видел температурную карту местности, различая по оттенкам и интенсивности различные породы, нагретые солнцем и в свою очередь излучающее тепло.

Прошло несколько секунд и картина, формирующаяся в сознании Рощина, вновь изменилась.

Мысленное усилие задействовало новую группу датчиков, тонко отстроенных на прием определенных, заранее известных проявлений энергетики, - мнемоник преодолел очередной слой виртуальности и теперь погружался в пучину образов, напрямую связанных с деятельностью человека, а если быть еще точнее, то истинными источниками энергетической активности, которую явно фиксировали импланты, являлись не сами люди, но созданные ими машины.

Яркие нити энергоцентралей. Опалесцирующие пятна автономных реакторов. Потоки сканирующего излучения, информационные каналы виртуальной сети, тепловые контуры потребляющих энергию механизмов, узлы кибернетических систем, - все это воспринимал разум мнемоника.

Не смотря на успехи в области нанотехнологий, постоянно совершенствующиеся кибернетические комплексы не могли сравниться с мнемоником. Разум Вадима заменял сейчас тонны оборудования, которые пришлось бы доставить на поверхность Фрисайда, запитать энергией, распределить по огромным площадям, чтобы получить хотя бы подобие результата, отпечатавшегося в сознании Рощина в виде сложной, но понятной для него картины.

Он спокойно и методично работал, его память не сохранила страданий тех лет, когда в нем насильственно пробуждали уникальные способности, он не помнил шоков после имплантаций, как не знал истинной статистики смертности среди учащихся закрытых корпоративных школ.

Нет. Он был предан корпорации и работал не из страха, не за деньги, а, как думалось, - по призванию. Существовало четко определенное мировоззрение, система незыблемых, как казалось, ценностей, позволявших сохранять душевное равновесие, жить в мире с самим собой, верить, что поступаешь правильно…

Рощин медленно повернул голову (хотя мог бы и не делать этого) затем, когда сознание запечатлело сложную палитру распределения энергий, открыл глаза и тут же произнес требовательным, не терпящим возражений тоном:

– Карту местности, быстро!..

Лейтенант уже расправлял перед ним тонкий, но прочный лист пластбумаги.

Запрет на использование внешних электронных устройств продолжал действовать, и Вадим начал методично наносить на карту обнаруженные и частично распознанные им объекты.

– Проклятье… - Выругался Херберт Мак Милан, заглянув через плечо командира. - Они что успели создать планетарную оборону?!..

Звук человеческого голоса вторгся в сознание Вадима, возвращая ощущения реальности.

– Нет. - Вместо лейтенанта ответил Рощин, продолжая наносить на карту все новые и новые условные обозначения опорных точек противника. - Они реактивировали системы Земного Альянса, оставшиеся тут еще с войны.

– Значит, эти уроды не зачистили планету, а переподчинили себе боевую технику? И что теперь? Серв-машины? Модули «Одиночек»[19]? Или что похуже?

– Техника давно пришла в негодность. - Категорично ответил Вадим. - Сохранились лишь звенья глобальной кибернетической сети, в основном глубоко эшелонированные вглубь планетарной коры.

– Нереально. - Скептически произнес Риган, с возрастающим недоверием глядя, как из-под руки Вадима начинают проступать контуры сложного, многократно дублированного кибернетического комплекса планетарной обороны, к которому были подключены вполне современные системы тяжелых вооружений.

– На взлом подобной системы нужны годы, а у них была пара месяцев от силы. - Высказал свое мнение Зейдан Зарипов, штатный компьютерный техник диверсионной группы.

– Здесь работали кибрайкеры. - Коротко ответил ему Вадим.

– Зейдан, не мешай.

Компьютерный техник хотел что-то возразить но, пожав плечами (что прошло незамеченным, из-за неадекватного устройства сервомоторов боевого скафандра), отошел в сторону, со злостью подумав, что он, в данной ситуации, явно начинает играть второстепенную роль.

Лейтенант терпеливо дождался, пока Рощин закончит, и лишь затем задал вопрос:

– Если систему взломали кибрайкеры, они и контролирую ее?

– Да. - Подумав, согласился Вадим. - Времени на автоматизацию и смену программного обеспечения у них действительно не было. С системой должны работать те, кто ее взламывал.

– Ты сможешь вывести нас к центру управления?

– Это тут. - Рощин указал на неброский символ, окруженный куда более понятными и зловещими условными знаками. - Вчетвером не пробиться.

– Впятером. - Поправил его Бугаев. - Исходя из полученных данных, наша задача стала с одной стороны проще, а с другой намного сложнее. Мы должны нейтрализовать кибрайкеров. Иного выхода нет… Еще один вопрос, Рощин. - Посмотрев на карту, добавил он. - Вот это, - лейтенант указал на одну из крупных пометок, состоящую из нескольких плотно сгруппированных символов - Ты не ошибся?

– Нет. Это фрегат.

– Фрегаты не садятся на поверхность планет.

– Я знаю. Вот, рядом обозначение четырех кораблей поддержки. Так называемые «технические носители» по классификации флота Земного Альянса. Они специально сконструированы для принудительной посадки на подготовленные планетарные космодромы крупных космических кораблей, вплоть до крейсеров. Обычная практика той эпохи, когда ремонт и техническое обслуживание проще было произвести на поверхности планеты, чем в открытом космосе.

Похоже, что Бугаева не интересовали исторические экскурсы.

– Фрегат… - Рассуждая, вслух произнес он. - Значит, нашему флоту готовят ловушку? Могут быть и другие корабли?

– Не в этом регионе. Хотя теоретически - да.

– Ну, я думаю, офицеры центра управления будут осведомлены об этом, верно? - Недобро усмехнулся лейтенант.

– Естественно. - Кивнул Рощин.

Бугаев еще раз посмотрел на карту, что-то прикидывая в уме, и произнес:

– Нам предстоит нелегкий марш-бросок.

Для Рощина эта высадка стала первым опытом в боевой практике.

Некоторые способности, развитые в период обучения, до последнего времени хранились в сознании Вадима, в виде невостребованного потенциала.

Шагая вслед за командиром диверсионной группы, он старался не сосредотачиваться на грядущем испытании. Рано или поздно его встреча с настоящим мнемоническим противником должна была произойти.

В сознании прочно обосновался образ, не предполагавший мирного исхода подобной встречи. Сам термин «кибрайкер» воспринимался рассудком как нечто зловещее, изначально противопоставленное сущности мнемоника.

В ту пору он оставался слеп, не смотря на уникальные возможности рассудка. Проблема заключалась в мироощущении.

Два десятилетия назад кибрайкеры являлись сущим бичом Окраины. Собственно, они являлись первыми людьми, применившими избыточную имплантацию для расширения потенциала своего разума, избавления от необходимости использовать внешние устройства для доступа в сеть, и именно кибрайкеры наглядно показали всему миру, на что способен синтез человеческого рассудка и узкопрофильных кибернетических модулей, находящихся в постоянном физическом контакте с тканями коры головного мозга.

Они взламывали сети любой степени защищенности, невзирая на сложность, словно насмехаясь над потугами опытнейших программистов, пытавшихся защитить коммерческие информационные потоки от посягательств нового поколения хакеров.

Первые мнемоники появились на Окраине как явные антиподы кибрайкеров. Обладая схожими возможностями, они *воспитывались* совершенно иначе, их психология была жестко ориентирована на защиту, им прививали патологическое неприятие к тем, кто разрушал сетевые структуры, добывая самое ценное в современном мире - информацию.

Спустя десять лет, когда ситуацию удалось стабилизировать, единство мнемоников оказалось искусственно раздроблено: их начали специализировать по профилям, используя не только для защиты информационных сетей. Благодаря технологиям «избыточного имплантирования» корпорации получали уникальных специалистов, способных контролировать сложные кибернетические комплексы, применение которых до определенной поры постоянно балансировало на грани фола, - оснащенные системами псевдоинтеллекта, многие машины несли потенциальную опасность неконтролируемого саморазвития. Существовали сотни печальных прецедентов, когда сложные системы терраформинга выходили из-под контроля базовых программ, причиняя в конечном итоге больше вреда, чем пользы, но появление мнемоников устранило препятствие на пути использования подобных типов устройств.

* * *

Спустя час они вышли на поляну, расположенную в пяти километрах от кромки маскирующих лесопосадок.

– Ну, где твой вход? - Воспользовавшись кронами пограничных деревьев, как надежным прикрытием от датчиков обнаружения, лейтенант Бугаев нарушил тишину в эфире, включив оперативную лазерную систему связи.

Вадим остановился. Не смотря на исправную работу сервомускулов боевого скафандра, ему, не привыкшему к подобной экипировке, приходилось несладко. Собственные мышцы ныли после короткого перехода, хотелось сесть, но сделать это, не снимая брони, являлось весьма спорным и затруднительным занятием.

Присесть - да, а вот по-человечески сесть, протянув уставшие, гудящие от напряжения ноги - ни фрайга не получиться.

– Здесь, командир. - Ответил он, с трудом восстанавливая дыхание. Вообще остановка подействовала на Рощина крайне негативно. Пока они шли, Вадиму удавалось втянуться в ритм и не обращать внимания на мелкие неудобства, но сейчас неприятные ощущения навалились разом, напоминая мнемонику, что кроме всего прочего есть у него бренное тело, которое вовсе не в восторге от неожиданной практики марш-бросков в полной боевой гермоэкипировке.

– Эйджел, Зейдан, - осмотреть поляну. Мак-Миллан - в прикрытие. - Бугаев обернулся к Рощину и внезапно потребовал:

– Включи канал телеметрии данных.

Вадим выполнил приказ.

– Да, уж… - Хохотнул Бугаев. - Ты хоть чувствуешь, что натер себе задницу?

Рощин чувствовал. У него вообще создавалось ощущение, что подложка скафандра, та, что поначалу плотно и эластично облегала тело, теперь сбилась комьями, доставляя массу неприятных ощущений.

– Здесь атмосфера пригодная для дыхания. - Сдерживая эмоции, произнес Вадим. - Что если я сниму бронированную шкуру?

– Рехнулся? Мы что в игрушки играем или находимся в глубоком тылу противника? Да тебя первая охранная турель порвет в клочья!

– Не думаю. - Недобро ответил Рощин.

– Дай взгляну. - Лейтенант на некоторое время умолк, видно

просматривал данные систем жизнеобеспечения.

– Какой идиот готовил тебя к высадке Рощин? - Наконец выругался он. - Ты же *боевой* мнемоник. Неужели ни разу не надевал бронескафандра?

– Термин «боевой мнемоник» не предполагает беготню в бронескафандрах.

– Ах, ну извини. Белая кость, мать твою.

– Лейтенант мне лучше действительно снять все это.

– Да снимай. Мне за твою шкуру не отчитываться. - Вадим так и не понял, именует Бугаев «шкурой» бронескафандр или имеет в виду его лично?

– Давай без обид. Ты понимаешь, что будет бой?

– Мне все равно, есть на мне броня или нет. Мой бой будет происходить не тут, лейтенант.

– А где позволь тебя спросить?

– В киберпространстве.

– Ладно. Замри на минуту.

– В чем дело?

– Тебя вообще дисциплине учили? Стой и не рыпайся, понял?! - Потеряв терпение, повысил голос лейтенант.

Вадим молча замер, как требовалось.

Очевидно командир диверсионной группы сейчас манипулировал системой жизнеобеспечения его скафандра, потому что Вадим ощутил явное движение, будто по травмированным участкам кожи пробегали маленькие насекомые.

Жжение становилось невыносимым, и им внезапно овладела злая, иррациональная тоска. Он без того недолюбливал военных, а тут…

Если бы не запрет на включение имплантов, показал бы Бугаеву, что подразумевает термин «боевой мнемоник».

Злость не отступила даже когда жжение пошло на убыль, а в коммуникаторе вновь раздался голос лейтенанта:

– Можешь снимать броню. Я сделал все необходимые инъекции. Кожа регенерирует минут за тридцать. В следующий раз примеряй экипировку. Тебе выдали броню на два размера больше, чем положено по твоей комплекции Рощин. Вот ты и болтался в ней, как не скажу кто… Херберт, помоги ему.

Пока Вадим с помощью Мак-Миллана снимал трехсоткилограммовую броню, вернулись Риган с Зариповым.

– Ну что ангел ты наш недоделанный? Нашли вход?

Похоже, Эйджел[20] не обратил внимания на оскорбительный выпад со стороны лейтенанта. Его родители, давая имя новорожденному сыну, явно упустили одну букву, что являлось темой дежурных и уже достаточно «бородатых» шуток.

– Нашли. Только непонятно командир, как он смог его обнаружить?

– Маскировка? - Лейтенант покосился на Рощина, который, сняв скафандр, теперь казался пигмеем на фоне бронированных фигур диверсантов.

– Нет. Древняя постройка. Даже не времен Альянса, клянусь. Похоже, здесь побывали наши предки из числа колонистов Великого Исхода.

– Так что там?

– Часовня. Маленькая, обрушенная к тому же. Под ней сканеры фиксируют вход в какие-то коммуникации. Похоже на тоннели, но проходимы ли они, фрайг его знает?

– Рощин что скажешь?

– Мы идем правильно. Если вход завален - нужно его раскопать. Отсюда строго на север должна уходить сеть подземных ходов. Я не могу сказать, кто их создал, но они вполне отвечают нашим целям.

– То есть?

– То есть, подходят вплотную к более поздним сооружениям бункерной зоны военной базы Альянса. Теперь мне понятно, почему они «чистые».

– Ты можешь выражаться яснее?

– В начале сетки тоннелей нет кибернетики. Защитные устройства начинаются непосредственно на территории подземных уровней бункера. - Пояснил Вадим. Мы беспрепятственно пройдем через древние ходы и окажемся в более поздних коммуникациях. Дальше будем прорываться с боем. Я возьму на себя нейтрализацию кибернетических систем, ну а вы - все остальное.

– Остальное это живая сила противника?

– Угадали, лейтенант.

– А пожечь им мозги? Заодно с электроникой? - Не то всерьез не то с иронией осведомился Бугаев.

– Я не убийца. - Отрезал Вадим.

– Просто боевой мнемоник, да? - Теперь в голосе командира звучал явный сарказм.

– Я делаю свое дело - вы свое. - Рощин старался не перешагивать рамки субординации, но ему все сильнее хотелось втолковать Бугаеву, что

тот не прав.

– Ладно. Пошли посмотрим, что там за «часовня». Откуда ты слов таких нахватался, Ангел?

– Зейдан подсказал.

– Серьезно, что ли?

Зарипов только усмехнулся в ответ.

Они направились к центру поляны.

Рощин замыкавший колонну, все же включил импланты на пассивный прием. Все-таки прогалина в маскирующих лесопосадках оказалась достаточно широкой, чтобы сканеры какого-нибудь спутника засекли передвижение четырех бронированных фигур.

Бугаев, наверное, то же подумал об этом. Сбавив шаг, он с тонким, ноющим звуком сервоусилителей приподнял голову, явно посмотрев в небеса.

Вадим был чужд мелочной мести. Другой дал бы Бугаеву подергаться, почувствовать свою уязвимость, но Рощин лишь скупо обронил в коммуникатор:

– Пока все чисто. Если появится спутник, я вас прикрою.

– Добро. - Голос Бугаева изменил тональность. До него, похоже, начало доходить, зачем их группе вдруг прикомандировали мнемоника.

Здание, возвышавшееся много веков назад посреди поляны, действительно относилось к культовым постройкам христианской религии, но сейчас об этом напоминал лишь помятый купол венчавший когда-то небольшую часовню. Неизвестно по какой причине он сорвался с «барабана» и откатился в сторону, зарывшись в почву. Вообще время основательно потрудилось над руинами оставив на поверхности лишь сглаженные процессами медленного разрушения макушки оплывших стены, да внушительных размеров провал в центре предполагаемого помещения.

Странное место.

– Это промоина. Под ней бетонная плита. На дне.

– Рощин можешь что-нибудь добавить?

Вадим пожал плечами, благо теперь любой мог увидеть его жест.

– Сканеры включать опасно. Проще спуститься и посмотреть. Я ведь нанес это место на карту. Тоннели начинаются отсюда.

– Верно. - Согласился Бугаев. - Херберт, спускайся.

Мак-Миллан осторожно приблизился к краю оплывшей промоины.

Почва естественно не выдержала веса бронированной фигуры и начала оседать, обнажая пожелтевший от долгого нахождения под землей

потрескавшийся стеклобетон, который нес неприятный запах сырости.

– Все, я внизу. - Пришел по связи доклад Херберта. - Темно. Плита держит мой вес. Без сканеров ни фрайга не вижу.

– Хорошо сейчас мы спустимся к тебе. Вадим, ты сможешь нас прикрыть?

– Спускайтесь. Я останусь наверху. Буду контролировать обстановку. Но если дам знать - сканеры выключайте немедленно.

– Не вопрос. - Лейтенант присел, позволив массе земли вместе с ним обрушиться в провал. Вадим посмотрел на черные края резко обозначившегося отверстия, и достал миниатюрный фантом-генератор, размером с ноготь. Теперь, когда ему не мешали триста килограммов брони, он чувствовал себя намного спокойнее и увереннее.

Задействовав прибор, он в течение секунды отстроил его параметры, и закрыл глаза, контролируя пространство прогалины и небеса над ней.

Все чисто. Генератор перекрыл площадь расширившегося провала, и обнаружить изменения теперь не мог ни один орбитальный сканер. Даже находясь в нескольких шагах, трудно было заметить микроизменения ландшафта.

Пока что они продвигались без проблем. Высадка прошла удачно, предварительный сбор данных так же не вызвал тревоги со стороны следящих систем противника. В представлении Вадима дальнейшие этапы операции должны были пройти так же гладко. В нормальном, штатном для мнемоника режиме. Может быть лейтенант и готовился какой-то там схватке, но Рощин ее не предвидел. Все самое сложное ляжет на его плечи, а если быть точнее - коснется лишь его рассудка. Исходя из сроков подготовки, которые были отпущены потенциальному противнику, нетрудно предугадать, что в бункерной зоне едва ли функционируют полноценные системы охраны. Все усилия кибрайкеров направлены сейчас на усиление контроля локационных систем, защищающих подступы к планете, да и неожиданный подарок в виде терпящего бедствие грузопассажирского лайнера отстрелившего полторы сотни спасательных капсул добавил им хлопот.

Пассивный прием лишь подтверждал эмпирические выкладки рассудка.

В радиусе ста километров не ощущалось энергоактивности. Вадиму данный факт говорил о многом. Например, о том, что большинство систем обесточены. На это могло быть две причины - либо они не пережили взлома, либо их держат отключенными специально, чтобы не выдать истинной конфигурации комплексов планетарной защиты. В любом случае

это играло на руку диверсантам. По древней системе тоннелей они подойдут к стенам бункера и, предпримут внезапную атаку на управляющий центр, местоположение которого Вадим сумел отследить по немногим функционирующим каналам обмена данными.

Обороной управляет не компьютерная система, а люди. Группа кибрайкеров. нанятая корпорацией «Эхо» для взлома военных коммуникаций и защиты планеты при внезапном вторжении. Руководители «Инфосистемз» поступили абсолютно правильно, форсируя события. Тем самым они отсекали саму возможность модернизации древней сети.

Мысли Вадима нарушил голос лейтенанта.

– Рощин спускайся. Мы пробили плиту. Пора двигаться дальше.

Он, не отключая имплантов, соскользнул по осыпающемуся отвалу рыхлой, пронизанной корнями растений почвы, и оказался средь плотного сумрака, в окружении четырех бронированных фигур.

– Ну, куда теперь?

– Северный проход. Карта, лейтенант. Там отмечена вся сетка тоннелей.

– Карта картой, а сканеры фактически не работают. Ты заметил, вокруг не стеклобетон.

Вадим, не включавший активных сканирующих модулей, тем не менее, видел, что материал тоннелей, проложенных под землей колонистами, существенно отличается от стандартно используемых материалов.

Это был даже не железобетон, а совершенно не понятный ему материал, дающий в свете инфракрасных прожекторов странный резонанс.

Похожий сигнал он наблюдал лишь однажды, когда ему довелось наблюдать окрестности вулкана на одной из планет.

Стены тоннелей напомнили ему резонансный сигнал от пластов вулканического стекла, которое суть - быстро застывшая магматическая масса, из которой не успели выделиться различные элементы периодической таблицы.

И все же картинка несколько отличалась от виденного ранее. Работе имплантов что-то мешало и, сосредоточившись, Вадим понял - вулканическое стекло содержало высокий процент железа.

Стоп. Какое вулканическое стекло?

Это искусственные сооружения.

– Посветите мне. - Потребовал он, приближаясь к стене уводящего из провала тоннеля.

Фрисайд. Шесть часов до начала вторжения...

– Ну, что скажешь?

– Экранирующий состав. Остроумное решение. Это сооружения времен войны.

– Уверен? - Переспросил Бугаев. - Если тут применялся специальный состав, как ты обнаружил сетку тоннелей?

– Не тот уровень технологий. - Спокойно пояснил Вадим. - Взгляни на карту, тоннели проложены с изломами и изгибами. Орбитальное сканирование покажет их как сетку тектонических разломов и трещин, заполненных продуктами древних извержений. Экранирующий состав служит для маскировки сигналов от техники, продвигающейся по подземным коммуникациям.

– Выходит, находясь тут, мы не сможем контролировать, что твориться на поверхности?

– Все под контролем, лейтенант.

– Нет, постой! Объясни мне толком, я лично ни хрена не вижу на своих сканерах.

– Успокойся. Сейчас дам канал телеметрии. На входе я установил комплексный сканер. Он работает в режиме пассивного приема, чтобы не выдать своего присутсвия. По мере продвижения я буду выпускать порции нанопыли - Вадим красноречиво указал на дозатор закрепленной у пояса емкости. Микромашины невозможно распознать с дистанции, но они передадут мне полный объем информации об обстановке на поверхности и в пройденных отрезках тоннелей.

– Теперь понял. Лейтенант, получив обещанные данные, стал чуть менее нервным, по крайней мере, он теперь мог контролировать обстановку.

– Так, парни. Мы, похоже, попали в искомую бункерную зону. Сейчас Рощин проложит маршрут. Двигаемся в темпе.

– А он выдержит? - Раздался в коммуникаторах вопрос Ригана.

Замечание по существу. Если на поверхности Вадим мог поддерживать темп, двигаясь вровень с бойцами в бронескафандрах, которым приходилось обходить препятствия, чтобы не оставить явных следов, то здесь они смогут выжать из сервомускулов всю мощность.

– Если Вадим начнет отставать - понесем его. Время жмет. - Коротко ответил Бугаев. - Что с маршрутом, Рощин?

– Передаю. Нам придется пройти двадцать километров.

– Не хилая база… - Присвистнул Херберт.

– Заткнись и слушай. - Оборвал его реплику лейтенант.

– В тоннелях могут быть расставлены ловушки. - Продолжил Вадим. - Ближайший поворот в пятистах шестидесяти метрах. У каждой развилки, закругления или излома - обязательная остановка. Не рвитесь вперед, идти напролом нельзя. Мне потребуется секунд десять-пятнадцать на полное сканирование открывшегося участка. Соблюдайте это требование, и все пройдет как нужно.

– Хочешь сказать, мы будем двигаться за тобой? С твоей скоростью?

– Именно. - Ответил Рощин. - Не волнуйся лейтенант, постараюсь держать темп.

– Все слышали? - Осведомился командир группы. - Тогда заткнули свои пасти, никаких посторонних разговоров все внимание на сканеры. Постоянно держать Рощина в поле зрения. В этой части операции мы прикрываем его и буквально исполняем полученные инструкции.

Вадим облегченно вздохнул. Не смотря на постоянный рык и грубость, Бугаев похоже обладал достаточной долей здравого смысла. Хотя чему удивляться? На подобное задание могли пойти только лучшие.

Темп.

По сути, акция на Фрисайде являлась первым настоящим заданием, где Вадим выступал в качестве боевого мнемоника. До этого ему не приходилось принимать участия в силовых операциях, но сейчас, подсознательно оценивая свои действия, он понимал - готовили его именно к подобной работе, причем готовили тщательно.

Обычный мнемоник не выдержал бы физических нагрузок высадки и последующих марш-бросков. Он же двигался, почти не напрягаясь: тело машинально совершало нужные движения, в то время как рассудок Вадима был полностью погружен в восприятие виртуальной реальности.

Одно нисколько не мешало другому.

Боевой режим. Немногим дано понять состояние мнемоника в подобные минуты. Ощущения не сравнимые ни с чем. Пред глазами отнюдь не сумрак древних коммуникаций, а четкое, контрастное распределение энергий, иное восприятие реальности, доступное посредством датчиков нейромодулей, а не традиционных органов чувств. Уникальность заключалась в том, что сигналы от кибернетических устройств обрабатывал непосредственно мозг мнемоника, свободный от недостатков прямолинейности машинной логики, способный принимать мгновенные, неожиданные решения, не теряя при этом способности адекватного воздействия на любую находящуюся в радиусе действия имплантов электронику.

В такие моменты Рощин ощущал себя скорее духом, нежели

физическим существом. Его рассудок манипулировал иной реальностью, безошибочно определяя расположение древних защитных комплексов установленных в подземном лабиринте бункерной зоны еще в эпоху первой Галактической.

Их реактивировали недавно. Этот факт не вызывал сомнений: обладая знанием машинного языка при помощи которого программировалось большинство кибернетических механизмов Альянса. Рощин без особых усилий получил доступ в локальную сеть, образованную защитными устройствами, контролирующими тоннели.

Ни одна диверсионная группа не прошла бы тут без поддержки мнемоника. Физический прорыв сопровождался бы постоянным, не прекращающимся ни на минуту огневым контактом. Стены тоннелей оказались буквально нашпигованы различного рода датчиками, под сводами в специальных нишах скрывались стационарные огневые точки, - сложнейшая система пробудилась от энергетической комы, готовая уничтожить незваных гостей, одновременно доложив об их появлении.

Группа продвинулась на полтора километра вглубь древних коммуникаций, когда Рощин остановился, предостерегающе подняв руку.

Впереди смутно угадывалась развилка.

Он ощутил смутное, едва осознанное беспокойство.

Бугаев не рискнул включить сканирующие системы бронескафандра, иначе увидел бы две лазерные турели, выдвинутые в боевое положение.

Вадим напротив, различал их с особенной ясностью. Установки выделялись на общем фоне не только повышенной энергетической активностью, - они, как оказалось, не были связаны с локальной сетью, активность которой Рощин подавил нехитрым для мнемоника приемом, прописав в базы данных сигнатуру[21] группы, как стандартный сигнал, характерный для передвижения механизма технического обслуживания.

Ловушка.

Два обособленных комплекса, заранее развернутых в боевое положение, работали в автономном режиме. На них не сказался взлом сети, и, не продвигайся Вадим вместе с группой, последствия оказались бы плачевными.

– Не шевелиться. Режим максимальной маскировки. - Слова Вадима прошелестели в коммуникаторах, словно слабый шепот ветра.

Он осторожно скользнул по каналам обмена данными.

Вот она - программная заглушка, изолировавшая две турели. Взламывать ее - огромный, не оправданный риск. Кибрайкер,

расставивший простую, но эффективную западню, не мог не снабдить ее системой тревожной сигнализации. Несколько секунд Вадим перебирал варианты - как пройти, не подняв тревоги? Пассивный прием указывал на работу объемных емкостных датчиков движения, инфракрасных сканеров, фиксирующих тепловые аномалии, и, наконец, двух точечных видеокамер.

Безвыходных ситуаций не бывает. Это аксиома.

Рассудок Рощина отпрянул, скользнул назад по локальной сети, пока не обнаружил подключенный к общим информационным каналам аналогичный лазерный комплекс.

Только человек был способен справиться с внезапно возникшим препятствием. Он без труда проник в базы данных лазерной установки, считывая характерные сигнатуры, на которые охранная система не реагировала.

Вот, есть… Система распознавания целей содержала несколько сигнатур, на которые ей было запрещено реагировать, иначе тоннели стали бы непроходимы не только для врага, но и для механизмов самоподдержания.

Выбрав наиболее сильный комплексный сигнал, Рощин рассмотрел его составляющие.

– Лейтенант, сейчас мы начнем движение. Мои инструкции исполнять буквально. Встали парами, спина к спине. Дистанция - метр.

– Готово.

– Не шевелимся. Первая пара, передаю алгоритм работы для серводвигателей скафандров.

– Принято.

Вадим критически просканировал сигнал, получаемый от прижавшихся спинами друг к другу Бугаева и Ригана.

– Эйджел увеличь теплоотдачу скафандра.

Сигнатура изменилась. Теперь она соответствовала термальному сигналу специализированного механизма, предназначенного для осмотра и ремонта энергетических коммуникаций. Емкостные датчики должны так же показать адекватное изменение внутри сканирующего контура. Оставались видеокамеры и Рощин начал медленно, постепенно менять настройку фантом-генераторов, ежесекундно сверяясь с данными, полученными от системы распознавания целей.

Порядок.

Можно начинать.

– Лейтенант, вмешиваться в работу сервоприводов запрещаю. Начинаем движение.

…Ригану вдруг стало страшно.

Исчезла уверенность в себе, ушел азарт, осталась лишь сосущая пустота неопределенности.

Они с лейтенантом двигались как единый механизм, у которого четыре опорных конечности. Рощин настроил сервомускулы скафандров таким образом, что такты их работы имитировали неуклюжую поступь древнего механизма.

Ни один датчик не работал.

В сумраке тоннеля выручали только глаза.

Опасаясь шевельнуть головой Риган скосил взгляд, наблюдая за устрашающего вида лазерной турелью. Мегаватт на двести не меньше… Зараза. Холодно. Озноб дерет по коже.

Турель наконец исчезла из поля зрения, но они с лейтенантом продолжали неуклюже продвигаться вперед, пока не миновали поворот тоннеля.

Пронесло…

Ригану казалось, что у него одеревенели от напряжения все мышцы.

Включив сканеры на пассивный прием, Эйджел в первый момент не поверил их показаниям.

Сзади к ним приближался странный сервомеханизм.

Впечатление оказалось столь реалистично, что рука Ригана невольно соскользнула на сенсор импульсной винтовки.

Убедить рассудок, что это Мак-Миллан и Зарипов повторяют их маневр, так и не удалось, пока те не оказались за поворотом тоннеля.

Следом (если верить показаниям датчиков) шустро проскользнул небольшой технический робот андроидного типа.

Холодная капелька пота щекотливой змейкой скользнула вдоль позвоночника.

Турель, судя по ее габаритам и мощности, рассчитана как минимум на поражение серв-машины. Даже современный скафандр вряд ли бы спас от двухсотмегаваттного разряда когерентного излучения.

Лучшим подтверждением тому стали слова лейтенанта, адресованные Рощину:

– Я недооценивал тебя парень.

– Это моя работа. - Скупо ответил Вадим. Ему сейчас было не до похвал. Впереди еще несколько километров подземных коммуникаций. Нужно быстро придти в норму.

– Минуту лейтенант. Я вхожу в сеть, не двигайтесь.

* * *

Тоннели, наконец, остались позади.

Войдя в шлюзовой тамбур, Вадим внезапно начал принимать множественные сигналы и поднял руку в предупреждающем жесте.

Диверсионная группа остановилась.

– Что? - Выдохнул коммуникатор.

– Тихо. Впереди рабочая зона. Пока с точностью вижу два зала. Сейчас определюсь с конфигурацией оборудования.

Секунда тишины.

– Кибернетические комплексы. Контроль точек гиперсферного всплытия. Во втором зале пять человек. Кибрайкеры. Множественные сигналы от охранных устройств. Дальше вам путь заказан.

– Почему?

– Любой из кибрайкеров без труда блокирует работу систем ваших скафандров. Элементарно превратит в ростовые мишени.

– Рощин, не дергайся. - Ответил Бугаев. - Так, парни, вылазим из «шкур». Вадим, теперь слушай меня внимательно. Передаешь в системы скафандров данные по огневым точкам. Мы, - Бугаев уже вышел из своей бронированной скорлупы через открывшиеся сегменты. - Мы займемся кибрайкерами. - Он осторожно оттянул затвор короткоствольного автомата и, не отпуская рычажка, плавно сопроводил его до казенной части, бесшумно загоняя в ствол первый патрон.

Вадима при виде оружия, в схеме которого не было ни одной электронной детали, бросило в жар.

Бугаев лишь усмехнулся, заметив, как побледнел Рощин.

– Твоя задача - оглушить их. Остальное мы сделаем сами. Первыми идут бронескафандры. Они отвлекают внимание кибрайкеров и сосредотачивают на себе огонь охранных систем. Мы входим следом. В первом зале соблюдать осторожность, - нельзя повредить аппаратуру. Вадим, сколько тебе нужно времени, чтобы считать управляющие коды из сознания кибрайкеров?

Вадим ответил не сразу.

Он ожидал виртуальной мнемонической схватки, но у Бугаева оказались иные инструкции на этот счет. Группу готовили к физическому устранению противника, - об этом говорило примитивное с точки зрения современных технологий оружие, обладающие лишь одним неоспоримым преимуществом - его не сможет заблокировать ни один мнемоник или

кибрайкер.

Его задача так же была не из легких - оглушить пятерых противников ментальной атакой…

– Выбери одного для изъятия кодов. Остальных мы нейтрализуем. - Вплелся в его мысли голос лейтенанта.

– Рискованно. Один кибрайкер может владеть лишь частью информации. Они обычно не работают группами.

– Не понял?

– Кибрайкеры - одиночки по своей сути. Их нельзя назвать группой, даже при совместных действиях.

– Рощин, не усложняй. - Тон лейтенанта изменился, теперь в нем уже не осталось ноток добровольного, уважительного смирения перед компетенцией Вадима. - Их наняли, за солидные деньги. И уж поверь мне: работодатели подстраховались на случай внезапной гибели нескольких исполнителей. Я тебе говорю - каждый из них владеет информацией в полном объеме. Поэтому берешь одного, понял?

– Да. - Ему не оставалось ничего иного, как согласиться с логикой лейтенанта. Операция вступала в решающую, рискованную и непредсказуемую фазу. Препирательства только повредят.

– Об огневых точках не беспокойся. - Тем временем продолжал Бугаев, с уверенностью, истоки которой скрывались в глубинах его личного боевого опыта. - Работай, чтобы не творилось вокруг. Мы прикроем, если надо - заслоним собой. Только вырви коды управления, большего от тебя не требуется.

Вадим хотел возразить, но в сознании внезапно всколыхнулась дремавшая до поры ненависть к кибрайкерам.

Почему он должен проявлять к ним жалость? Люди без принципов, работающие исключительно за деньги, разрушающие сложнейшие, а порой - уникальные разработки ради получения «заказанной» информации. Бич виртуальных информационных сетей, извечные антиподы мнемоников, уж они-то не станут испытывать сомнений - просто уничтожат его разум, прояви Вадим толику нерешительности…

– Я понял лейтенант. - Рощин вышел из шлюзового тамбура, чтобы пропустить двигающиеся в автоматическом режиме бронескафандры.

– Начинаем по моему сигналу. - Предупредил Вадим. - Замок привода разблокирован, я подам дистанционную команду на отпирание.

– Хорошо. Сосредоточься. Наши жизни теперь зависят от тебя Рощин. Не лезь под огонь. Если возможно, оставайся тут, в тамбуре… - слова лейтенанта долетали до сознания, прорываясь сквозь первые

мнемонические барьеры, которые Вадим устанавливал для защиты собственного разума.

Определить цель.

В принципе логика Бугаева не страдала изъянами, - можно брать любого из кибрайкеров.

Пойму по ответному удару. Кто слабее ответит…

Пять против одного. Вадим не испытывал страха - только неимоверное моральное напряжение. Баланс сил приблизительно равный. Рощин не преувеличивал своих возможностей, он тонко понимал психологию кибрайкеров, их кредо - молниеносная атака, к длительному противостоянию они не подготовлены психологически. Мнемоники же по специфике своей подготовки и последующей работы находились в постоянном контакте с защищаемыми структурами информационных сетей, и, как следствие, - испытывали *непрерывный, длительный* прессинг. Защита любого мнемоника выстраивалась, как глубоко эшелонированная оборона, которую сложно пробить мгновенным ударом.

Впрочем, кибрайкер так же в состоянии отразить несколько молниеносных ударов, но, как правило, лишь немногие из них способны выдержать многоуровневую атаку.

Сколько времени потребуется группе Бугаева для силового прорыва? Секунд пятнадцать-двадцать… Практически - вечность, по меркам субъективного восприятия мнемоника. Схватка в виртуальной среде обычно заканчивается за пять, ну, в крайнем случае, - десять секунд.

Я должен рассредоточить их внимание, распылить силы, не убить, а лишь оглушить, заставить сконцентрироваться на себе, иначе лейтенанту и его парням обеспечены места в психушке, где они будут влачить полурастительное существование, превратившись в пустые, недееспособные телесные оболочки…

Пять человек сидели в креслах, установленных поодаль друг от друга.

Помещение тонуло в сумраке, глаза кибрайкеров были закрыты, каждый сидел в расслабленной позе, полностью погрузившись в иную реальность, недоступную большинству людей без посредничества специальных средств и компьютерных мощностей.

Кибрайкеры не нуждались во внешних кибернетических системах. Кибермодули, подключенные в гнезда многочисленных имплантов, позволяли им осуществлять доступ к любому находящему в радиусе действия микропередатчиков устройству.

Входя в сеть, они не пользовались ее ресурсами, эксплуатируя каналы передачи данных исключительно для перемещения по виртуальному

пространству. При этом генерацию личности обеспечивал разум кибрайкера, что делало их практически неуловимыми для систем слежения. Только мнемоник, обладающий равными способностями, мог успешно обнаружить и нейтрализовать хакера, который полностью отождествлял себя с сетью, становился ее частью, потоком импульсов, неотличимым от общего фона обмена данными.

Готовя мнемоническую атаку, Вадим, не осознавая того, комбинировал приемы, характерные для обеих сторон: в частности, он собирался использовать скудное оборудование изолированного зала для усиления эффекта внезапности и распыления сил противника.

Четверо кибрайкеров контролировали локационные комплексы древней военно-космической базы Альянса, пятый обеспечивал их прикрытие.

Именно он за несколько мгновений до атаки начал интуитивно ощущать глухое беспокойство.

Не обладая опытом мнемоника, он потратил несколько секунд, чтобы локализовать возмущение в виртуальном пространстве[22].

В следующее мгновенье в помещении вспыхнул резкий, режущий глаза свет, потолочные панели вдруг засияли так, что их свечение пробилось сквозь розоватый заслон плотно смеженных век кибрайкеров.

Произошел мгновенный сбой. Пятеро человек одновременно испытали чувство смертельной, но еще не осознанной опасности, источник которой оставался вне досягаемости их «внутреннего взора».

Рощин точно рассчитал реакцию противника.

Они подавили рефлекторное движение век, чтобы не ослепнуть от резкого света, и данное обстоятельство помогло Вадиму: мгновенный перехват управления одним из многочисленных фантом-генераторов, маскирующих данный зал от обнаружения, позволил ему произвести генерацию энергетических матриц, копирующих сигнатуру, характерную для боевых сервомеханизмов андроидного типа.

Это был жесткий, грамотно рассчитанный удар по психике.

Чего может опасаться кибрайкер, чей разум полностью погружен в виртуальное пространство?

Естественно, - физического воздействия на свое тело.

Еще мгновенье и количество сигнатур, имитирующих вторжение в зал боевых андроидов, удвоилось.

Естественная реакция кибрайкера, - перехватить управление потенциально опасными сервомеханизмами, - не увенчалась успехом. Удар

не достиг цели, - на самом деле им следовало открыть глаза, справиться с ослепительным сиянием потолочных панелей, чтобы понять: рядом с креслами нет никаких дройдов, но до этого не дошло, - в смежном помещении, где располагалась аппаратура контроля за зонами гиперсферного всплытия, внезапно, гулко, недвусмысленно взвыли сигналы тревоги, и одновременно с этим проявился смутный энергетический контур четверых бойцов в бронескафандрах.

Атака, как казалось, шла с нескольких направлений, сигнатуры андроидов по-прежнему находились в двух шагах, поддерживая стойкое ощущение наиболее близкой материальной угрозы.

Один из кибрайкеров (это была девушка лет двадцати), не выдержав, открыла глаза.

Вокругчисто . - Раздался в сознании остальных ее ломкий голос, - *против нас работает мнемоник!..*

В соседнем зале уже вспыхнул скоротечный, ожесточенный огневой контакт.

Не понимаю!.. Я заблокировал системы бронескафандров! Кто ведет огонь?! ..

В оглушительном, непривычном для слуха грохоте очередей автоматического оружия тонули шипящие звуки лазерных разрядов. Ритм боя измерялся секундами. Грохот падающих, посеченных и оплавленных разрядами когерентного излучения бронескафандров, нисколько не умалил напряжения схватки, хуже того: грохот выстрелов приближается, в то время как защитные комплексы начали один за другим выдавать отчеты о критических повреждениях.

Кибрайкеры не видели противника. Датчики систем наблюдения транслировали сплошную засветку, как в тепловом диапазоне, так и на визуальных каналах. Их личные сканеры давали тот же минимум информации, а виной всему было несколько термических гранат, которые метнули в зал Бугаев и Мак-Милан, перед началом силового прорыва.

Спустя пять секунд после начала схватки внутреннее состояние кибрайкеров вплотную подошло к понятию «паника». Они готовили себя к отражению мнемонической атаки, но все оказалось иначе, в соседнем зале целенаправленно действовала группа хорошо подготовленных диверсантов, чьи импланты не реагировали на мгновенные, изощреннейшие попытки взлома, - продвижение нападавших прикрывал опытный мнемоник.

Вадим отлично знал психологию кибрайкеров. Он выигрывал секунду за секундой, сначала на ложных целях, и факторе внезапности, затем на глухой непробиваемой защите, о которую разбивались все попытки

воздействия на разум бойцов группы Бугаева.

Он знал, что последует дальше.

Кибрайкеры - закоренелые индивидуалисты, не признающие коллективных усилий, ударят поодиночке, каждый по-своему стремясь пробить мнемоническую защиту, чтобы оглушить диверсантов и добраться до ненавистного мнемоника.

Рощин по-прежнему оставался в шлюзовом тамбуре, прилагая неимоверные усилия, чтобы сдерживать постоянные атаки. Он не видел происходящего в операторском зале, где Риган устанавливал заряд пластичной взрывчатки на массивный люк, преграждающий доступ в смежное помещение.

Сейчас они ударят… Фактор внезапности более не действовал, противник оправился от шока ценой потери всех защитных комплексов смежного зала, но это еще не означало победы. Все могло измениться в доли секунды, - стоит ему чуть ослабить защиту, и ни один из диверсантов не перешагнет порог подорванного люка, - они в мгновенье ока будут уничтожены, как личности…

Напряжение мнемонической схватки сложно выразить в словах. Когда под рукой не осталось кибернетических устройств, управляя которыми кибрайкер мог бы физически уничтожить противника, следовало ожидать ментального удара, выраженного в потоках направленного излучения, незримых для визуального восприятия, несущих не только энергию, но и уникальные программы взлома защиты и уничтожения информации, разработанные специально для взаимодействия с имплантами человека.

Если подобная атака достигнет цели и увенчается успехом, о личности атакованного можно забыть. Сознание лопнет, разлетится на отдельные, не взаимосвязанные друг с другом, утратившие логический смысл фрагменты, - мозг не будет уничтожен физически, пострадает лишь информация, но этого достаточно, чтобы индивид перестал осознавать как себя, как личность…

Они ударили. Неистово, одержимо, потому что понимали - еще несколько секунд и вооруженные люди прорвутся в изолированное помещение…

Вадиму показалось, что мир взорвался. Каждый из кибрайкеров, как он и предвидел, использовал индивидуальные программы, по сути, на него должны были обрушиться пять одновременных атак, отличающихся по силе и изощренности.

Он сумел бы отсечь лишь одну из них, остальные неизбежно достигли бы цели, не будь Рощин *боевым* мнемоником.

За доли секунды до сокрушительного удара его сознание повторно овладело системой фантом-генераторов, исключающей обнаружение кибрайкеров. Вадим не задумывался в тот момент, что действует не традиционными для мнемоника способами, фактически полностью уподобившись своим противникам, которых действительно ненавидел всей душой…

Сложная система энергетической экранировки, имитирующая естественное, фоновое излучение залегающих на глубине бункера горных пород, имела в своем составе генераторы магнитных волн, которыми воспользовался Вадим.

Изменив частотные характеристики, он применил известный еще с древнейших времен, простой и в то же время эффективный способ воздействия магнитным полем на мозг человека, вызывающий мгновенный приступ нейротеологии[23] .

И все же не смотря на внезапный приступ галлюцинаций, один из кибрайкеров успел сформировать правильную последовательность мысленных команд. Атака остальных получилась мощной, болезненной, но не опасной - вторгшиеся в разум кибрайкеров галлюцинации не позволили им отдать четкого, недвусмысленного приказа, и как следствие - кибермодули их имплантов исторгли не смертоносные атакующие программы, а чудовищную, сбойную, похожую на бред иллюзию.

Вадим, ожидавший ощутить нечто подобное, в первый момент проигнорировал иллюзии, а вот Риган отшатнулся, едва не заорав от неожиданности, когда в метре от него внезапно возникло сонмище оптических фантомов.

В следующий миг Рощин нанес ответный удар.

Дезориентированные внезапно возникшими галлюцинациями кибрайкеры, не смогли адекватно отреагировать на атаку. Путаница мысленных образов превратилась в хаос, на какое-то время полностью отключив их сознания от восприятия реальности.

В операторском зале оглушительно рявкнул взрыв, тугая ударная волна прошлась по оптическим иллюзиям мгновенной рябью помех, толкнула Рощина в грудь и, ударив в плотно закрытый люк шлюзового тамбура, рванулась назад, вытолкнув слабо воспринимающего реальность Вадима в огромное помещение, наполненное действующей аппаратурой и обломками охранных устройств.

Он на секунду открыл глаза, пытаясь сориентироваться, - машинально выставив вперед руки, он едва смог удержать равновесие, и вдруг…

Взгляд зацепил один из образов, порожденный бредовым видением попавшего под удар магнитного поля кибрайкера.

Что-то оборвалось в груди.

Он не хотел верить своим глазам. На фоне работающей аппаратуры он различал сумеречные контуры почвоукладчика, медленно вползающего на гору бетонного щебня, в который превратился высокий забор, и две фигуры - мальчика и девочки, что стояли посреди тесного внутреннего дворика спецшколы, в жутком, оцепенелом предчувствии собственной гибели…

Нет…

Этого не может быть!..

Образ, сформированный сознанием оглушенного кибрайкера, был знаком Вадиму до мельчайших подробностей. В первое мгновенье ему всерьез подумалось, что фантом-генераторы каким-то образом сумели зацепить и его рассудок, но ясность мышления вкупе с немедленным отчетом кибстека24 , контролирующего все жизненные показатели, свидетельствовали об обратном.

Видение принадлежало одному из кибрайкеров!.. Стремительно проведенный анализ рассеял всякие сомнения.

Спину тут же покрыло ледяной испариной. Мгновенный взгляд через систему оптических датчиков фантом-генераторов показал ему панораму смежного помещения.

Кресла повернуты спинками. Поменять ракурс…

Дыхание прервалось. Спазм в груди был связан с моментальным узнаванием: она, конечно, изменилась, повзрослела, но разве Вадим мог *не узнать* в бледной девушке-кибрайкере ту девочку, что стояла подле него, в ту злую Аллорскую ночь, когда вокруг рушились стены, и ощущение смерти цепким холодом сжимало неровно бьющиеся сердца?..

Вадим потерял ощущение времени. Субъективное восприятие темпорального потока фактически остановилось, хотя на самом деле все происходило иначе, - не время остановилось, а разум, в попытке адекватно обработать возникшие ассоциации, внезапно вышел на иную частоту быстродействия.

Взгляд неосознанно фиксировал движение Эйджела Ригана: рука диверсанта двигалась так медленно, что выглядела застывшей на сенсоре сбрасывателя, а опустевший магазин, выскочив из пистолетной рукоятки оружия, казалось, повис в воздухе.

Она…

Вне сомнения.

Мир рухнул. Внезапно и необъяснимо надломился некий стержень,

поддерживающий сознание. Эллен… Он помнил только имя, но ошибка уже была исключена, она училась в той же самой школе мнемоников, чтобы впоследствии стать сотрудником корпорации «Инфосистемз».

Как она превратилась в кибрайкера, на службе у промышленной группы «Эхо»?!

Ложь .

Он почувствовала ее, как саднящую боль. Если все, что он знал и помнил, является правдой, то Эллен никаким образом не могла оказаться здесь, выступая на стороне противника, не могла превратиться в кибрайкера…

Мучительный, но короткий поиск ответа, внезапно привел Вадима к оглушающему разум выводу:

Их готовили в одной школе. Мнемоников и кибрайкеров, вечных антиподов, а затем *продавали* различным корпорациям, ибо, организация, занимающаяся подготовкой столь разных, противопоставленных друг другу специалистов, - Вадим едва не употребил термин «преступников», - должна быть независимой, а независимость на Окраине, как известно, могут дать только деньги…

Мгновенная цепочка выводов окончательно разрушила данность.

Он внезапно вернулся на двадцать секунд назад… анализируя собственные действия.

Рощин с убийственной ясностью осознал: считая себя мнемоником, он действовал, используя весь арсенал приемов кибрайкера.

Вспышка…

Память подернулась рябью, внезапно выталкивая из глубин подсознания смутный, стертый, но не уничтоженный окончательно образ:

Ослепительно-белый потолок.

Перед глазами плавает туман. Голоса находящихся вне ослепительного сияния людей едва долетают до слуха, словно те шепчут:

– Это последний, док.

– Что больше нет никого в резерве?

– Нет.

– Откуда он? Чем занимался? Почему отбракован?

– Место рождения нам неизвестно. Попал в учреждение Аллора с Ганио. Отбракован в связи с психологическим срывом. Подготовка мнемоника прервана. Во время акции протеста, сопровождавшейся вторжением рабочих из отдела терраформинга на территорию школы, он проявил спорадические реакции кибрайкера, в частности взломал систему фантом-генератора, чем спас себя.

– Прекрасно. Именно то, что нужно. Как мы его использовали?

– Последние четыре года он был подключен к информационным потокам Интерстар. Обеспечивал защиту коммерческой информации.

– Находился на искусственном поддержании жизни?

– Да.

– Сколько понадобиться времени, чтобы вернуть мышечный тонус?

– Две недели.

– Устраивает. Готовьте его к операции по имплантации памяти. Все, осмотр окончен. Забирайте, и чтобы через две недели он был в полном физическом здравии. Остальным я займусь лично.

Ложь.

Все от начала до конца. Все его воспоминания, кроме крошечных фрагментов истинной памяти - *имплантированная ложь* .

Смысл?

Вадим не понимал его.

Взгляд проследил за падением пустого магазина.

Тот медленно коснулся пола, отскочил вверх…

Прошла секунда, не более.

Злое, перекошенное лицо Бугаева.

Медленно шевелящиеся губы.

К…О…Д…Ы…

Мак-Миллан уже вскинул автомат, целиться в проем выбитого взрывом люка, готовый расстрелять застывших в креслах кибрайкеров.

Вадим сделал это неосознанно - его рассудок сам потянулся к импланту Бугаева, считывая наиболее яркую мысль лейтенанта:

Коды, сука имплантированная, и я тебя пристрелю… Ненавижу уродов …

Вадим даже не похолодел.

Глубже.

Источник мысли, мотив действия?

В сознании внезапно проявился еще одна смутная, динамичная картина: незнакомый кабинет, человек в форме ВКС «Инфосистемз», выговаривающий слова с легким элианским акцентом:

– На время операции тебе будет придан мнемоник. Следи за ним внимательно. Береги, пока не получишь коды управления. После пристрелишь. Лично, чтобы исключить ошибку или оплошность.

Образ истаял, растворяясь будто мираж.

Вадим не выдержал. Не смог. Не сумел.

Чудовищная пустота внутри. Ощущение падения в пропасть.

Фантомы, наполнявшие задымленный зал, вдруг начали гаснуть, растворяясь в красноватом сумраке аварийного освещения.

Очередь. Тугая, хлесткая, оглушительная…

Энергии. Он ощущал, как пули рассекают воздух, рвут спинки кресел, вонзаются в плоть, выбивая на выходе из груди кибрайкеров алые брызги…

Он хотел закричать, но не смог. Пустота внутри, обрывки тающих воспоминаний, исчезающая личность, водоворот мыслей, увлекающий разум в бездну, откуда уже не будет возврата, и как соломинка для утопающего, надеждой на чудо полыхала в рассудке единственная, не потерявшая целостности картина:

Мальчик и девочка взявшись за руки, стоят среди бетонных обломков и немо смотрят, как на расстоянии протянутой руки осатаневший от иррациональной злобы колонист месит металлическим прутом воздух, тщетно и тупо пытаясь сокрушить иллюзию.

Исчезающее, рвущееся сознание Вадима не просто ухватилось за единственное оставшееся воспоминание, оно инстинктивно приняло его за данность, слилось с ощущениями прошлого…

Он снова был там, на далеком Аллоре.

Рука, казалось, ощущает холодную ладонь Эллен.

Вот только с оператором почвоукладчика творилось что-то неладное, черты его лица исказились. дрогнули, принимая иной облик, в руках вместо металлического прута оказался короткоствольный автомат странной конструкции, а на периферии сознания появились иные образы…

– Командир, трое кибрайкеров мертвы. Двум удалось уйти. Что с Рощиным?

– Забудь о нем Риган.

– Не понял? Его достали-таки?

– Сам не видишь? Ослеп? - Злая отрывистая фраза сопровождалась сухим звуком передернутого затвора. - Извини парень, но такой ты нам не нужен…

Фантом… Фантом-генераторы…

Мысль кружила как падающий пожелтевший лист.

Рощин практически перестал воспринимать реальность. Все его действия были машинальными, инстинктивными, проходящими на уровне инстинкта самосохранения *мнемоника*.

В зале моргнул и погас свет.

– Проклятье! - Хриплый голос прозвучал в двух шагах от Вадима.

Без сканеров боевого скафандра Бугаев ничего не видел в воцарившемся мраке.

Через пару секунд тусклое аварийное освещение вновь заработало, но за ничтожный промежуток времени импланты Рощина, воспользовавшись отсрочкой, генерировали новую командную последовательность системе фантом-генераторов.

Как тогда, в детстве.

Бугаев еще несколько секунд боролся с оранжевыми пятнами, что плавали перед глазами от резкой смены освещения.

Вот он - Рощин, бессильно стоит у стены, сотрясаясь от крупной конвульсивной дрожи. Фрайг с ними, с кодами, - можно уничтожить саму аппаратуру слежения, такой вариант то же был предусмотрен. До выхода флота в трехмерный континуум осталось тридцать минут, так что нет времени на погоню за кибрайкерами…

Короткая очередь вспорола сумрак, пули прошили голову мнемоника и почему-то с визгом ударили в стену.

Промахнулся?! Бугаев шагнул вперед, и вдруг споткнулся об обмякшее тело.

Наклонившись, он разглядел искаженное лицо Рощина.

На виске Вадима из рваной раны густыми ручейками сочилась кровь.

Готов. Даже добивать не надо.

Мысли лейтенанта тут же переключились на другие гораздо более важные на его взгляд проблемы:

– Риган, твою мать!

– Я здесь.

– Взрывчатку. К фрайгу, минируем зал и уходим! Куда бежали кибрайкеры?

– Там оказался второй выход.

– Мак-Миллан, Зарипов, за ними! Стрелять на поражение. Через тридцать минут начнется штурм планеты!

Вадим ловил слова угасающим сознанием.

На этот раз все происходило помимо его воли. Одна из пуль, пройдя сквозь иллюзию, срикошетила ему в голову, по счастью попав в височный имплант.

Как после этого станешь отрицать наличие Судьбы?

– Уходим. Через пять минут наша операция заканчивается. - Голос Бугаева долетал издалека.

Пять минут. Таймер… Ползти… В соседний зал…

– Думаешь это единственный локационный комплекс? - Слова Ригана глохли в ватной тишине.

Удаляющие шаги.

– Не знаю. По другим объектам так же работают диверсионные группы. Нам осталось добить сбежавших кибрайкеров.

Ползти…

Последняя осознанная мысль.

Глава 3

Фрисайд. Несколькими часами позже…

Вадим очнулся в зловещем свете аварийных ламп.

Вокруг царил хаос. В соседнем помещении сочились зловонным, удушливым дымом подорванные комплексы аппаратуры, к которым Бугаев так и не получил кодов доступа.

Тускло моргала поврежденная панель освещения. Гротескные тени возникали и тут же таяли, растворяясь в дыму.

Он сел, машинально ощупывая рану.

Пуля, срикошетив от стены, ударила в височный имплант. Ему повезло. Удар пришелся по касательной, но ссадина обильно кровоточила, создавая обманчивое впечатление смертельной раны.

Голова кружилась. Он мучительно закашлялся. Глаза разъедал дым от сгоревшей изоляции и оплавившихся панелей облицовки.

Вадим с трудом поднялся на ноги. Некоторое время он стоял, удерживаясь руками за стену, содрогаясь в новом приступе кашля.

Нужно убираться отсюда…

Куда?

Ориентируясь по показаниям неповрежденных нейромодулей, расположенных в затылочных имплантах, он осмотрел помещение.

Жуткая картина предстала его взгляду.

Трое кибрайкеров, расстрелянных в упор, распластались на полу подле опрокинутых кресел.

Превозмогая усилившуюся дурноту и слабость, Вадим заставил себя посмотреть в искаженные агонией лица.

Эллен…

Ее не было среди убитых. Она исчезла, как и еще один кибрайкер.

Бежали, придя в себя и воспользовавшись заминкой? Вадим вспомнил последние мгновения перед беспамятством и подумал: вряд ли… Риган держал кибрайкеров на прицеле.

Хотелось сесть, закрыть глаза и умереть.

Инстинкт самосохранения мог катиться к фрайгу. Он не хотел жить. Память опустела, навязанные кем-то воспоминания о многолетней работе на корпорацию «Инфосистемз» растаяли как сизый сигаретный дым. Лишь несколько устойчивых вспышечных воспоминаний удержались в подсознании. Вернее всего они являлись его настоящей не

имплантированной памятью, но два-три фрагмента жизни, вырванные из общей цепи последовательности событий, нельзя было обозначать емким, всеобъемлющим термином «память».

Обрывки прошлого, наиболее сильные, травматические впечатления которые не удалось полностью вытравить из его сознания перед *инсталляцией* ложных воспоминаний.

Он помнил, как его продали в рабство на Ганио… далее следовал провал лет в пять, не меньше, потому как в момент атаки на Аллорскую спецшколу он ощущал себя десятилетним подростком. Вот, пожалуй, и весь актив, за исключением свежих впечатлений, полученных здесь, на Фрисайде. Миражи растаяли, оставив ему ошеломляющую правду: Вадим с убийственной ясностью понимал, что у него *нет* прошлого, но остались знания, опыт, - он не переставал ощущать своих мнемонических способностей.

Слабое утешение при полной дезориентации рассудка.

Брак. Неудачно имплантированный подросток, чье развитие внезапно отклонилось от эталона, в ту злополучную ночь, когда озверевшие ублюдки на почвоукладчиках вторглись на территорию школы…

Он всего лишь защищал свою жизнь, защищал, как мог…

Поздно. Поздно и бесполезно анализировать чудом сохранившиеся в памяти обрывки событий. Ему оставался небогатый выбор: либо задохнуться в удушливых клубах дыма от тлеющей пластмассы, либо выбираться отсюда, но куда?

Выбраться на поверхность - подсказывали инстинкты.

Зачем? - Спрашивал рассудок.

Я свободен. Логичное утверждение, но много ли проку от внезапно обретенной свободы?

Осознавать, что остался один на один с враждебным миром, о котором фактически ничего не знаешь, понимать, что для остальных людей он *нечто иное* , уже не человек, но еще не машина, расходный материал в непонятной ему противостоянии… такого не пожелаешь ни себе, ни врагу, и Вадиму всерьез казалось, что жить с таким грузом неопределенности он не сможет.

Однако далеко не все решает рассудок.

Бугаев и иже с ним могли думать о нем что угодно, называть про себя различными терминами, но Вадим ощущал себя живым существом, человеком, и как любому из нас ему вдруг остро, нестерпимо захотелось жить, вдыхать чистый, не отравленный дымом воздух, видеть нормальный солнечный свет вместо стробоскопических вспышек зловещего аварийного

освещения.

Инстинкты.

Иногда они сильнее рассудка, сильнее отчаянья и безысходности.

Жить.

Он медленно обернулся. Импланты по-прежнему работали, лишь стандартный височный порт выдавал сигнал сбоя.

Рощин видел лишь один путь к воздуху и свету - назад по сетке тоннелей к руинам древней часовни, под которой скрывался вход в подземелья.

Спустя четыре часа измученный физически и морально он добрался до знакомого провала, над которым в сереющих красках подкравшихся сумерек возвышались стены древней постройки.

Оставленный бронескафандр… - Мысль показалась такой же блеклой, как сумеречный свет, сочащийся через пролом.

Рощин выбрался наружу присел у стены, чувствуя, как тупая, ноющая боль раздирает каждую мышцу его тела. Силы не просто иссякли, он находился на грани потери сознания, столь велика оказалась усталость после невероятного физического и морального напряжения прожитых суток.

Прожитых…

Вадим вдруг слабо улыбнулся мелькнувшей мысли. Другой в его положении давно бы впал в оцепенение, а он бережно собирал страшные впечатления, начиная новый отсчет времени, памяти, чувствуя, что от этого становиться легче.

Сумерки внезапно осветила полыхнувшая у горизонта зарница.

Он поднял взгляд. В разрывах кучевых облаков уже высыпали звезды.

Глаза слезились от усталости, но он продолжал смотреть вверх, пока не заметил рой точек двигавшихся на фоне неподвижного узора созвездий.

Начинается… Это флот корпорации «Инфосистемз» выходил на низкие орбиты Фрисайда, готовясь высадить десант на поверхность планеты.

Личные проблемы отступили, схлынули, он провожал взглядом рой ярких точек, ощущая, как под воздействием мыслей один за другим включаются в работу сканирующие модули имплантов.

Выбравшись из подземелий, он оказался перед новыми гораздо более серьезными проблемами. Как только флот корпорации полностью блокирует Фрисайд, выскользнуть отсюда будет фактически невозможно. Начнется тотальная зачистка планеты, которая неизбежно затронет и его…

Вадим не понимал, почему его должны были убить. Однако приказ,

полученный Бугаевым накануне операции, полностью исключал какие-либо иллюзии. Рощин никогда не работал на корпорацию «Инфосистемз» как пыталась внушить ему имплантированная память. Он был куплен для исполнения разовой акции. Куплен как дорогостоящий прибор, которым придется пожертвовать, чтобы избежать нежелательных последствий.

Каких?

Вадим прислушался к собственным ощущениям и мысленно сформулировал ответ:

Они опасались, что я выйду из-под контроля имплантированных воспоминаний. Сумасшедший боевой мнемоник - что может быть опаснее для тщательно спланированной операции вторжения?

Скорее всего, вывод соответствовал истине. На Фрисайде у Рощина не было друзей, только враги…

Вырваться с планеты. Вот единственный способ спастись.

Вадим тяжело размышлял над сложившимся положением, пытаясь найти выход из явно тупиковой ситуации. В конце концов, он пришел лишь к одному решению: следовало собраться с силами и найти бронескафандр. Встроенная система жизнеобеспечения броня и сервомускулы помогут ему одолеть непомерную усталость, а там станет ясно, как поступать дальше.

Главное не строить иллюзий, придерживаться суровой данности и тогда у него будет шанс на спасение.

Подумав об этом, Вадим со стоном оторвался от стены, и, пошатываясь, побрел в сгущающуюся темноту.

Бронескафандр он отыскал с первой попытки.

К этому моменту силы фактически покинули его. Сознание временами начинало меркнуть, и тогда он вздрагивал, возвращая себе ощущение реальности.

Не в силах освободить бронированную оболочку из-под вороха ветвей и листвы, которыми замаскировал ее Бугаев, Вадим сел на землю, чувствуя холод и сырость, исходящие от почвы.

Единственное на что достало сил - это включить импланты и мыслить, отдавая дистанционные команды кибернетической системе, управляющей бронескафандром.

В сумерках (полной, кромешной тьмы так и не наступило, хотя над Фрисайдом царила ночь) внезапно зашевелился участок бурелома, с тихим ноющим визгом заработали сервоприводы боевого скафандра, и двухметровая фигура поднялась, словно материализовавшийся в лесной глуши призрак.

Несколько тяжелых, отдающихся колебаниями почвы шагов и

послушная воле мнемоника сервосистема остановилась в метре от него, безропотно сдвинув сегменты брони, чтобы дать возможность измученному человеку войти внутрь.

Зарницы у горизонта сверкали все чаще, но бой, разгоревшийся в сотне километров отсюда, в данный момент не волновал Рощина.

Он едва ли воспринимал реальность, когда вставал, хватаясь руками за выступы сдвинутых в положение технического обслуживания сегментов брони.

В оболочку бронескафандра следовало входить спиной, это удалось сделать с третьей или четвертой попытки, Вадим плохо координировал движения, ориентируясь лишь по показаниям датчиков нейромодулей.

Наконец он почувствовал давление захватов на грудную клетку.

Все… вошел.

Подвижные сегменты брони начали смыкаться, перед блуждающим, полусознательным взглядом осветился внутренний монитор гермошлема, один за другим включались усилители мускулатуры, фиксируя в пластичных захватах совершенно ослабевшие ноги.

Еще секунда и тревожно взморгнул индикатор системы жизнеобеспечения.

Вадим ощутил, как в кожу вонзились микроинъекторы, и подавляющая слабость начала отступать, сознание прояснилось, - это система поддержания жизни ввела в кровь стимуляторы.

Щелчок.

Ощущение влаги на пересохших, потрескавшихся губах.

Пить… Как он хотел пить…

Возвращение в реальность навсегда запомнилось ему вкусом благодатной влаги на пересохших губах.

Бой, отсветы которого наблюдал Рощин, завязался в районе древнего космодрома, где были сосредоточены основные силы планетарной обороны Фрисайда.

Атака корпоративного флота «Инфосистемз» развивалась успешнее, чем предполагали самые оптимистичные прогнозы. Благодаря четкой работе диверсионных групп, большинство которых справились с задачей, захватив, либо уничтожив контрольно-управляющие центры, корабли корпоративного флота не только беспрепятственно осуществили маневр обратного перехода из пространства гиперсферы в метрику трехмерного континуума, но и сблизились с планетой, не встретив серьезного противодействия со стороны орбитальных комплексов защиты.

Как выяснилось, противник не ожидал атаки, - пять из семи

космических кораблей находились на поверхности Фрисайда, в зонах технического обслуживания, где производилась их модернизация. Нужно отметить, что многие боевые системы, сохранившиеся со времен Первой Галактической являлись уникальными разработками. Их применение при обороне Фрисайда сделало бы планету фактически неприступной для отдельно взятого корпоративного флота. Именно в силу данных обстоятельств, командующий силами планетарной обороны Фрисайда принял решение о парковке пяти фрегатов на поверхности планеты. Он рассчитывал модернизировать корабли и вновь поднять их в космос, но не успел - четко сработала разведка «Инфосистемз», и неожиданный удар был нанесен в самый выгодный для корпорации момент.

Вадим не мог знать всей подоплеки событий, он делал свои выводы исходя из данности. Сканеры нейромодулей еще при высадке указали на древний космодром, где размещался один из фрегатов.

Сверив показания датчиков с данными, полученными восемь часов назад, Вадим понял, что бой идет в сотне километров от него, где располагалась вторая площадка технического обслуживания. Находившийся на модернизации фрегат вел бой с силами космического десанта, сдерживая наступающих. Очевидно, что команда фрегата вовремя обнаружила противника, и успела подготовить корабль к отражению наземной атаки.

Рощин внимательно и методично сканировал доступное пространство. Бой, как магнит притягивал к себе все новые и новые силы, поэтому резервная площадка космодрома, где дислоцировался еще один космический корабль, пока что оставалась без внимания со стороны сил вторжения. В принципе логику такого пренебрежения можно было понять. Уничтожение основных центров управления, и полное господство корпоративного флота в зоне низких орбит Фрисайда лишал космические корабли возможности немедленного старта. В этих условиях фрегаты было проще штурмовать по одному, не распыляя силы и технику.

Вадимом постепенно овладевала злость.

Отсветы приближающегося боя не пугали его, но пробуждали иные чувства.

Он ощущал себя совершенно заблудившимся, нет, ориентация на местности не вызывала затруднений, но куда и зачем он шел?

Здесь для него не было своих и чужих, все одинаково опасны, так почему он упрямо двигался навстречу стробоскопическим зарницам?

Остановившись, он задумался.

Действительно, какой смысл лезть в бой?

Пусть истаяла как дым ненадежная имплантированная память, но в сознании прочно, незыблемо удерживались навыки. Может быть, под воздействием стресса его рассудок и лишился мнимой индивидуальности, но Рощин вряд ли сожалел об этом.

Что я потерял? Ложные воспоминания? Навязанную кем-то преданность? Да и фрайг с ней. Я свободен.

Свободен и потерян. Потерян, прежде всего, для самого себя…

Очередной приступ злости, не способствующий здравомыслию, едва не толкнул Вадима на роковой шаг. Вскипевшее в душе чувство несправедливости являлось достаточным мотивом, чтобы идти туда, где сейчас кипела схватка.

Мучительная, обреченная двойственность сознания. С одной стороны оставался навык хладнокровной рассудительности, не оставлявший сомнения в том, что его долго, тщательно и всерьез готовили, как мнемоника, специалиста по защите, а с другой, осознав себя в новом свете, лишившись иллюзий, он испытывал жгучую потребность задавать вопросы и находить недвусмысленные ответы на них. Это можно было сделать разными способами, но сейчас он желал одного: отыскать средь бушующего в нескольких километрах боя того же Бугаева, я вырвать у лейтенанта всю правду, пусть даже она выйдет из него вместе с жизнью!..

Приступ ярости погас так же внезапно, как и вспыхнул.

Что он сможет ответить мне сверх того, что уже выдали его мысли? Знает ли лейтенант истину?

Нет… Он такой же исполнитель, как и сам Вадим. На Фрисайде сходились в смертельной схватке исполнители, подчиняющиеся приказам, или продающие свою жизнь за деньги, для Рощина сейчас не было существенной разницы, кто и за что рисковал собой.

Он мог скрежетать зубами от сиюсекундных порывов, но здравый смысл оказался сильнее.

Хочешь сгореть в техногенном аду - иди. Но не проще ли было задохнуться под землей, либо покорно подставить голову под пулю? Ради чего мучился, Рощин?

Скоты…

В душе царили сумерки, но здравый смысл все же возобладал в истерзанном сознании.

Сверившись с показаниями сканеров, Рощин повернул в сторону резервной площадки древнего космического порта, где нейромодули имплантов фиксировали характерную сигнатуру космического корабля.

Я должен выжить. Выбраться отсюда… Понять кто я есть… Узнать

что со мной происходило на протяжении многих лет.

Единственная мысль по-прежнему не давала покоя. На фоне рассудочности то и дело возникал образ Эллен. Вадим не сомневался - она могла бы многое прояснить, но где искать ее?

Нет ответа. Лишь в глухой ночной тиши лопаются звуки разрывов, да хмурые небеса отражают мертвенный свет.

Техническая площадка древнего космодрома, расположенная в полусотне километров от того места, где сейчас кипел бой, выглядела покинутой.

Вадим остановился в пятистах метрах от полуразрушенного ограждения.

Фрегат возвышался над зданиями, контуры космического корабля едва угадывались: здесь исправно работали маскирующие системы, под вуалью которых при внимательном сканировании внезапно начали проявляться неожиданные детали.

Системы боевого скафандра утверждали, что впереди все тихо и безжизненно, но сканирующие модули имплантов свидетельствовали обратное. Разум мнемоника действовал принципиально иным образом, чем стандартный локационный комплекс боевой экипировки. Рощин не двигался, его рассудок в эти мгновенья уже обозначил для себя основные узлы маскирующей системы, нашел уязвимые места, и, определив точку входа, начал мгновенный процесс слияния с кибернетической сетью.

Виртуальная реальность, куда погрузился разум Вадима, тут же развеяла всякие сомнения: под вуалью фантом-генераторов кипела работа, десятки кибернетических механизмов сновали между приземистыми зданиями и грузовыми аппарелями семисотметрового фрегата.

Сотни кабелей и трубопроводов тянулись от подземных коммуникаций к днищу исполинского корабля.

Шел процесс экстренной заправки планетарного топлива. Фрегат явно готовился к старту, но как он осуществит его, оставалось непонятным. Вадим твердо знал, что корабли такого класса не приспособлены для совершения маневров в атмосфере, чтобы сесть на поверхность планеты или подняться в космос им требовались специальные технические носители.

Направляясь сюда Рощин втайне рассчитывал, что в общей сумятице и неразберихе ему удастся отыскать один из малых кораблей поддержки. В принципе для него не имело значения, будет то истребитель или грузовое судно небольшого тоннажа, главное чтобы на нем был установлен гипердрайв и имелся хотя бы минимальный запас планетарного топлива.

Однако мысленному взору предстала совершенно иная картина. Вокруг корабля сновали кибермеханизмы, их было множество, и действовали они вполне согласованно, подчиняясь четким целеуказаниям. Никаких признаков паники, скорее деловая суета, ускоренная подготовка к невозможному с технической точки зрения старту.

Осторожно перемещаясь по линиям виртуальной связи, Вадим удалился от фрегата, углубившись в инфраструктуру прекрасно сохранившегося ремонтного дока.

Он все еще надеялся отыскать малый корабль, но вместо этого внезапно обнаружил ангары с планетарной техникой.

В технических боксах подле устрашающих контуров боевых серв-машин так же деловито сновали механизмы обслуживания.

Шел процесс реактивации с одновременной подачей боекомплектов.

Вадима продрал озноб. Подключившись к одной из камер слежения, он несколько секунд наблюдал, как два сервомеханизма поднимают к открытым артпогребам шестидесятитонного «Фалангера» кофры с маркировкой военно-космических сил Земного Альянса.

Будто время побежало вспять, проваливаясь в прошлое…

Вадим соединился с установленным в ангаре терминалом, за несколько секунд считал данные по кинематике и тактико-техническим характеристикам серв-машины, мысленно ужаснувшись огневой мощи «Фалангера», но тут же одернул себя, прерывая незапланированный экскурс, - для бегства с планеты ему требовался образец космической техники.

Следующий ангар.

В ярком свете предупреждающих огней от серв-машины класса «Хоплит» отходили фермы технического обслуживания.

Полностью заправленный, реактивированный реликт отгремевшей тысячу лет назад войны явно собирался вновь вернуться в строй.

Теперь Вадим понимал, на что уповает экипаж фрегата. Древняя, сохранившаяся со времен войны планетарная техника, в состоянии не только дать отпор десантным подразделениям корпорации «Инфосистемз» - десяток реактивированных серв-машин способны радикально изменить ситуацию в регионе, превратив планомерный захват космических кораблей в разгромное поражение.

Мне есть дело до этого? - Промелькнула раздраженная мысль.

Оказалось - есть.

Прежде чем отключится от локальной системы ангара Рощин, не удержавшись, соединился с «Хоплитом».

Он хотел лишь соприкоснуться с неимоверно-далеким, оживающим на глазах прошлым, но данные, считанные с целевого монитора серв-машины, заставили его похолодеть.

Единственным активным маркером в зоне действия вариатора целей оказался термальный контур бронескафандра.

Мгновенно сверившись с данным местности, Вадим понял - «Хоплит» покидает ангар по его душу.

Фатальное невезение?

Исключено. Не смотря на внезапность события, Рощин не потерял хладнокровия. Древние системы сканирования не могли обнаружить современный бронескафандр, оснащенный активным противосенсорным комплексом.

Кто его обнаружил?

Автоматика фрегата? Случайно приблизившийся к периметру кибермеханизм?

Казалось бы, какая разница, но Вадим подсознательно продолжал искать ответ, чувствуя, что это важно.

Вступать в бой с серв-машиной он не собирался. Проще вырубить систему «Хоплита», на это уйдет меньше времени и сил чем на рискованный, непредсказуемый в последствиях огневой контакт.

Но прежде, - узнать, кто отдал команду к действию.

Отследив канал обмена данными, Вадим соединился с кибернетической системой фрегата. Он чувствовал что ситуация развивается неестественно, слишком просто ему удалось войти сначала в систему серв машины а затем попасть на канал обмена данными с фрегатом, по сути проникнув в бортовую сеть.

Ответ пришел неожиданно.

Он мог забыть свое прошлое, но никто не посягал на технические знания и мнемонические навыки Рощина. Просто в силу обстоятельств он не всегда пользовался ими осознанно, поэтому ответ на заданный себе вопрос прошел на уровне интуитивного озарения.

Система «Хоплита» была взломана.

Вадим осознал, что движется в расставленную ловушку, за мгновенье до мнемонического удара.

На борту фрегата не было экипажа, там находился кибрайкер, планомерно готовивший для себя путь отступления с Фрисайда!..

Он выскользнул из сети, оборвал контакт, за доли секунды до рокового удара.

Проклятье…

Ярость захлестнула рассудок, перед глазами плавали оранжевые круги, во рту пересохло, но, не смотря на бешенный вброс адреналина, едва сглаженный системой метаболической регуляции скафандра, Вадим не потерял головы.

Опять, в который раз на его пути вставал кибрайкер.

В который раз?

Нет времени копаться в обрывках памяти.

Действовать. Немедленно.

Сервомускулы боевого скафандра пришли в движение. Бронированная оболочка опустилась на одно колено, рука с закрепленными поверх бронепластин пусковыми тубусами тактической ракетной установки вытянулась вперед, до четкого щелчка механических фиксаторов.

Вадим отдал последние инструкции автоматике и его рассудок вновь ускользнул из «реала», стремительно вторгаясь в кибернетическую сеть ангаров планетарной техники.

Его расчет полностью оправдался. Система «Фалангера» была взломана, из программного ядра машины сняты все ограничения доступа. Вполне естественно. Не зная кодов управления овладеть контролем над древней планетарной техникой можно было лишь таким способом.

Рощину потребовалось несколько мгновений, чтобы блокировать все внешние каналы обмена данными.

Обезопасив систему «Фалангера» от мнемонических атак, он перехватил управление.

Это оказалось не сложно, Рощин действовал на уровне глобальных команд, предоставляя автопилотам возможность исполнять их, управляя подсистемами серв-машины.

Шестидесятитоннный исполин смял фермы обслуживания, делая первый шаг навстречу распахнутым воротам.

«Хоплит» успел продвинуться на двести метров, опасно приблизившись к периметру технического дока.

Вадимом по-прежнему владела ярость, которая вольно или невольно сказывалась на работе сервосистем «Фалангера».

Боевой механизм резко набрал скорость. Земля ощутимо содрогалась от его тактовой поступи, сзади волочились оборванные шланги, оба подвесных орудия уже зарядились и теперь плавно поворачивались на независимых подвесках, фиксируя цель.

Дистанция до «Хоплита» стремительно сокращалась, теперь две серв-машины разделяло лишь трехэтажное здание диспетчерской службы.

Рощин четко воспринимал сигнатуру противника, и потому не

пропустил момент, когда тот резко повернул торс, готовясь встретить «Фалангера» массированным залпом всего бортового вооружения.

Вместо того, чтобы появится из-за угла здания, Вадим задействовал реверс двигателей, заставив свою машину остановиться, а затем сделать шаг назад. Пятитактовая очередь правой орудийной установки прошила стены здания, словно картонные листы, и тут же в образовавшийся пролом ударила левое орудие.

«Хоплит» потерял равновесие. Удар пришелся в район оружейных пилонов, на которых были закреплены пусковые тубусы ракетной установки.

Оранжевые сполохи разрывов срезали бронированный кожух, одна из ракет детонировала, на миг озарив пространство между зданиями ослепительной вспышкой.

Еще секунда и поврежденная серв-машина, сделав несколько шагов, внезапно вспыхнула, будто гигантский факел.

Рощин резко развернул «Фалангера».

Под ступоходами исполина рвались проложенные по земле трубопроводы, рассыпались фонтами искр порванные силовые кабели, - он вел машину к кормовой части космического корабля, намереваясь разрядить в зев открытой грузовой рапы весь тактический запас ракет, а затем, прорвавшись на борт, посмотреть, нет ли там искомого малого корабля??

Ничего не вышло.

Фрегат класса «Игла» даже находясь в наземном доке, представлял собой грозную силу, по сути, сейчас он являлся семисотметровой крепостью, для штурма которой одной серв-машины явно маловато…

Вадим действовал спонтанно, под напором обстоятельств, но если в первые минуты ему сопутствовал фактор внезапности, то теперь обосновавшийся на борту «Иглы» кибрайкер перехватил инициативу.

Часть бронеплит фрегата внезапно пришла в движение, обнажая вакуум-створы орудийных портов.

Еще секунда и двигавшегося к корме «Фалангера» в буквальном смысле разорвало на части массированным залпом орудий главного калибра.

Рощин едва успел уйти из-под удара, оборвав контакт с кибернетической системой серв-машины.

Его сознание полностью абстрагировалось от собственного тела. Обычное состояние для мнемоника, если не учитывать факторы риска: во-первых, он находился в виртуальном пространстве враждебной, не

подконтрольной ему сети, во-вторых, бронескафандр располагался слишком близко к месту схватки.

Вадим понимал - секунда промедления, нерешительности, будет стоить ему жизни.

Должно быть кибрайкер, обосновавшийся на борту «Иглы», не ожидал встретить достойного противника, но просчитался, - обломки «Фалангера» еще ломали стены близлежащих построек, а локальная сеть, образованная кибермеханизмами обслуживания, внезапно перестала подчиняться поставленным задачам, - около полусотни машин попросту прервали связь с фрегатом, прекратив текущие операции.

Проклятье…

Механический муравейник застыл лишь на доли секунды.

Технические и грузовые люки фрегата оставались открыты, чем не преминули воспользоваться обслуживающие машины: захваченные волей Рощина, они устремились внутрь «Иглы».

В ответ на борту фрегата пришли в движение герметичные переборки, разделившие корабль на изолированные сегменты, однако ответное действие не помогло. Большинство сервомеханизмов с легкостью обошли препятствия, двигаясь по техническим коммуникациям.

Рощин, контролирующий локальную сеть, поставил перед исполнительными машинами единственную задачу: любой ценой прорваться в рубку управления «Иглы».

Противники, не зная потенциальных возможностей друг друга, действовали с одинаковой, неистовой целеустремленностью. Не успели опуститься аварийные переборки, как в технических коммуникациях активировались системы внутренней защиты. Часть сервомеханизмов тут же прервала обмен данными - они были уничтожены, но полтора десятка продолжали свое роковое движение в сторону рубки, используя все доступные средства. Спроектированные для технического обслуживания они без труда взламывали вентиляционные решетки, углубляясь в систему регенерации воздуха.

Подобные действия грозили обернуться полным разрушением жизненно-важных подсистем корабля, без участия которых старт становился весьма затруднительной процедурой.

Противник Рощина не стал тратить драгоценные секунды на противодействие исполнительным машинам. Орудия фрегата не могли достать бесноватого мнемоника - бронескафандр с его телом внезапно исчез, словно растворился в окружающих ремонтный док кустарниковых зарослях, но Дитрих Кроу (так звали кибрайкера, захватившего «Иглу»)

запомнил его изначальное местоположение.

Технические механизмы продолжали стремительно продвигаться к рубке управления, а через десантный шлюз на поверхность спустилось подразделение андроидов пехотной поддержки. Они быстро преодолели дистанцию до полуразрушенного бетонного ограждения и скрылись в зарослях кустарника.

Вадим фиксировал происходящее, но раздвоиться он не мог, теперь все решали мгновенья. Кто первым сумеет нанести удар в «реале»?

Нет, слишком рискованно…

…Один из подконтрольных ему кибермеханизмов обслуживания внезапно остановился напротив змеящихся по стене технического тоннеля оптических кабелей. Отыскав доступный для подключения разъем, он соединился к кибернетической сетью фрегата.

Сознание Рощина вошло в глобальную сеть.

Дитрих Кроу почувствовал неладное, когда внезапно взвыли насосы системы регенерации воздуха.

Фрайг побери, они откачивали воздух из рубки!

Дитрих понял, что теряет контроль над подсистемами фрегата. Он не мог понять, с кем имеет дело. Противник оказался равен ему по силе и возможностям…

В этот миг, когда Кроу почувствовал приступ удушья, один из дройдов обнаружил бронескафандр.

Теперь уже сознание кибрайкера покинуло «реал» устремившись по виртуальным каналам обмена данными в систему андроида.

Доли секунды потребовались Дитриху, чтобы взломать защиту бронированной оболочки.

Заблокировать импланты…

Вадим, чье сознание оказалось в системе рубки управления фрегатом, внезапно ощутил, что теряет контроль над захваченными подсистемами корабля.

В последнем, неистовом порыве он машинально совершил то же, что и Дитрих: полностью блокировал работу имплантов кибрайкера.

Тьма.

Фрагмент виртуального пространства, в котором оказались заперты сознания кибрайкера и мнемоника.

Они не могли уничтожить друг друга, в «реале» их воздействие на киберсистемы прекратилось: насосы прекратила откачку воздуха из рубки управления, остановились технические механизмы и пехотные дройды.

Кто ты, фрайг побери? - Кроу был взбешен.

Призрачная фигура Рощина выступила из тьмы в сумрак.

Мнемоник. - Лаконично и неопределенно ответил он.

Не лги. Будь ты мнемоником, не прошел бы по сети .

Какая разница в терминах? Нам придется договариваться, верно?

Дитрих кивнул. Он не видел иного выхода из сложившейся ситуации. Оба понимали, что могут достаточно долго удерживать импланты друг друга в заблокированном состоянии, но к чему это приведет? Помимо их внезапного противостояния в реальности Фрисайда действовало достаточно «третьих сил», представляющих равную угрозу, как для Рощина, так и для Кроу.

Что тебе нужно? На кого работаешь? - Зло осведомился Дитрих.

На себя. - Лаконично отрезал Вадим.

Ладно. Будем считать, что я поверил. Карты на стол ?

Вадим на мгновенье задумался. Рискованный смысл предложения сводился к перемирию, основанному на взаимном доверии. Они раскрывают друг перед другом свою истинную сущность, и пытаются найти точки соприкосновения интересов.

Сложность заключалась в том, что Рощин, не смотря на полную потерю имплантированной памяти, сохранил в душе крайне негативное отношение к кибрайкерам.

Сейчас ему предстояло сделать выбор, либо шагнуть за черту собственных комплексов, перешагнуть фобии, или…

Или умереть.

Хорошо. Я стремился бежать с планеты. У меня нет ничего личного против тебя Дитрих .

Вот как? Значит не все потеряно. Я как раз собирался попрощаться с Фрисайдом .

При помощи фрегата? - Мысленно фыркнул Вадим. - *Ты не поднимешь его в космос .*

Подниму.

Почему не на малом корабле ?

Две причины: во-первых, флот «Инфосистемз» на низких орбитах, во-вторых, - жадность. Признаю. Грешен .

Видя, что Вадим не вполне понимает его, Кроу добавил:

Ты что сегодня родился, малыш? «Игла» стоит бешеных денег, а мне не заплатили за проделанную на Фрисайде работу.

Вадим кивнул. Такое пояснение ставило все на свои места.

Ты действительно знаешь, как осуществить старт ?

Знаю. Не думаю, что это понравиться старым или новым хозяевам

планеты, но мне уже плевать на их интересы. Ненавижу, когда меня пытаются «кинуть».

Видя, что Вадим по-прежнему пребывает в нерешительности, он перешел к конкретным предложениям:

Может, сойдемся на пятидесяти процентах ?

В смысле ?

В прямом. Ты становишься моим компаньоном. Мы перестаем уродовать друг друга, вместе поднимаем «Иглу», а затем делим поровну деньги и разбегаемся богатыми и свободными. Как тебе такая перспектива ?

Рощин, подумав, кивнул. Вопрос денег мало волновал его в данный момент, но возможность обрести свободу, вырваться с Фрисайда где ему грозила неминуемая гибель, он не мог проигнорировать.

Два вопроса, Дитрих .

Спрашивай .

Ты знал девушку-кибрайкера по имени Эллен ?

Допустим. Хочешь что-то узнать о ней ?

Позже. Куда ты собирался направить «Иглу»?

В систему Ганио, естественно. По-моему только там можно успешно продать угнанный корабль .

Хорошо… Отпускаем импланты ?

Да .

Если у Вадима и оставались подозрения относительно намерений кибрайкера, то они полностью рассеялись когда он вошел в рубку управления «Иглы».

Пару секунд они внимательно смотрели друг на друга, потом Вадим первым протянул руку.

Дитрих усмехнулся.

– Ты действительно не похож на кибрайкера. - Он пожал протянутую ладонь, еще не подозревая, как прочно и надолго свяжет его судьба с Вадимом Рощиным. - За работу, малыш. Если ты действительно был мнемоником, прекрасно. В плане защиты у меня есть некоторые пробелы.

– Что значит «был»?

– Не похож ты ни на кибрайкера, ни на мнемоника. - Ответил Дитрих. - Может, ты и был им когда-то, но сегодня я впервые встретил равного по силе кибрайкера. Ладно. Плевать на термины. Время против нас. Поговорим позже.

– Согласен. Что я должен делать?

– Готовь гиперпривод. Я займусь планетарной тягой. Топливо уже

фактически закачано.

– Дитрих, ты в курсе, что фрегат не в состоянии самостоятельно подняться в космос?

– В курсе. Планетарного топлива хватит, чтобы выкарабкаться километров на пятьдесят.

– А дальше?

– Дальше включаем гипердрайв. Слепой рывок, на минимальной мощности генераторов. Надеюсь, нас выбросит в пределах обитаемого космоса.

– Надеешься?

– Именно. Предложи другой способ?

Вадим покачал головой.

– У меня его нет. - Рощин взглянул на данные тактической системы. Низкие орбиты Фрисайда густо покрывали активные маркеры. Флот «Инфосистемз» уже блокировал планету, и вырваться в глубокий космос было фактически нереально. Мысль о малом корабле типа истребителя отпадала сама собой. Похоже, что рискованный план Дитриха в данной ситуации был единственным шансом на спасение.

Вадим молча уселся в кресло навигатора и вошел в мнемонический контакт с системой.

Дитрих искоса взглянув на него, занял кресло пилота.

Спустя десять минут стартовая площадка ремонтного дока опустела.

Обслуживающие механизмы убрали трубопроводы и кабели стационарного питания, скрывшись в приземистых постройках.

В рубке «Иглы» не чувствовалось напряжения. Спокойно перемигивались контрольные огни на многочисленных приборных панелях перед пустующими креслами.

В отсутствии полноценного экипажа, Вадиму и Дитриху пришлось снять большинство программных ограничителей автопилотов. Оба прекрасно понимали, что автоматика станет протестовать против запланированного маневра. Включение гиперпривода в границах стратосферы граничило с безумием, но у них не оставалось иного выбора. В районе орбит фрегату угрожал корпоративный флот, да и на поверхности дела обстояли неважно: бой на основной стартовой площадке прекратился, и теперь силы космического десанта перегруппировывались, чтобы двигаться дальше, в соответствии с утвержденной схемой зачистки.

– Куда подевался штатный экипаж фрегата? - Между делом спросил Вадим.

– Не знаю. Никто не ожидал нападения. - Ответил Дитрих. - Думаю,

они оказались блокированы в казармах. Когда я вышел к «Игле», здесь работали только сервомеханизмы.

Некоторое время они молчали, заканчивая подготовку к старту.

Рощин первым справился с отведенной ему задачей.

– У меня готово. - Сообщил он, не меняя позы.

Дитрих ответил спустя несколько минут:

– У меня то же. Начинаем?

– Тянуть нечего.

– Ладно. - Кроу вдруг занервничал, на его бледных щеках проявился румянец, глаза лихорадочно заблестели. - Ты неплохо справляешься.

– У нас будут проблемы, Дитрих.

– С корпоративным флотом?

– Да.

– Я знаю. Начинаем отсчет.

Минуту спустя стартовая площадка второго резервного дока, некогда принадлежавшего Земному Альянсу, озарилась неистовым пламенем планетарных двигателей фрегата.

Восемнадцать нестерпимых для глаза реактивных выбросов в сочетании с работой антиграва, начали плавно поднимать огромный корабль над поверхностью планеты.

Старт «Иглы» был виден за сотни километров, его зафиксировали не только наземные силы вторжения, но и сканеры орбитальной группировки.

На каналах связи тут же воцарился сущий содом. Запросы, требования, приказы, - все безнадежно запаздывало, лишь два звена орбитальных штурмовиков сумели адекватно отреагировать на внезапную ситуацию: не дожидаясь распоряжений, ведущие, независимо друг от друга приняли решение идти на перехват…

Верхняя полусфера, пять «Гепардов М-111». Идут на перехват . - Сообщил Вадим.

Вижу. - Мысленно отозвался Дитрих. -*Займись ими.*

Контролируй гипердрайв. - Рощин уже потянулся к атакующим машинам, понимая, что автоматика фрегата не в состоянии отреагировать на угрозу, все орудийно-ракетные и лазерные комплексы были свернуты, большинство надстроек «Иглы» втянуты внутрь, для обеспечения приемлемой аэродинамики корпуса, порты и люки задраены.

Вообще, с точки зрения традиционного пилотирования попытка покинуть планету без сложных маневров с привлечением специальных носителей, больше походила на отчаянный, самоубийственный шаг. Так, по крайней мере, считали большинство наблюдавших старт фрегата

специалистов из состава корпоративного флота.

Они ошибались.

Вадим не хотел смертей. Ему вдруг стало нехорошо, тоскливо, когда рассудок вошел в контакт со взломанной кибернетической системой ведущего штурмовика.

Сознание фиксировало еще одно звено «Гепардов» появившееся на пределе восприятия имплантов.

Полторы минуты. Всего лишь девяносто секунд требовалось «Игле», чтобы вырваться со дна гравитационного колодца, преодолеть тяготение Фрисайда, достичь незримой черты, за которой энергии в накопителях гипердрайва будет достаточно для пробоя метрики трехмерного континуума.

Вадим отдавал себе отчет в том, что при подобном гиперпереходе часть атмосферы будет вовлечена в аномалию космоса вслед за кораблем, это вызовет чудовищную бурю над поверхностью планеты.

Казалось, что смерть и разрушение станут теперь неизбежными спутниками каждого действия, мысли…

Так и вышло. Он мог остановить атакующий бросок штурмовиков только одним способом, - парализовав кибернетические системы машин.

Будет ли его впоследствии мучить совесть?

Вадим не знал этого. Он начинал свою жизнь с нуля, и память о совершаемых действиях станет отправной точкой в его новой жизни.

Рощин возвращайся. Отпускай их!

Сознание Вадима рванулось назад. Доли секунды потребовалось мнемонику, чтобы полностью переключить импланты на контроль внутренних систем фрегата.

Готов .

Бледное призрачное сияние внезапно окружило «Иглу».

Реактивные струи иссякли, казалось фрегат на мгновенье застыл, достигнув апогея свое безумной попытки преодолеть тяготение Фрисайда, и вдруг его контур подернулся рябью, стремительно теряя материальность, превращаясь в бледный фантом.

В следующую секунду ревущие массы воздуха рванулись к нему, закручиваясь в циклопический смерч.

После чернильного мрака гиперсферы экраны внешнего обзора вновь просветлели, демонстрируя бесчисленные россыпи звезд.

Вадим и Дитрих, совершенно обессиленные, молча наблюдали за работой локационных систем.

Звездное окружение идентифицировано.

Определены координаты звезды Халиф .

Идет зарядка накопителей гипердрайва. Инициализация командной последовательности для прыжка в систему Ганио через сорок две минуты .

Дитрих Кроу широко улыбнулся.

– Ну? - Он встал, хлопнул Вадима по плечу, недоумевая, почему тот сидит мрачный, насупленный. - Давай, хватит хандрить. Пошли, познакомимся, что ли по-настоящему? У нас сорок минут.

Вадим лишь кивнул, сглотнув вставший в горле комок.

Он радовался. Но не мог выразить своей радости в словах, жестах, заразительной улыбке, потому что внутри разрасталась пустота.

Его предали. Лишили прошлого, а вместе с ним и настоящего. Он боялся, что Дитрих начнет спрашивать его, задавать пустяковые вопросы, на которые у него не найдется ответа. Он мгновенно представил себе нелепую сцену: Вот Кроу еще раз хлопает его по плечу и произносит: «Так кто ты на самом деле? Мнемоник? Кибрайкер? Как тебя угораздило вляпаться в эту историю с Фрисайдом?» Потом он немного помолчит и наверное добавит: «Ну не хочешь отвечать не надо. Сам-то откуда?»

Даже на этот безобидный вопрос Вадим не сможет дать ему вразумительного ответа.

– Дитрих, подожди. - Он встал и, догнав кибрайкера, который, поставив задачу автоматическим системам, уже находился на пороге рубки, произнес:

– Дитрих, у меня к тебе дело.

Кроу покосился на него с подозрением.

– Нет, выслушай сначала.

– Я слушаю. Только давай поговорим по дороге. Элементарно хочу жрать.

– Может, останемся в рубке? - Предложил Вадим. - Мало ли что?

– Ладно, давай останемся. Хотя не понимаю, почему не поесть по-человечески?

– Есть дело. Я хочу решить его до прыжка к Ганио.

Кроу промолчал, внимательно глядя на Вадима. Темная лошадка, это «мнемоник».

– Дитрих я хочу, чтобы ты отсканировал мой рассудок.

- *ЧТО?!* - У Кроу от удивления округлились глаза. Где это видано, чтобы мнемоник открывал свой разум кибрайкеру?!.. Он, откровенного говоря, оторопел от подобного предложения, начиная подозревать подвох.

– Может, ты решил, что пятьдесят процентов - это мало? - Прямо

спросил он.

– Не усложняй. - Вадим сел назад в кресло и добавил. - Можешь верить, или не верить, но опасаться меня не стоит. Я ничего не помню.

– В смысле?

– В прямом. Мне имплантировали память. Кем я был до Фрисайда, где жил, на кого работал, - ничего нет. Все растворилось, как туман, морок.

– Не вериться что-то. Способностей ты не утратил. Как и технических знаний.

– Поэтому я прошу - помоги мне.

– Но ты сам-то понимаешь, что предложил?

– Понимаю. Мне нечего скрывать.

– Ну, а положим, я совсем не такой, как показалось тебе? Что если *мне* мало пятидесяти процентов?

– Если я ошибся хуже, чем есть, уже не станет. - Упрямо ответил Вадим. Взгляд его покрасневших глаз отражал предельную, невыносимую усталость. - Я боюсь сделать это сам.

Кроу мысленно выругался. В первый раз за всю жизнь он сталкивался с подобной ситуацией.

– Мне бы твою веру в людей, Рощин… - Вздохнул он. - Ладно. Давай попробуем. Только условие: сначала убери нейромодули из имплантов.

– Да, естественно. - Вадим привычно потянулся к затылку.

Кроу тем временем достал пустой футляр с мягким наполнителем. Наверное, он предназначался для его собственных кибернетических расширителей, но на этот раз в мягкие гнезда легли микромодули, извлеченные Вадимом.

Закрыв футляр, Дитрих предупредил:

– Даже если все пройдет успешно, получишь их назад на Ганио, не раньше.

– Договорились. - Вадим закрыл глаза и, постаравшись расслабиться, произнес:

– Начинай Дитрих. Я постараюсь не дергаться.

Тридцать минут спустя они по-прежнему сидели в креслах напротив друг друга. Единственное, что изменилось в обстановке рубки - это выдвинувшийся из пульта управления импровизированный стол, сервированный на две персоны. Делая заказ, Кроу не забыл синтезировать пару бокалов с янтарной искрящейся на свету жидкостью, от которой исходил пряный аромат трав.

– Давай Вадим. За удачу.

Рощин кивнул. Напиток оказался сладковато-горьким на вкус. От него

приятно закружилась голова, пришло, наконец, нормальное чувство голода.

– Знаешь, ты меня здорово напугал. - Признался Дитрих.

– Что ты нашел? - Вадим вот уже несколько минут хотел задать этот вопрос, но не решался.

– Честно? - Кроу нахмурился. - Кроме двух ярких воспоминаний, касающихся Ганио и Аллора - ничего. Область технических знаний и навыков явно не имплантированы. Ты был мнемоником Вадим, могу поручиться. Но твоя карьера не состоялась. Не знаю, по какой причине, возможно в том виновата психологическая травма, полученная на Аллоре.

– Значит, меня просто забраковали?

– Скорее всего. Мнемоник с рефлекторными начатками кибрайкера - это, даже на мой взгляд, опасный индивид. - Дитрих ободряюще усмехнулся. - Память тебе стирали избирательно и профессионально.

– Не понимаю. Как они смогли проникнуть на уровень подсознания?

– У тебя стоит микрочип. Внутренний имплант, если хочешь. Очень любопытная схема. Я подозреваю, что ты можешь напрямую обращаться к собственному подсознанию. Полностью контролировать свой мозг.

– Это способность, которую мне прививали?

– Нет. - Отрицательно качнул головой Дитрих. - Имплант скорее побочный эффект, инструментарий, использованный для стирания долгосрочной памяти. Думаю, его было слишком опасно удалять. Или поджимали сроки, и на повторную операцию не оставалось времени. В любом случае понятно: тебя готовили для разовой акции. Нравиться или нет, но ты изначально являлся расходным материалом.

Вадим поперхнулся. Отложив пластиковую вилку, он поднял взгляд на Дитриха.

– Ты считаешь это теперь навсегда? Я не смогу вспомнить, кем был?

– Знаешь, я бы на твоем месте смотрел на вещи немного проще. Не уверен, что воспоминания доставят тебе удовольствие, даже если ты сумеешь их вернуть, выскрести из потаенных уголков подсознания.

– Я не знаю, что мне делать, Дитрих… Ты ведь должен понимать - я могу и знаю многое, но совершенно забыл, что такое жизнь. Мне с тобой-то общаться трудно…

– Понимаю.

На панели автоматического пилотирования трепетно вспыхнул индикатор, оповещающий об окончании процедуры зарядки накопителей гипердрайва.

– Подождет. - Кроу мысленным приказом ввел автопилот в режим ожидания. Они находились в необитаемой системе, где их вряд ли могли

потревожить. - Ладно, Вадим, мы с тобой хоть и встретились недавно, и едва не прикончили друг друга, но все же, я пойду против правил. Есть у меня одна любопытная информация. Скачал ее между делом, когда готовил старт «Иглы». Мне было необходимо знать намерения корпоративного флота. Пришлось потревожить их сетку. Там у командующего силами «Инфосистемз» хранился любопытный файл. Нет, не в компьютерах - усмехнулся Дитрих. - В голове. Там где он держал свои мысли и намерения относительно хода зачистки Фрисайда. Просто две темы оказались эмоционально переплетены между собой. Ассоциации.

– Я понимаю. - Кивнул Вадим. - Он думал о текущей операции и невольно вспоминал ее подоплеку?

– Схватываешь на лету. Я естественно хватанул все разом. Некогда было распутывать клубок его мыслей. А когда распутал, призадумался. Короче, давай так: я передаю, ты в пассивном приеме. Без нейромодулей справишься?

– Стандартный имплант работает. Передатчик не поврежден.

– Тогда закрывай глаза и расслабься. Приятного мало, но тебе следует это знать.

Штаб квартира корпорации «Инфосистемз».

За два месяца до событий на Фрисайде.

– В смутное время живем, господа. - Энтони Гарден, председатель совета директоров корпорации «Инфосистемз» медленно прохаживался вдоль стола для совещаний. Обычно все кресла за ним занимали планетные управляющие, но тема сегодняшнего обсуждения касалась не экономического развития колоний. На повестке дня стоял вопрос Фрисайда, и потому в зале находилось всего четыре человека.

Найджел Гревс представлял разведывательное управление, планирование секретных операций и мнемонический отдел, в одном лице. Через кресло от него развалился полноватый адмирал с рано обозначившейся залысиной. Алистер Раум - командующий корпоративным флотом. Третьим приглашенным на секретное совещание был Эрик Эшби, представлявший юридический отдел «Инфосистемз».

Гарден находился в дурном расположении духа.

– Речь, как вы догадались, пойдет о Фрисайде. Планета куплена нами на аукционе. И, тем не менее, мы не можем приступить к немедленным работам по ее освоению. - Взгляд директора неприязненно ожег Эрика Эшби.

– Мы проверяли сделку, сэр. Все было в порядке. Планета разведана

независимой поисковой группой и была заявлена на ежегодный аукцион с соблюдением установленных норм.

– Я и без вас знаю, как *обстояли дела* . - Язвительно ответил Гарден. - Но что мы имеем сейчас?

– Сейчас в действие вступила седьмая поправка колониального кодекса.

– Поясните для адмирала ее суть. - Потребовал Энтони, перехватив вопросительный взгляд Раума.

Эшби откашлялся.

– Проблема заключается в следующем: на планете уже существовали поселения в период Первой Галактической. Данный факт отмечен в отчетах разведывательной группы, заявившей Фрисайд на аукцион.

Эшби пожал плечами.

– Только и всего? При чем тут колониальный кодекс? Мы произведем зачистку силами флота.

– Она уже произведена, Алистер. - Пояснил ему Эшби. - Это произошло в промежутке времени между вторичным открытием Фрисайда и его продажей. Отсюда и противоречие. Седьмая поправка гласит что «лица очистившие планету от реликтовых кибернетических механизмов, автоматически получают права частной собственности на освобожденную территорию».

– Но мы законно приобрели планету?

– Законно. Но колонисты, проводившие зачистку, так же имеют законное право на территории основного материка Фрисайда. Апелляция, поданная в верховный суд Аллора, не разрешила конфликт. Мы пробовали договориться с колонистами, но они отвергли наши предложения, хуже того - обратились за помощью к промышленной группе «Эхо».

Алистер кивнул, помрачнев. Он понимал огромную разницу между конфликтом с горсткой поселенцев и противостоянием двух корпораций. Последнего на Окраине не случалось уже лет десять.

– А что нам скажет разведка? Как твой отдел прохлопал целую планету?

Найджел поморщился, как от зубной боли. Адмирала Раума он считал напыщенным болваном.

– Там действовали не «поселенцы». - Ответил он. - Во время войны на Фрисайде дислоцировались ремонтно-технические космодромы Земного Альянса, там сохранилось достаточно реликтовых кибермеханизмов, чтобы вымести с планеты не только первопроходцев, но и хорошо подготовленную армейскую группировку.

– Не понимаю. - На шее у Раума вздулись вены. - Тогда как им удалось подавить сопротивление машин?

– Фрисайд весьма привлекателен в плане колонизации. - Ответил Найджел. - А у «Эхо», как известно в последние годы наблюдаются серьезные финансовые затруднения. Они решили поправить свои дела за счет новой планеты. Мнимая зачистка была заранее спланирована, как и «обращение» невинных колонистов, за помощью. Все это бред, спектакль, - на Фрисайде действовали кибрайкеры. Только они могли взломать древнюю оборонительную сеть и переподчинить себе остаточные кибермеханизмы. По данным пассивного наблюдения сейчас в систему передислоцирован третий флот группы Эхо".

– Хлам. - Презрительно фыркнул Раум. - Их третий флот сплошь состоит из устаревших кораблей с выработанным ресурсом.

– Через пару месяцев он превратиться в серьезную силу. - Спокойно ответил Найджел. - Пять из семи кораблей на данный момент осуществили посадку на поверхность Фрисайда и проходят техническое переоснащение в планетарных доках баз Земного Альянса.

Было приятно наблюдать, как побледнело и вытянулось лицо адмирала.

– Значит, мы должны атаковать немедленно! - Выпалил он.

– Остынь, Алистер. - Осадил его Энтони Гарден. - Без предварительной разведки и формирования группы мнемонической защиты любой флот, рискнувший атаковать Фрисайд, заранее обречен.

– Какого фрайга?

– Прекрати сквернословить. Ты не у себя на мостике. Ты слышал, что сказал Найджел? На Фрисайде собрана сильная команда кибрайкеров. Хочешь пополнить боевую мощь «Эхо» за счет собственных кораблей? Ты и глазом моргнуть не успеешь, как по выходу и гиперсферы попадешь под виртуальную атаку. Они только и ждут, что поспешных, необдуманных действий с нашей стороны.

– Тогда зачем меня вообще пригласили сюда? - Ворчливо возмутился Раум. - Если действия флота бесполезны?

– Действия флота будут иметь успех только при определенной предварительной подготовке. Я уже сказал - смутное время. А тебе Алистер пора бы заняться самоподготовкой. А то я смотрю, выпадаешь из реальности, адмирал. - Жестко отчитал его Гарден. - Тебе мало о чем говорит термин «кибрайкер»?

– Отщепенцы. Имплантированное ворье, охотники за информацией.

– Гревс, просвети нас относительно кибрайкеров.

Найджел с готовностью кивнул.

– Адмирал прав, только отчасти. - Произнес он. - Действительно два десятилетия назад подобная формулировка была справедлива. Кибрайкеры появились из среды наиболее продвинутых хакеров, сумевших оценить все преимущества современных технологий. Они делали имплантации на свой страх и риск пользуясь услугами нелегальных клиник, которые содержали талантливые нейрохирурги, и их последователи, бежавшие на Окраину после разгрома планеты Зороастра, силами Конфедерации. Тем, кто сумел пережить имплантации и адаптировать свою психику к новым органам чувственного восприятия мира, открылся новый горизонт - они могли без посредства сложных аппаратных комплексов входить в контакт с кибернетическими системами. Нейромодули имплантов кибрайкера содержат уникальные программы, предназначенные для взлома защищенных виртуальных сред. К тому же, как справедливо отметил адмирал, это люди без комплексов, они психологически готовы идти на нарушение закона. - Найджел отпил глоток из стоявшего перед ним бокала и продолжил:

– Те кибрайкеры давно в прошлом. Их появление дало начало новым процессам развития технологий имплантирования, в противовес кибрайкерам появились мнемоники, которых целенаправленно готовили к защите информационных потоков и сложных технических комплексов от посягательств кибрайкеров.

– Найджел, а в чем разница между мнемоником и кибрайкером? - Спросил Эшби, которого давно интересовал данный вопрос.

– Откровенно - в психологической подготовке. У каждого человека свои склонности, качества и именно они определяют, кем станет имплантированная личность. Мнемоники более спокойны, уравновешены, у них отсутствует тяга к агрессии. Поэтому чаще всего мнемониками становятся женщины. Кибрайкеры напротив, личности рисковые, импульсивные, чаще всего авантюрного склада характера. Но эти черты делают их лишь более опасными. К вашему сведению адмирал - современные кибрайкеры более не отщепенцы, как вы выразились. Время имплантированных хакеров прошло, теперь кибрайкеров готовят с раннего детства. Как и мнемоники, они чаще всего выходцы из беднейших социальных слоев. За два десятилетия изменились не только подходы к подготовке кибрайкеров, значительно усовершенствовалась технология имплантации и эффективность индивидуального программного обеспечения. Неизменным осталось лишь одно - сила кибрайкера или мнемоника определяется не столько количеством имплантов, сколько

потенциалом рассудка, использующего их.

– Но у нас есть мнемоники, верно? - Не унимался Раум. - Почему не ввести их в состав флота? Обеспечьте мне защиту от кибрайкеров, а со всем остальным я справлюсь.

– Все не так просто адмирал. Мы не можем рисковать. Исход виртуальной схватки мнемоника и кибрайкера, как правило, непредсказуем. Наши специалисты по защите информации действуют в знакомой обстановке, контролируя хорошо известные им сети, что обеспечивает успех при отражении посягательств на коммерческие тайны. Откровенно - мы еще не сталкивались с необходимостью защиты целого флота от массированных атак кибрайкеров, а меньшими силами, как я понимаю, очистить Фрисайд от противника не удастся, верно?

– Нет, господа, простите, но я не верю, что против кибрайкеров нет эффективного оружия.

– Оно есть. - Хищно усмехнулся Найджел. - Что кибрайкеры, что мнемоники сильны там, где существуют компьютерные сети, причем, чем больше вокруг кибернетического оборудования, тем шире возможности отдельно взятого специалиста. Именно в этом заключается «слабое звено». Проблема Фрисайда решалась бы быстро и просто элементарной высадкой на поверхность хорошо подготовленных диверсионных групп. Бойцы, экипированные оружием, исключающим любую электронику, без труда ликвидируют кибрайкеров. Проблема в том, что противник будет заранее знать об их появлении. Значит, каждой группе следует придать мнемоника, который обеспечит прохождение диверсионного отряда через рубежи охраны.

– Здесь скорее нужен не мнемоник, а кибрайкер. - Заметил Энтони Гарден.

– Справедливо. Идеально было бы сочетать качества мнемоника и кибрайкера, но к сожалению они антиподы по своей сути… Хотя, - глаза Найджела неожиданно блеснули, - мне кажется я знаю где найти подобных специалистов. Неудобство будет заключаться лишь в необходимости их немедленной ликвидации сразу по выполнении поставленной задачи. Наш финансовый отдел пойдет на подобные траты?

– Если ты обоснуешь свое предложение. - Ответил Гарден. - Поговорим об этом отдельно. - Алистер, ты слышал, что нам потребуется?

– Да.

– Займись подготовкой диверсионных групп для высадки на Фрисайд. Задействуй лучших бойцов. Технический отдел представит требуемую экипировку и оружие в ближайшие дни. Как только получишь все

необходимое, немедленно начинай тренировки. Чтобы группы были готовы действовать при любых обстоятельствах. Командирами поставь проверенных офицеров, которые буквально исполнят каждую букву полученного приказа.

Адмирал кивнул.

– Я подготовлю группы, не сомневайтесь.

– Отлично. - Настроение у Гардена несколько исправилось. - Эшби, ты продолжаешь прилагать все усилия на юридическом поприще. - Энтони сделал жест рукой. Сейчас все свободны, за исключением Найджела.

– Это все? - Открыв глаза, спросил Вадим.

– Все. - Ответил Дитрих. - Как ты понимаешь, дальше совещание продолжилось в узком кругу, без участия адмирала.

Рощин некоторое время молчал.

– Должна быть организация, которая одновременно готовит и мнемоников и кибрайкеров… - Наконец произнес он. - Дитрих, ты участвовал в «зачистке» Фрисайда?

– Нет. Меня пригласили позже, когда стало очевидно, что вооруженный конфликт неизбежен.

Минута тишины.

Каждый думал о своем, пока с уст Вадима не сорвался очередной вопрос:

– Дитрих, а как *ты* стал кибрайкером?

Кроу усмехнулся.

– Меня отдали на «обучение» в годовалом возрасте. В отличие от тебя, мои воспоминания в порядке. Школа. Закрытая школа, наподобие той, что была разгромлена на Аллоре.

– Что значит «отдали на обучение»?

– Ну, продали. - Пожал плечами Дитрих. - Не люблю думать об этом. Я даже не пытался разыскать своих родителей. Наверняка, они из бедной семьи, как подметил этот Найджел…

– То есть, родители продали тебя в младенчестве? Понимая что…

– Постой Вадим. Я знаю, что ты сейчас скажешь. Только твои утверждения неверны. Кем бы я стал? Разнорабочим в космическом порту? Или кем похуже. Нет. - Покачал головой Кроу. - В душе я не осуждаю своих родителей. Если копнуть глубже, то может статься, даже благодарен им.

– Тебя купила промышленная группа «Эхо»? Они платили за операции и обучение?

– Нет. Не думаю. Скорее ты прав: на Окраине функционирует сеть школ, которые независимо готовят мнемоников и кибрайкеров, а затем

продают выпускников корпорациям. Бизнес.

Слова Дитриха заставили Вадима вздрогнуть. Лишь на одно мгновенье он представил себе мир, в котором ему теперь предстояло *жить*.

Представил и содрогнулся.

Спустя тридцать минут фрегат «Игла» покинул пространство безымянной системы на границе исследованного космоса.

Его курс вел к планете Ганио, знаменитой «Колыбели Раздоров», пустынному миру, освещенному яростным сиянием звезды Халиф.

Там, по словам Дитриха они без труда продадут угнанный корабль и, разделив деньги, разойдутся, чтобы больше никогда не встретиться вновь.

Кроу ошибался. Он строил планы, но Судьба распорядилась ими по-своему.

Часть 2 Боевой мнемоник

Глава 4

Что оставалось у него кроме разрозненных обрывков памяти, редких воспоминаний о событиях, между которыми по меркам реального времени проходили годы, а может и больше?

Ничего.

Был виртуальный мир, некое абстрактное пространство, где его разум управлял информационными потоками, одновременно защищая их от любых попыток несанкционированного доступа.

Он знал в лицо многих высокопоставленных лиц корпоративной окраины, и в то же время понимал - кто может поручиться за адекватность воспринимаемых им образов, гарантировать их идентичность образу живых людей?

Это могло бы стать хорошей, интересной работой, но никак не тянуло на смысл существования.

Все окончилось очередной вспышкой *реала* .

Его вывели из-под опеки систем жизнеобеспечения.

Вадим не знал, что этому событию предшествовал разговор двух человек, наделенных огромной (по меркам Окраины) властью, но не стремившихся афишировать своего высокого положения. Оба прекрасно осознавали, что самым ценным в современном мире являются отнюдь не деньги, а информация, поэтому их встреча произошла не в виртуальном пространстве, а в мире физическом, в неприметном офисе колониальной администрации, на заштатной планете, не принадлежащей ни одной из корпораций сектора.

Оба были сравнительно молоды, энергичны, прибыли к месту встречи без охраны и сопровождения. Недавно основанная колония являлась идеальным местом для проведения важной встречи, - большинство поселенцев еще не успели примелькаться друг другу, поэтому на двух бизнесменов средней руки никто не обратил должного внимания - мало ли предприимчивых граждан Конфедерации прилетало на недавно основанные колонии, чтобы попробовать развернуть свой бизнес на благодатной ниве трудностей и лишений - этих неизбежных спутников первого десятилетия колонизации любого мира?

– Привет, Найджел.

– Рад тебя видеть, Огюст.

Найджел присел на край стола, достал мятую пачку сигарет, и

прикурил.

Сизый дым струйками потянулся к забранному в декоративный пластик отверстию вытяжной вентиляции.

Огюст потянул носом воздух и поморщился.

– Дешевка.

– Можно подумать у тебя другие? - В глазах Найджела блеснули насмешливые искорки.

Оба усмехнулись, принимая дежурную шутку, которая лишь подтверждала важность предстоящих переговоров. Сумму сделки оба, независимо друг от друга, оценивали миллиардов в десять - из-за меньших денег ни один, ни другой не стали бы ломать свой график, чтобы иметь сомнительное удовольствие лицезреть друг друга.

Найджел затянулся, прикрыв глаза, выпустил струйку дыма, повернув голову точно в сторону вытяжки.

– Чисто. - Наконец произнес он.

– Приятно видеть своего ученика в добром здравии.

– Огюст, ты когда-нибудь прекратишь вспоминать о своей первой удачной имплантации?

– Нет. К тому же редкая удача - иметь дело с мнемоником, которого имплантировал, и при этом не нажил себе смертельного врага.

– У каждого правила бывают исключения. Мне повезло. Поэтому я не злобный.

– Ладно. К делу.

Действительно кого интересуют события двадцатилетней давности, когда молодой нейрохирург сутками не отходил от систем жизнеобеспечения, которые поддерживали жизнь одного из первых мнемоников Окраины? Он стал ему как мать и отец в одном лице, но такая забота была продиктована отнюдь не человеколюбием и состраданием, а иными, гораздо более понятными для обоих мотивами. Огюст понимал, что совершил переворот в нейрохирургии, он жаждал славы, почета, денег, но обладание всем перечисленным после удачно проведенной имплантации зависело лишь от двух факторов: выживет ли испытуемый и не сойдет ли с ума, очнувшись?

С тех пор прошло без малого двадцать лет…

– Хорошо, к делу. Ты по-прежнему представляешь интересы «Инфосистемз», Найджел?

– Да.

– Я слышал у твоей корпорации назревает серьезный конфликт с промышленной группой «Эхо»? Речь, насколько я понимаю, идет о

спорных правах на Фрисайд?

– Извини, Огюст, это не относиться к теме нашей сделки. Ты волен делать выводы, но не озвучивать их.

– Ладно. Я так понимаю, что тебе понадобились выпускники моей школы? Почему ты не воспользовался обычной формой заказа? Совет Безопасности Миров снял ограничения на избыточную имплантацию, и у Конфедерации, кстати сказать, уже появилась своя когорта мнемоников. Я уже легализовал часть клиник. Пора выходить из тени, не находишь?

– Мне известно о последних решения Совета. Однако мой заказ не укладывается в рамки обычной формы.

– Интересно.

– Еще бы. Речь пойдет о двадцати пяти миллиардах.

Огюст вытянул губы, понимающе кивнув.

– Сколько человек тебе требуется? Исходя из самых завышенных расценок, моим школам не потянуть такой заказ. Это сотни полторы…

– Пятьдесят человек. Причем двадцать пять из них - лишь прикрытие. Обычные мнемоники в рамках официального заказа.

– А остальные?

– Остальные должны попасть на Эрлизу без какой-либо огласки.

– Без проблем. Специальные требования? - Огюст понимал, что за такие деньги «Инфосистемз» потребует специалистов особого сорта.

– Два условия. Во-первых, мне нужны *боевыемнемоники.*

Огюст перестал улыбаться.

– Ты сам придумал этот термин, Найджел? В моих спецификациях такой формулировки не значиться.

– Считай, что я тебе дарю и формулировку и идею. Ты лучше меня знаешь, как это сделать. Могу поспорить: уже прикинул в уме возможности?

– Прикинул. Второе условие, пожалуйста.

– Частично имплантированная память.

Огюст не высказал удивления, лишь на его лбу вдруг обозначились две вертикальные морщины.

– Поподробнее.

– Мне нужны устойчивые личности, которые будут всецело преданы корпорации «Инфосистемз», ну положим по максимуму, - в течение недели. Дальше с их памятью может происходить все что угодно, я совершенно не огорчусь, если она рассыплется как карточный домик. Неделя Огюст. Это минимальный срок, который ты должен гарантировать. Не мне тебя учить.

– Нет, Найджел, давай говорить предметно. Ты ставишь техническое

задание, но я работаю не с программированием машин, а с живыми людьми. Причем тебе нужны мнемоники с опытом, и блокированной до поры склонностью к решительным действиям в экстремальной ситуации?

– Скажем так: в боевой обстановке.

– Значит, относительно Фрисайда я не ошибся. Боевые мнемоники для одной акции? Интересный подход. «Инфосистемз» не желает рисковать космическим флотом, делая ставку на… Ну, хорошо. - Огюст примиряющее поднял руки. - Я молчу. Это действительно интересный и выгодный заказ. Положим, я подберу двадцать пять человек из собственного резерва. Сколько у меня времени на их подготовку?

– Месяц.

– Мало.

– Это не обсуждается.

– Ладно. Теперь подробнее: какой навык им необходим в первую очередь?

– Осознание психологии мнемоника. Патологическая ненависть к кибрайкерам. И одновременно - решительная способность к виртуальными схваткам, убийству, взлому сетей и перехвату управления.

– Какой необычный подход!.. - Восхищенно произнес Огюст. - Ненавидеть хакеров всеми фибрами души и в то же время обладать навыками матерого кибрайкера! Превосходно… Теперь я вполне понимаю, какой смысл ты вложил в термин «боевой мнемоник». Что еще они должны исполнять без колебаний?

– Верить в непогрешимость политики «Инфосистемз». Обладать памятью о работе в корпорации. Любить ее. Любить до фанатизма.

– Хорошо. - Немного подумав, ответил Огюст. - Будем считать, что я принял заказ. Все перечисленные тобой навыки, равно как побудительные мотивы, будут гарантировано работать в течение полутора недель после пробуждения от криогенного сна. Еще раз - назови общую сумму сделки?

– Двадцать пять миллиардов.

– Тридцать. - С улыбкой поправил его Огюст. - Доведем сумму до стоимости крейсера среднего тоннажа. С учетом срочности и специфики исполнения заказа.

Найджел на секунду задумался, затем кивнул.

– По рукам. Сегодня пятое марта. Значит, четвертого апреля ты сообщаешь мне о точном времени прибытия груза на Эрлизу?

– Несомненно. Если что-то пойдет не так, я проинформирую заранее.

– Лучше обойтись без срывов. - Покачал головой Найджел. - В этот раз ставки слишком высоки.

– Не беспокойся. Один процент отсева. Я бы мог затребовать все пять, но не стану. Мне любопытно, что выйдет из твоей идеи. Это новый горизонт бизнеса. Когда все закончиться, мы сможем встретиться, как старые друзья, и поболтать на тему адекватности их действий?

– Не знаю. Вернее - не могу обещать. Это зависит от многих причин. Я еще не научился предсказывать будущее, к сожалению.

Огюст кивнул, на этот раз серьезно, без тени усмешки.

Через некоторое время они с небольшим интервалом покинули арендованный на два месяца офис.

Сделка в тридцать миллиардов галактических кредитов осталась зафиксирована лишь устными договоренностями заинтересованных лиц.

В принципе не такое уж редкое дело на корпоративной Окраине, где сильные мира сего знают цену друг другу и понимают, какие последствия может повлечь за собой самый незначительный обман.

Зловещая, циничная исключительность достигнутых договоренностей заключалась вовсе не в суммах.

Цивилизация вот уже три десятилетия как перешагнула временной порог тридцать девятого века от рождества Христова, но время как будто застыло или того хуже - обернулось вспять, потому, как только что были проданы и заранее приговорены двадцать пять человеческих жизней.

На Окраине люди гибли десятками тысяч, но есть разница между силой естественных причин, неодолимых обстоятельств, сопровождающих трудный процесс колонизации чуждых миров, и возведенной в ранг высоких технологий *работорговлей.*

* * *

Планета Ганио. Сутки спустя после событий на Фрисайде.

Память.

Она рвалась из глубин подсознания фрагментарными обрывками далекого прошлого.

Глядя на желтые листья и спешащий по своим делам поток пешеходов, он чувствовал себя вне пространства, будто превратился в стороннего наблюдателя, никак не соотносящего себя с окружающим миром.

Кто я?

Сколько осталось во мне человеческого?

Вадим медленно шел по аллее парка, слушая, как шуршит пожухлая

листва в такт его шагам.

Адаптация к новым ощущениям проходила трудно.

Восприятие мира без посредства привычных кибернетических расширителей поначалу показалось ему убогим, серым, до полной потери натуральных красок, будто его взгляд воспринимал не действительность, а ее тусклый отпечаток, снятый в оттенках серого…

Прошлое не казалось очевидным, будущее потеряло определенность, все смешалось, чувства, мысли…

Дитрих привел его сюда.

Зачем?

Пощадил его чувства, отыскав на пыльной, жаркой планете старый парк, где Вадиму не грозили травматические воспоминания детства, связанные с ландшафтами пустыни, окружающей космопорт Ганио?

Где моя жизнь? Куда исчезло детство?

Рынок рабов Ганиопорта - лишь частица воспоминаний. У каждого ребенка есть мать, отец, родина…

Мысль мнемоника блуждала среди ассоциаций, в тщетных попытках отыскать утраченное. Шок, пережитый на Фрисайде, оказался столь силен, что Вадим не решался воспользоваться своими способностями. Он боялся что открыв прямой доступ к подсознательной памяти не найдет там ничего, кроме известных и болезненных воспоминаний, связанных с фактом его продажи на невольничьем рынке Колыбели Раздоров.

Но моя память по определению должна быть абсолютной, хранить в себе каждый день, начиная с того момента, как в рассудке ребенка впервые произошло осознание окружающей реальности…

Вадим в своих рассуждениях не грешил против истины. На уровне подсознания мы помним каждый прожитый день, проблема обычно заключается в том, что обычный человек не наделен способностью напрямую обращаться к глубинным слоям своего рассудка.

Вадим чувствовал - еще немного и наступит срыв.

Он не питал иллюзий, понимая, что нейромодули, сознательно удаленные из гнезд имплантов, лишь часть конструктивных усовершенствований, который претерпел его мозг в процессе многочисленных операций. Кроме внешних модулей ему были имплантированы нейрочипы внутренние, ставшие неотъемлемой частью его нервных тканей.

Он не стал закрывать глаза, как делал это обычно.

Мысленное усилие вышло натянутым, проходящим на грани боли, но имплантированный модуль прямого доступа к подсознанию включился

безотказно.

Предчувствие не обмануло.

Первое, наиболее раннее воспоминание, относилось к рынку рабов, который наверняка до сих пор процветает здесь, на Ганио.

Он полагал, что возникшие перед мысленным взором картины ранят рассудок, но нет, они воспринимались разумом совсем не так как раньше, словно события на Фрисайде, нивелировали психику.

В восприятии по-прежнему присутствовала отчужденность, словно все происходило не с ним. Теперь Вадима беспокоили уже не воспоминания, а их отсутствие.

Почему раньше я не обращал внимания на этот факт?

Вопрос не нашел немедленного ответа лишь вызвал недоумение: Вадим как будто созерцал черноту, в которой покоился островок события, но что происходило до него и после, ведь последующее по хронологии воспоминание относилось уже к корпоративной школе, на далеком Аллоре, где он очнулся от странного небытия, уже ощущая себя изменившимся…

Вывод напрашивался сам по себе - его настоящую память стерли, уничтожили в ходе многочисленных вмешательств, сформировавших рассудок мнемоника.

Тогда где гарантия, что воспоминания о невольничьем рынке Ганио не имплантированы мне?

Ищи, кому это выгодно , - шепнул голос рассудка.

Срыв наступил, но Вадим не заметил в какой момент перестал владеть собой, преступив запретную для мнемоника черту, - он поддался порыву чувств, не обуздал, а лишь усилил душевный порыв бесстрастным логическим осмыслением вырванного из памяти образа: несколько приземистых зданий барачного типа, невысокий, местами разрушенный забор импровизированного периметра, за которым отчетливо видны знойные пески пустыни и часть построек космического порта… толстый ганианец со смуглым, лоснящимся потом лицом, тычущий жирными пальцами в сенсорную клавиатуру допотопного ноутбука, куда он заносил данные, касающиеся только что заключенной сделки, и цепкие пальцы *купившего* его незнакомца, железной хваткой впившиеся в плечо.

Слова.

Сухие и жесткие, как пожухлые листья, скребущие под порывами ветра по стеклобетонному покрытию аллеи:

– Тебе очень повезло мальчик. Запомни этот день.

Он запомнил.

Запомнил навсегда, так что, наверное, мог с завязанными глазами

отыскать ту площадку, по специфическому запаху, гамме звуков, сотне иных признаков, не доступных осмысленному пониманию *нормального* человека.

Дитрих обещал, что скоро вернется…

Он просил дождаться его тут…

Попытка здравого смысла как-то проконтролировать поступки, обернулись тщетой.

Вадим более не мог выносить неведения. Невозможно сделать шаг в будущее, не помня и не осознавая своего прошлого. Сейчас он хотел лишь одного - выяснить существует ли воображаемое место на самом деле, или все, что не связано с Корпоративной Окраиной, лишь навязано ему в качестве *имплантированных* воспоминаний?

* * *

Говорят, в современном мире нет ничего более зловещего и опасного, чем целеустремленно действующий мнемоник, потерявший контроль над собственным рассудком.

Отчасти это правда.

Мнемоник силен там, где изобилуют кибернетические системы, но Фрисайд наглядно показал Вадиму, что он абсолютно беспомощен против примитивного оружия, не несущего в своей схеме электронных компонентов.

– Такси! - Он поднял руку.

Старенький «Гранд-Элиот» медленно двигавшийся вдоль парка послушно остановился.

Вадим сел на заднее сиденье и машинально произнес:

– Ганиопорт. Невольничий рынок.

Смуглолицый водитель лишь уточнил, полуобернувшись к Рощину:

– Рынков три. На какой отвезти господина?

Вадим ответил не задумываясь:

– Который ближе к космопорту. Площадка рядом с терминалами. Огорожена бетонным забором. Оттуда видно пустыню.

– Пустыню видно отовсюду. - Проворчал ганианец, но все же вывел машину на дорогу. - Господин желает приобрести невольника?

– Посмотрим. - Уклончиво ответил Вадим.

Некоторое время они ехали по окружной дороге, ведущей мимо окраинных кварталов хаотично застроенного мегаполиса. Старый парк

исчез из вида, теперь согласуясь с утверждением ганианца, по правую руку простиралась истекающая зыбким знойным маревом пустыня, испокон века окружавшая город.

Это не имплантированная память… - Стучала в виски Вадима настойчивая мысль. Навязанные воспоминания не могут нести такого мощного эмоционального заряда душевной боли, что, вырвавшись из узилища, рвет душу, сжимает сердце, заставляя кровь глухо ломиться в виски.

Ему казалось что «Гранд-Элиот» едва ползет.

– Побыстрее.

– Не могу господин. Двигатель греется. Не наша модель. - Покачал головой ганианец.

– Я сказал - быстрее!

Губы ганианца исказила злобная усмешка, моментально изменившая черты его лица.

– Господин может приказывать, но сначала должен заплатить.

Слова водителя несколько отрезвили Рощина. Во-первых, он вспомнил, что у него нет наличных денег, которые в ходу на Ганио. Во-вторых, он не был вооружен, в отличие от водителя, который всем своим видом показывал, что без тени сомнения пустит в ход импульсный «Гервет», стоит пассажиру еще раз прикрикнуть на него. По мнению ганианца с туристами на планете можно делать все что угодно. Например, продать на том самом невольничьем рынке, куда так стремиться побыстрее попасть этот странноватый парень. Или просто выкинуть его на пыльную обочину, предварительно обчистив карманы.

– Даже не думай. - Произнес Вадим, едва уловимым движением вставляя в гнездо импланта первый нейромодуль.

– Платить будешь? - Ганианец потерял всякую почтительность. Притормозив, он свернул на обочину, и обернулся, наведя ствол «Гервета», покрытый вздутиями электромагнитных катушек в лоб Рощину.

– Обернись. - Холодно посоветовал Вадим, который к этому моменту успел активировать последний имплант и уже вполне владел ситуацией.

Ганианец и без его слов почувствовал неладное.

На смуглом лице промелькнула тень удивления и ужаса, когда он понял, что машина самостоятельно тронулась с места и, набирая скорость, несется по скверной дороге, огибающей мегаполис.

– Ванг Шиист! - Сипло выдавил он, без толку пытаясь активировать хотя бы один из сенсорных переключателей на приборной панели.

Скорость росла, «Гранд-Элиот» плавно вошел в закругление дороги,

джойстик ручного управления несколько раз дернулся сам по себе, заставив машину обогнуть выбоины,

– Останови! - Ганианец, не смотря на секундную растерянность, оказался далеко не робкого десятка. Он не смог изгнать выражение ужаса из глубины колючего, ненавидящего взгляда, но был готов дать неистовый отпор, как зловещему пассажиру, так и своей взбесившейся вдруг машине, однако все его усилия обернулись тщетой, - Вадим заблокировал электромагнитный затвор «Гервета», и судорожное нажатие на сенсор автоматического огня осталось без последствий.

– Отдай мне.

Во взгляде ганианца вновь начал разрастаться бескрайний мистический ужас.

– Я заплачу тебе. - Продолжил Вадим. Все внимание Рощина было в этот момент сосредоточено на управлении «Гранд-Элиотом», двигатель которого действительно начал греться, а подвеска жалобно стонала, грозя рассыпаться на особо крутых виражах, поэтому голос мнемоника прозвучал глухо, со зловещим спокойствием, от которого в жилах ганианца заледенела кровь.

Он начал терять самообладание под прессом давящего ужаса.

Наверное, ему казалось что этот кошмар не закончится, - палец по-прежнему бесполезно давил на сенсор огня, в то время как его собственная машина, подчиняясь чуждой воле, неслась по дороге с невероятной скоростью.

– Я отдам… Только останови!..

– Хорошо. Давай сюда. - Вадиму пришлось приложить усилие, чтобы вырвать из сведенных судорогой пальцев импульсный пистолет. - Теперь осторожно бери управление.

– Я не могу!..

– Сейчас сброшу скорость. - Вадим действительно заставил машину плавно притормозить. - Тебя устроит кредитная карточка?

Ганианец с опаской тронул джойстик ручного управления.

Машина вновь подчинялась его воле.

– Мой пистолет!.. - Немного оправившись от пережитого потрясения, выдавил он.

– Оставлю себе. - Не терпящим возражений тоном ответил Вадим. - Ты ведь продашь его мне?

Водитель с опаской взглянул на дисплей заднего вида.

Дорога уже не уносилась в даль с бешеной скоростью, здания перестали сливаться в серые полосы, а пассажир на заднем сидении

выглядел таким же спокойным, уверенным в себе, как и в тот момент, когда подчинил себе машину и оружие.

– Да… - Против воли выдавил он, страшась пережить еще один приступ ужаса.

– Сколько?

– Это подарок господин.

Впереди уже показались постройки космического порта планеты.

Вадим чувствовал, как внутри нарастает волна горестных воспоминаний. Похоже, специалисты спецшколы допустили грубую ошибку, оставив ему фрагмент *настоящей* травматической памяти.

Он даже не подумал взять себя в руки, как-то обуздать эмоции, с новой силой вторгшиеся в разум, немного протрезвевший от тех усилий, что потребовались для противостояния с ганианцем и управления «Гранд-Элиотом».

Память. След детства, грубо оборванного сначала ганианскими пиратами, а затем нейрохирургами закрытого учебного центра на Аллоре.

Работорговцы.

Все они являлись работорговцами только одни вершили свои дела в открытую, а другие вуалировали чудовищный бизнес, используя ультрасовременные технологии…

– Останови машину. Дальше я доберусь сам. - Произнес Вадим.

Дождавшись пока ганианец выполнит его требование, он чиркнул торцом кредитной карточки по щели считывающего устройства, расположенного между передними сидениями машины и добавил:

– Здесь достаточно, и за проезд и за ствол. Мой тебе совет - не пытайся меня преследовать. Просто забудь, что произошло.

– Господин, Мертаб не любит, когда покупатели приходят к нему с оружием. - Ганианец не смотря на новый приступ ужаса, все решился крикнуть вдогонку зловещему пассажиру предупреждение.

– Разберусь. - Не оборачиваясь, ответил Вадим.

Впереди высились здания космопорта.

Там среди приземистых складских терминалов потерялось его детство.

Наивно полагать, что спустя много лет все останется по-прежнему.

Рощин остановился, не доходя нескольких шагов до входа на территорию заброшенного складского терминала, обозначенного покосившейся рамой, оставшейся от автоматических ворот.

Болезненно работала память, но теперь на границе бетона и песков под палящими лучами звезды Халиф стоял уже не пятилетний мальчик,

испуганный до полусмерти, голодный, страдающий от жажды, побоев и не проходящего ужаса, а боевой мнемоник.

Вадим ощущал, как незримая сила толкает его вперед, за покосившуюся металлопластиковую конструкцию, на встречу с фрагментом прожитого,

Ты теперь один. Ты больше не принадлежишь ни тучному ганианцу, ни корпоративной системе.

Он сорвался.

Сорвался, как обычный человек, чей разум не выдерживает напора горестных воспоминаний и связанных с ними ответных чувств.

Нужно было вернуться сюда, увидеть, как мало изменилась площадка невольничьего рынка за полтора десятилетия, чтобы понять: его душа не умерла на хирургическом столе, ее не затронули множество имплантаций, и свидание с детством, когда стоишь лицом к лицу с навек отпечатавшимися в памяти образами, становиться откровением.

Так не должно быть …

Упрямая мысль не давала взять себя в руки, опомниться, рефлексия памяти оказалась сильнее вбитой дисциплины, и Вадим вдруг осознал - второй раз за всю сознательную жизнь рассудок работает на него, ибо никто не давал Рощину никаких заданий, он пришел сюда сам, по гложущему зову личных воспоминаний…

Из крайности холодного, расчетливого существования его швырнуло в другую крайность - рассудком завладели порывы эмоций.

Вся ужасающая глубина термина «боевой мнемоник» впервые раскрылась именно сейчас. Ни «работа» на корпорацию, ни события на Фрисайде, ни разу не востребовали всех навыков Вадима.

Секунды, что он провел перед покосившимся проемом, за которым в окружении приземистых терминалов находилась площадка невольничьего рынка, перевернули его душу и разум, окончательно поставив точки в наболевших вопросах бытия.

По крайней мере, Вадим искренне поверил в это, когда сделал шаг вперед, переступая незримую черту.

Его появление тут же привлекло внимание двух охранников. Сомлевшие от жары они сидели под грубым навесом, - небрежным, кособоким, собранным из подручных средств (как большинство построек, возникающих на развалинах).

Вадим помнил его.

В этой незыблемости стыл ледяной холод последующих выводов, автоматически сделанных сознанием и воспринятых душой на уровне

откровений.

Что за злая ирония довлела над этим местом?

Как будто здесь однажды было произнесено некое проклятие, но на самом деле Вадим с уничтожающей ясностью понимал: то проклятие гнездится в людях, в их поступках и помыслах. Сначала потребительская небрежность ганианцев довела космопорт (возведенный за счет гуманитарной миссии Совета Безопасности Миров) до стадии безобразного обветшания, а затем, средь замерших, потерявших изначальный смысл высокотехнологичных комплексов понемногу закипела привычная для Ганио жизнь.

Листы пластика, сорванные с крыши терминала, пошли на сооружение навеса, эстакада для приема грузов превратилась в отвратительный, вызывающий гнев и омерзение подиум, где сидели и стояли привезенные на продажу рабы, а рядом, в точности повторяя запечатленную памятью картинку, высилась строение с выбитыми стеклами, где восседал со своим неизменным ноутбуком изрядно разжиревший, обрюзгший Мертаб - хозяин рынка.

Он впитал окружающую реальность, всю до последнего байта информации, двое охранников еще пялились на бледного, одетого не по традиции Ганио Рощина, а Вадим уже успел проанализировать обстановку: Мертаб даже не шелохнулся, лишь подозрительно скосил глаза в сторону зеваки, мало похожего на покупателя. На подиуме в этот час не было людей, там остались только человекоподобные машины, торговля живым товаром очевидно закончилась еще рано утром, в часы относительной прохлады.

Охранники, обменявшись взглядами с Мертабом, направились к Вадиму.

Их оружие не отзывалось на запросы, посылаемые через импланты. Скверно. Ситуация знакомая по Фрисайду. Зато на сигналы немедленно отреагировали пять из шести выставленных на продажу андроидов.

Одного вопроса не задал себе Вадим.

Готов ли он убивать?

Обычно у человека, попавшего в критическую ситуацию, не остается времени на предварительное осмысление собственных действий, но данное утверждение не имело отношения к мнемонику. Пока двое ганианцев шли к нему, с явным намерением выпроводить заблудившегося туриста с территории рынка, он мог задать себе сотню вопросов и ответить на них.

Еще один шаг за незримую черту. Чуть ближе к краю пропасти, имя которой - безумие.

На том месте, где когда-то сидел оцепеневший, оглушенный нестерпимой жарой и обрушившимися бедами мальчуган сейчас застыл андроид неимоверно древней модели относящейся к эпохе Великого Исхода.

"Хьюго БД-12[24] " .

Противоречивая машина, оснащенная блоком искусственного интеллекта и тремя степенями программой свободы. Остальные сервомеханизмы, выставленные на продажу, были представлены современными моделями дройдов, способными к исполнению чисто бытовых функций.

Знойный воздух, казалось, застыл, загустел, остановился на вдохе.

Медленный поворот головы, точечная работа передающего микролазера, предельное напряжение рассудка, оперирующего древним машинным кодом.

У него не было детства, не было понятия «жизненный опыт», память хранила лишь фрагменты взросления, и лишь последние события швырнули его в омут жизненных проблем и ситуаций. Умеешь плавать - плыви, нет - значит пойдешь ко дну…

Вадим не желал тонуть. Да, все его прошлое существование проходило в искусственно созданной среде, среди бесстрастных машин, оперирующих исключительно логичными и рациональными понятиями. Но путь мнемоника оборвался, «жизнь» оказалась лишь иллюзией, блеклым подобием действительности, где ультрасовременные технологии запросто сосуществуют с кривобокими навесами, а «материал» для формирования новых поколений людей с уникальными возможностями разума, закупается на рынках рабов, над которыми кажется не властно ни время, ни прогресс цивилизации…

Двум ганианцам осталось пройти пять-шесть шагов.

Один уже требовательно поднял руку, привлекая внимание Рощина, второй расслабленным движением выхватил автоматический пистолет незнакомой Вадиму конструкции.

– Ты заблудился, уважаемый. - Слова на ломанном интеранглийском сопровождались прикосновением теплой стали к коже чуть пониже виска. - Это частная территория. Сюда нельзя приходить без разрешения.

– Это рынок, насколько я понял? - Рощину пришлось приложить невероятное усилие, чтобы проигнорировать теплый, приставленный к виску ствол. Заблокировать работу древнего оружия он не мог, против кинематики бессильны боевые программы нейромодулей, но выигранные

мгновенья позволили ему окончательно разобраться с древним кодом, тем более, что андроид вопреки ожиданию, не просто откликнулся на запрос: казалось он осознает свое незавидное положение, и всячески старается помочь Вадиму в генерации устойчивого канала обмена данными.

– Рынок. - Подозрительно посмотрев на незнакомца, подтвердил охранник.

– В таком случае, при чем здесь это? - Вадим поднял руку, с усилием отводя ствол от своего виска. - Покупатель всегда прав, слышал когда-нибудь такое высказывание?

Ганианец растерялся.

– Мертаб, пархад кадым инет? Рагмат парден дурави![25]

– Э… Нагерни нуринг![26]

Рощин не знал ганианского, ставить модуль автопереводчика было некогда и опасно, но в вопросе понимания чуждого языка внезапно помог реактивированный им андроид.

Значит вход только по приглашениям?

Отводя ствол от своего виска, Вадим так и не убрал пальцы с теплого металла, охранник, же, занятый перекличкой с Мертабом, похоже, действительно принимал его за туриста, заблудившегося среди нефункциональных построек космопорта.

Синхронизация…

Андроид на эстакаде внезапно пришел в движение.

– Эй, смотри!

Оба охранника резко повернулись. Они так же уловили движение среди похожих на манекены бытовых машин, и секундное замешательство помогло Рощину совершить заученное до автоматизма движение: тяжелый автоматический пистолет оказался в его руке, в то время как ганианец грязно выругался, едва не взвыв от резкой боли в суставах выломанных пальцев.

Молниеносный бросок.

Андроид поймал оружие, в наступившей вдруг тишине сухо лязгнул взведенный механический затвор, затем, фактически одновременно оглушительно ударили два выстрела.

Пуля, предназначенная дройду, лишь выбила очередную выщерблину на стеклобетоне эстакады, визгливо срикошетив в сторону, древний сервомеханизм уклонился от нее молниеносно и естественно, словно у него накопился богатый опыт подобных столкновений. Одновременно с выстрелами Вадим услышал вскрик. Второго охранника отшвырнуло к

бетонному ограждению терминала, и теперь он корчился на песке, пятная его кровью из простреленного плеча.

– Не двигайтесь, сэр. - Синтезированный голос андроида предупредил попытку охранника метнуться к оружию, выпавшему их рук раненого напарника.

Фраза, произнесенная бытовой машиной, вкупе с направленным на него стволом гипнотически подействовала на ганианца.

– Ванг Шиист!.. - Потрясенно выдохнул он, застыв в полном оцепенении.

Вадим уже подметил эту характерную для ганианцев черту - без сомнения последние являлись неплохими бойцами, но цепенели, терялись, когда на их глазах происходили явления невозможные с точки зрения их психологии и уровня технических знаний.

Охранник мог поклясться, что не далее как утром он лично отключал все машины, что бы те не выкинули какой-нибудь фортель перед потенциальными покупателями, и сейчас самостоятельная реактивация человекоподобного робота казалась ему чем-то сверхъестественным, а агрессивное поведение андроида, выстрелившего в человека, вообще не укладывалось в сознании ганианца.

Вадим подобрал оружие и произнес, оборачиваясь в сторону будки, где с перекошенным лицом восседал омертвевший, ничего не понимающий Мертаб:

– Хьюго, держи охрану на прицеле. Если кто дернется - стреляй на поражение.

Андроид ответил ему легким кивком, что совершенно не соответствовало стандартным представлениям о поведении и возможностях бытовых машин.

Рощин подошел к будке и рывком открыл дверь.

– Ноутбук. - Требовательно произнес Вадим.

Он не стал задавать риторических вопросов о том, помнит ли его тучный ганианец. Конечно, нет. Сколько детей прошло через грязные лапы работорговца за эти годы? Наверное, не счесть.

Зато память переносного компьютера могла поведать Вадиму о многом.

Он коснулся стволом затылка ганианца и тихо спросил:

– Когда ты в последний раз менял модули памяти?

Мертаб, которого вдруг ударило в дрожь, не понимающе затряс головой.

– Не понимаешь меня?

– Нет… - Сипло выдавил тот.

– Сделки, имена покупателей, данные по живому товару? - у Вадима не повернулся язык произнести слово «раб».

– Там… - Глаза Мертаба выкатились из орбит, взглядом указывая на ноутбук.

– За сколько лет? - Изменил формулировку вопроса Рощин.

– Много… Не помню…

– Старые файлы удалял?

Ганианец отрицательно затряс головой.

– Шайтан… Я не знаю…

Жирная туша содрогалась, в приступе дрожи, от ганианца пакостно разило потом и спиртным, вперемешку с пряными специями.

Вадим, секунду назад готовый без сожаления всадить в пулю в жирного работорговца, сейчас испытывал лишь омерзение.

Он не видел, как трясущийся Мертаб одной рукой медленно достает из складок одежды нож. Импланты не показывали движение маленького металлического жала на фоне тепловой засветки всей конструкции, он увидел лишь змеящийся отблеск, когда рука со стилетом взметнулась для удара…

Сухо грохнул одиночный выстрел, пуля прошла в сантиметре от Вадима, обдав мгновенным жаром щеку, и с беспощадной точностью ударила в горло Мертаба.

Голова ганианца резко дернулась, из раны с хриплым бульканьем ударил пульсирующий фонтан крови, рука со стилетом бессильно стукнула о неработающую приборную панель диспетчерского комплекса…

Рощин инстинктивно отшатнулся, ощущая, что лицо, руки, одежда - все забрызгано теплой липкой кровью ганианца, который медленно оползал на пол, содрогаясь в конвульсиях.

Проклятье…

Мгновенное сканирование показало, что стрелял реактивированный им андроид. Дистанционное включение третьей степени программной свободы позволило кибермеханизму применять оружие против любого человека, посягавшего на жизнь Вадима, которого дройд теперь воспринимал как своего хозяина.

Схватив ноутбук, Рощин развернулся, и в этот миг модули имплантов зафиксировали у горизонта стремительно приближающийся флайбот, курс которого проходил над разрушенными секторами космического порта и оканчивался на ровной площадке неподалеку от заброшенного грузового терминала.

Обрывки мыслей смешивались с рвущимися в сознание данными…

Уходить поздно… да и некуда.

Удаленный доступ… Соединение блокировано.

Внутренний голос был беспощаден, - система летательного аппарата оказалась защищена от мнемонических атак, хуже того, Вадим болезненно ощутил недвусмысленное сопротивление.

Мнемоник.

Как далеко ты сможешь зайти, защищая свою жизнь?

Флайбот снижался, вот уже за пределами бетонного ограждения взвихрился песок, потревоженный работой антиграва, а Вадим, забрызганный кровью, все еще стоял над конвульсивно вздрагивающим телом Мертаба, тщетно пытаясь обуздать свой рассудок, использовать оставшиеся секунды, чтобы настроиться на мнемоническую схватку с неожиданно появившимся противником, но мысли и чувства постоянно сбивались, отвлекаясь на проявления материального мира: краем глаза он фиксировал, как один из охранников пытается отползти вдоль забора, видел Хьюго, бесстрастно следящего за движением ганианца, перед взором, наслаиваясь на реальность, мелькали фрагменты виртуальных образов, он ощущал кинематику сервоприводов дройда, осознавая, что механический палец уже выбрал холостой ход курка, видел, как из-под днища флайбота выдвигаются опорные посадочные стойки, и вдруг…

Ломая калейдоскопическое восприятие, в его мысли ворвался знакомый голос:

– Какого фрайга, Вадим?! Я же велел тебе оставаться в парке!

Резкое облегчение походило на приступ дурноты.

Дитрих…

Ну конечно. Откуда здесь взяться еще одному мнемонику?

– Что ты наделал?! - Голос Кроу бился в истерзанном сознании. Верхний сегмент кабины флайбота пришел в движение одновременно с тем, как при касании стеклобетона из-под посадочных опор брызнули искры, и спустя мгновенье над горячим бортом машины показалась негодующее лицо Дитриха.

– Убить его? - Спокойно осведомился андроид.

Кроу на мгновенье опешил.

– Твою мать… - произведя мгновенный анализ ситуации, в сердцах выругался он. - Нам еще реликтовых сервомеханизмов не хватало! Ты решил раскупорить все бутылки с джинами, да?

– Хьюго не стреляй. Опусти оружие.

Дитрих тем временем спрыгнул на землю, осмотрелся по сторонам и

негодующе покачал головой.

– Сам добьешь или грязной работой у нас теперь занимаются дройды? - Наконец спросил он, критически взглянув на Вадима.

Рощин с трудом понимал, о чем говорит Дитрих, но, проследив за его взглядом, вздрогнул.

Оба охранника жались к забору, со страхом и ненавистью пытаясь предугадать, что случиться в следующий миг. Естественно они не слышали мысленного диалога двух мнемоников, но тем более жуткой становилась неопределенность.

– Нет.

– Что значит «нет»?! Ты заварил эту кашу, а теперь хочешь оставить двух свидетелей? Чтобы кланы устроили на нас показательную охоту? Совсем рехнулся?

Вадим понимал, что сам виноват во всем. После бегства с Окраины Ганио оставалась едва ли не единственной планетой, способной дать им временное убежище, а его срыв не останется без последствий…

– Дитрих выслушай меня.

– Я весь внимание.

– Меня продали… на этом рынке… - Вадим не думал оправдываться, но фразы получались сбивчивыми, отрывистыми. - Так вышло… Я сорвался…

– Ну, так действуй до конца! - Резко ответил Кроу. - Давай, прикончи их, и убираемся отсюда!

Рощин выглядел прескверно. Впрочем, чувствовал он себя не лучше. Однако его ответ прозвучал достаточно твердо:

– Они не имеют отношения к моему прошлому, Дитрих. И я не стану их убивать.

Кроу окончательно вышел из себя:

– Они свидетели! Ты застрелил их босса! Это жизнь Вадим, хватит барахтаться в иллюзиях! ЖИЗНЬ, - понимаешь?! Со всеми отвратительными, но неизбежными причинами и следствиями. Ты хочешь остаться тут? Чтобы твой труп мумифицировался в этих песках? Вольному воля. А я еще хочу жить!

Остановись ! - Мысленный окрик Рощина заставил Дитриха вздрогнуть. - Остановись, и помоги мне.

– Что ты задумал? - Подозрительно прищурился Кроу.

– У них есть импланты.

– Ты бредишь, Вадим! Нам и минуты здесь нельзя оставаться. А не разговаривают только мертвые.

– Да заткнись ты и послушай!

– Ладно… - Дитрих демонстративно сплюнул. - Валяй. Только мне не понять чем они отличаются от… - Он кивком указал на окровавленное тело Мертаба.

– Он работорговец. - Коротко ответил Вадим. А эти двое…

– А они просто проходили мимо? - Язвительно осведомился Дитрих.

– Я не могу их убить. Просто так без причины.

– Ты идиот.

– Считай меня кем угодно. Прошу - помоги. Вместе мы сможем. Стереть полчаса воспоминаний в наших силах.

– Да толку? Их же свои живыми закопают.

Вадим угрюмо промолчал в ответ.

– Ладно. - Дитрих чувствовал, что бесполезный спор лишь затягивает время. - Достал ты меня… Давай к делу, пока я не передумал. Нужно убираться отсюда.

Они не успели.

Дитрих, внезапно обернулся.

Со стороны прилегающих к терминалу построек на звуки выстрелов уже сбегались смуглые охранники порта.

Дитрих выругался, силой заставив Вадима двигаться.

– Бегом к флайботу! Оба!

Андроид уже был подле машины.

– Руку! - Потребовал он, помогая Вадиму забраться внутрь.

Дитрих поднялся на плоскость скошенного крыла, сплюнул и, сев в кресло пилота взял управление.

Теперь о продаже фрегата можно было забыть.

Убраться бы отсюда живыми…

Настоящее…

Нет, мне не успеть.

Мысль не требовала доказательств: прыжок через гиперсферу займет у Ригана пару часов, ну пусть он еще с полчаса будет проклинать Шииста осознав, что его пленница (или все-таки компаньонка?) исчезла с борта «Тайфуна». Затем ему придется сделать несколько звонков, и лично встретиться с представителями какой-либо из корпораций.

Эйджел не упустит шанс заработать миллион, тем более в его понятии Рощин не опасен, как боевой мнемоник, - Вадима стоит остерегаться только как психа…

Может ты и правда псих, Рощин?

А кого в нашем мире с уверенностью можно назвать нормальным?

Вадим некоторое время думал над заданным самому себе вопросом, но ответа не нашел. Не время для самоанализа. Риган видел «Иглу», и не преминет доложить об этом куда следует. Времени в обрез. От силы часов пять, прежде чем в системе появятся боевые корабли корпоративного флота.

Гипердрайв зарядить, точно не успею. - Подумал Вадим.

Забрало гермошлема медленно опустилось, осекая все внешние шумы, оставив лишь его собственное дыхание да гулкое аритмичное биение сердца.

Неужели за год одиночества я отвык от чувства постоянной смертельной опасности?

Получалось именно так.

Вадим в последний раз взглянул на уютную обстановку отсека служившего ему домом, и, не без тяжести на душе направился в сторону внутреннего космодрома древнего рудодобывающего комплекса.

На борту «Иглы» царили тишина и тусклое дежурное освещение. Вот уже с пол года как Рощин перевел реакторы в режим резерва, чтобы не жечь понапрасну активное вещество. С точки зрения здравого смысла такое решение являлось оправданным, но то мог подумать, что злая насмешница - судьба - выбросит из рукава козырную карту с изображением Эйджела?

Теперь рациональность грозила обернуться потерей боевого корабля.

Нет. «Иглу» не брошу. Пусть не надеяться.

Он приблизительно представлял ход мыслей того офицера корпоративного флота, кому поручат командование операцией. Они прилетят сюда не за Вадимом. Нужно быть полным идиотом, чтобы оставаться в системе после неожиданного бегства Ригана.

Эйджел доложит, что фрегат находиться в состоянии консервации. Значит, они пошлют мобильную группу из малых судов, чтобы прочесать сканерами всю систему, а заодно высадить на борт рудодобывающего комплекса новый экипаж, который расконсервирует фрегат и уведет «Иглу» в сектор Окраины.

Что они станут искать в первую очередь?

Вадим должен был просчитать действия противника, иначе спасти фрегат не удастся.

Он шел по длинному коридору мимо пустых боевых отсеков к рубке управления «Иглой».

След. Они станут в первую очередь искать след гиперпространственного перехода в надежде определить вектор, по

которому осуществлялось погружение.

Но Рощин не собирался бежать.

Однако почему не оставить нужные улики? Аварийный передатчик гиперсферных частот подойдет как нельзя лучше.

Двери рубки бесшумно раздались в стороны.

Он прошел мимо навигационного отсека, секций управления гипердрайвом, и свернул к боевому посту связи. Сев в кресло Вадим активировал приборы и включил автоматический режим трансляции импульса гиперсферной частоты. Координаты не важны. Пусть будут ближайшие системы из реального звездного окружения. Пять направлений. Пять векторов, пять мощных импульсов возмущения метрики. Пусть спецы корпорации поломают себе голову над дилеммой, в каком направлении скрылся Рощин?

Закончив нехитрую операцию (Вадим хотел, чтобы стартовой точкой всех возмущений являлся древний рудодобывающий комплекс) он направился на боевой мостик, - отделенный полупрозрачными проекционными перегородками подотсек главного поста управления, где располагалась дублирующая система управления, связанная со всеми жизненно-важными узлами бортовой кибернетической сети.

Взглянув на осветившиеся информы, он сел в противоперегрузочное кресло и закрыл глаза.

Нейромодули, подключенные в гнезда имплантов тут же выдали тестовый сигнал, - словно изнутри черепной коробки пробежали мурашки. Характерное ощущение для мнемоника, поначалу неприятное, а затем, с годами переходящее в разряд привычных, успокаивающих симптомов вхождения в виртуальное пространство.

Сейчас Вадим не задумывался над тем, что за истекшие сутки нарушил все данные себе клятвы.

А что ему оставалось делать? Сидеть, сложа руки и ждать пока Риган вернется за своим миллионом?

Да… Именно так. - Внезапно подумалось Вадиму. - Сидеть и ждать. Ты вернешься Эйджел, но это станет твоей ошибкой. Алчность все-таки порок.

Все… Хватит досужих мыслей. На анализ своих чувств и чужих поступков времени будет предостаточно, а сейчас нужно действовать быстро.

В ощущениях мнемоника пробуждение космического корабля от полугодичной спячки энергосберегающего режима проходило на уровне обыденности, неизбежных рутинных операций. Конечно, они могут быть

передоверены автоматическим системам, но Вадим привык все контролировать лично иначе грош ему цена как мнемонику.

Нельзя сказать, что неожиданное возвращение в строй доставляло Рощину удовольствие, скорее напротив, он ощущал горечь, но чувства в рассудке мнемоника достаточно быстро меняют знаки: стоило включиться в работу, как лишние мысли истончились, отошли на второй план. Он сидел абсолютно расслаблено, со стороны могло показаться, что Рощин просто задремал в пилот-ложементе, но на самом деле он работал, его разум сейчас составлял единое целое с кибернетической сетью фрегата, ощущая каждое изменение в статусе подсистем, так словно те являлись неотъемлемой частью его организма.

Неповторимые, доступные лишь немногим ощущения.

И все же среди рассудочности нет-нет, да и проскальзывала горечь - зачем мы идем по гибельному пути разрушения, неужели большинству людей не достаточно созидать, чтобы чувствовать себя счастливым?

Или наше мышление до сих пор порабощено инстинктами? Борьба за выживание, - она принимает в сознании самые разные причудливые формы, и все-таки это инстинкт, не позволяющий человеку чувствовать себя неотъемлемой частью окружающего мира, заставляет совершать определенные поступки, возводя сиюминутные порывы в ранг жизненных целей, плевать на условности или наоборот слепо следовать им…

Так. Хватит философии. Ты не на лекции Рощин. Через три-четыре часа сюда прилетят ребята из корпоративных сил безопасности, решительно настроенные тебя убить. Эйджел наверняка убедил их, что бесполезно пытаться взять Рощина живым - боевого мнемоника со съехавшей крышей проще и разумнее уничтожить на месте.

Что ж, посмотрим.

Если корпы[27] немного пошевелят мозгами, то вспомнят, что творил фрегат с запоминающимся названием на гиперсферных трассах и планетах Окраины.

Не обнаружив «Иглы» внутри рудодобывающего комплекса, они должны почувствовать себя неуютно.

Нельзя дать им шанс вызвать подмогу. Если в системе появятся тяжелые боевые корабли, то выкручиваться станет намного сложнее.

Так что там у нас с энергией? Семь часов до выхода на полную мощность? Не слабо. Три часа придется играть в прятки.

Планетарная тяга?

Норма. Тест прошел успешно, вон стены ангара уже светятся

малиновым сиянием, после продувки сопел двигательной установки. Хорошо планетарного горючего под завязку.

Все.

Можно начинать маневр.

Вадим не открыл глаза, не изменил позы, лишь страховочные ремни пилот-ложемента внезапно пришли в движение, туго перехлестнув его грудь, затем замкнулись амортизационные дуги и, наконец, над противоперегрузочным комплексом опустился прозрачный колпак из бронепластика.

Это на случай разгерметизации боевого поста. Чтобы не вырвало из кресла ударом декомпрессии.

Древний рудодобывающий комплекс казался неотличим от серой массы покрытых вкраплениями льда астероидов. Его пологие сглаженные обводы и титанические размеры гармонировали с окружающими глыбами, - холодный, статичный не подающий признаков жизни, лишенный даже такой малости как навигационные огни он давно стал неотъемлемой частью пространства забытой богом и людьми звездной системы.

Так порой случается с отслужившими свой срок системами, они иногда оживают, нарушая гармонию природных сил. Вот и сейчас среди массы астероидов внезапно пробился свет. Сначала это был узкий луч похожий на лезвие ножа, затем он стал расширяться, превращаясь в зарево, осветившее несколько опорных глыб, с которыми был состыкован «Спейсстоун».

Вакуум-створы исполинского ангара перерабатывающего модуля медленно открывались, за ними в красноватом сиянии предупреждающих огней у причальной секции застыл семисотметровый корабль с обтекаемыми обводами.

Основные надстройки «Иглы» в данный момент были втянуты внутрь, ничто не выступало за габариты основного корпуса, все ракетные шахты и орудийные порты плотно закрыты, смертоносные механизмы до поры таились под защитой диафрагменных люков, и только в заостряющейся носовой части под сферическими кожухами вращались невидимые для постороннего взгляда параболические антенны локационной системы корабля, да в корме и под днищем разгоралось зарево от работы двигателей планетарной тяги.

Вот первые языки пламени жадно лизнули причальную секцию и фрегат, синхронно отработав тремя десятками двигателей донной тяги, чуть приподнялся, на секунду застыл, а затем медленно, неторопливо начал выплывать из ангара на относительный простор открытого космического

пространства.

Относительный, потому что вокруг фрегата простиралось стабилизировавшееся поле астероидов, - каменные глыбы давно заняли стабильные орбиты столкновения тут прекратились тысячи, а может и миллионы лет назад, однако, не все составлявшие скопление космические тела располагалась в одной плоскости, - десятка три глыб образовывали причудливый пространственный узор, медленно перемещаясь над плоскостью эклиптики.

Вадим осторожно вел «Иглу», - его разум принимал данные от локационных систем, и в ответ посылал целеуказания секциям планетарной тяги, - работа непривычная для большинства мнемоников, которые в данной ситуации вне сомнения отдали бы предпочтение автопилотам, но у Рощина имелись свои привычки и причины не доверять роботизированным комплексам.

Хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо - сделай это сам. Древняя поговорка как нельзя лучше подходила к внутреннему мироощущению Вадима. Однажды он едва не расстался с жизнью, доверившись автоматическим системам, и с тех пор не позволял себе подобной роскоши, - бездельничать во время ответственного маневра.

Впрочем, управление огромным кораблем, в данный момент не напрягало его, напротив, медленный выход из дока космической станции позволил ему возродить в сознании чувство единства с многочисленными системами фрегата.

Как будто год уединения являлся лишь сном.

Спустя пол часа осторожно маневрирования фрегат покинул зону астероидного скопления и взял курс на близкие, подсвеченные сиянием молодой звезды, клубящиеся выбросы газопылевой туманности.

Пока корпы будут обыскивать «Спейсстоун» и изучать характеристики возмущений метрики пространства, реакторы «Иглы» зарядят накопители гипердрайва.

Единственное, чего не знал Вадим: куда направить корабль?

Не было в Обитаемой Галактике места, где мог укрыться беглый, отверженный всеми мнемоник.

Как не хватало ему сейчас Дитриха…

Мысли плавно и ненавязчиво вновь ускользнули в прошлое.

Глава 5

Сектор Корпоративной Окраины.

После инцидента на невольничьем рынке им пришлось бежать из системы Ганио.

Дитрих угрюмо молчал, понимая, что теперь нечего и думать о продаже фрегата. Он воспринимал ситуацию без иллюзий и потому направил флайбот в зону низких парковочных орбит, благо арендованная машина была способна осуществить подобный маневр.

Зная мстительность кланов, Кроу начал немедленную подготовку к старту. Теперь, по его мнению, им оставалось лишь одно - скрыться на границе с Рукавом Пустоты, в секторах неосвоенного космоса.

Они практически не разговаривали друг с другом. Вадим молчал, потому что считал себя виновником поспешного бегства, а Кроу был слишком занят, чтобы обсуждать сложившееся положение.

Так, в молчании, прошло более суток.

Первым тему ближайших перспектив все же затронул Дитрих.

Они только что погрузились в гиперсферу, удачно проведя промежуточное всплытие, в десяти световых минутах от Эрлизы - планеты, где господствовала корпорация «Инфосистемз».

Вадим завершил мнемонический контроль маневра, и сидел в глубокой задумчивости, глядя, как по навигационным панелям пробегают сиротливые огни немногих работающих в условиях аномалии космоса датчиков. Сияние, исходящее от полусферы масс-детектора, освещенной зеленоватым мерцанием силовых линий, делало его лицо неживым, будто в кресле навигатора сидел не человек, а высеченная из элианского мрамора скульптура.

– О чем задумался? - Кроу развернул кресло пилота так, чтобы видеть Рощина. - Я смотрю, ты прямо подружился с Хьюго. Откуда кстати ты узнал, как его звали прежние хозяева?

– Я ничего не узнавал. Это название модели.

Дитрих лишь мрачно усмехнулся.

– Не по душе мне искусственные интеллекты. - Откровенно признался он. - Считаешь, их просто так запретили к производству?

– Он не искусственный интеллект. - Произнес Вадим. - Что-то другое. Я пока не разобрался. - Отвечая на вопрос, Рощин внезапно почувствовал благодарность. Кроу снова, не смотря ни на что, пришел к нему как друг, и

завел разговор на отвлеченную тему, чтобы как-то сгладить возникшее между ними отчуждение.

– Ну, у него есть нейроподобные сети, ты ведь не станешь этого отрицать? - Продолжил развивать начатую тему Дитрих.

– Есть. - Кивнул Вадим. - Как и опция саморазвития. Но он не интеллект. Потенциал искусственных нейросетей у «БД-12» слишком мал. Они служат для распознавания образов, а основная обработка данных, как и процедура выработки решений, базируются на логических вычислительных устройствах.

– Я слышал, модель «Хьюго» иногда оказывалась даже чересчур эмоциональной. - Заметил Дитрих.

– Ты пришел поговорить о дройде? Тебя не устраивает его присутствие на борту?

– В общем-то, он меня не напрягает. Пусть будет… - махнул рукой Кроу. - А поговорить я хотел не об этом. Нужно думать, что нам делать дальше, Вадим. Пройдем мы пояс населенных систем и что потом? Будем прозябать на борту, тихо сходя с ума где-нибудь на задворках Окраины?

– Я не думал об этом.

– Слушай, а о чем ты вообще думаешь? Давай поделись, а то из тебя слова приходиться, как клещами вытаскивать.

– Боюсь, тебе не понравятся мои мысли.

– Это почему?

– Ты по-другому смотришь на вещи, Дитрих. У тебя есть жизненный опыт. А я, как выясняется, совершенно не понимаю окружающего меня мира.

– Ну и как он тебе, после беглого знакомства? - Кроу встал, чтобы набрать код на панели бытового автомата.

– Я думаю, что мир несправедлив.

Последняя фраза Рощина едва не стоила Дитриху ошпаренных пальцев, - он как раз доставал из поддона и распечатывал герметично упакованный стаканчик с горячим кофе.

– Ты сам это придумал или услышал где-то?

Вадим ничего не ответил на ироничное замечание.

– Послушай малыш, я согласен, совершенством цивилизация не страдала ни в одну эпоху. Разве что наши первобытные пращуры убивали друг друга не по личным мотивам, а в силу жизненной необходимости. Святая моральная девственность, полная гармония с жестокой природой и законами эволюции.

Вадим поднял взгляд, принимая из рук Дитриха кофе.

– Почему же мы не изменились за миллионы лет? Или жестокость, цинизм, ложь - это венец эволюции разума?

– Слушай, будь ты проще. При чем здесь эволюция разума?

– Ты человек Дитрих?

– Ну?

– И тебе не приходили в голову подобные вопросы?

– Приходили. - Вздохнул Кроу. - Но знаешь, куда мне пришлось их засунуть, чтобы элементарно выжить? - С внезапным ожесточением спросил он.

– Но теперь-то ты свободен? - Неожиданно спросил Рощин.

Дитрих упрямо мотнул головой, но затем задумался.

– Понимаешь, мы с тобой можем говорить начистоту. И должны это делать. - Вадим упрямо смотрел в пол. - Не потому что мы вместе совершили какие-то поступки. Нет. Мы люди, но уже другие, не такие как все. Я думал, что на Фрисайде сойду с ума, когда понял, что по большому счету нет разницы, какой ты корпорации служишь. Нас всех без исключения купили, еще детьми, потом жестоко надругались, уничтожили нас как личности и вырастили что-то иное. Ведь с тобой было точно так же, просто я не успел набраться жизненного опыта, не смотрел правде в глаза, а ты постарше меня, и уже пережил свою «ломку», верно?

– Допустим.

– Нас продавали, над нами ставили опыты, имплантировали не только нейромодули, но и память, преданность определенным идеям и интересам, - проще говоря - зомбировали, превращая в послушный инструмент. Но теперь мы с тобой свободны. - Повторил Вадим. - И ответь, назови мне хоть одну причину, почему я должен продолжать мыслить теми категориями, что запрограммировали в мой рассудок?

– Потому что иначе тебе не выжить. - Мрачно предрек Дитрих. - Вспомни Ганио, малыш. Тебя могли сто раз убить, пока в твоем *освободившемся* разуме одна за другой возникали извечные моральные дилеммы. Пойми, век благородных рыцарей когда-то существовал, отрицать не возьмусь, но он, как мне кажется, канул в лету. Сейчас все не так. Не тот уровень технологий. Мы не на мечах сражаемся, и не королю служим.

– Не о том говоришь Дитрих.

Кроу откровенно не ожидал услышать от Вадима подобных слов.

– Ты увиливаешь от ответа. Да я мог погибнуть на Ганио. Но, совершая жестокость за жестокостью, оправдывая их тем, что мир вокруг так же жесток, и люди теряют остатки души, я все равно, рано или поздно

попал бы в эту западню. Это не философия Дитрих, не смотри на меня, как на сумасшедшего. Я едва не убил на Фрисайде девочку, которая вместе со мной росла в спецшколе на Аллоре. Понимаешь? Нас рассортировали, продали разным корпорациям, привили разные взгляды на мир и его ценности. Морально изнасиловали. Вот я спрашиваю: по какому праву?

Кроу не ответил, лишь сокрушенно покачал головой.

– Ты не в себе. Поговорим позже. - Угрюмо пробурчал он.

Борт"Иглы". Несколькимичасамипозже…

Двери рубки бесшумно распахнулись.

– У меня есть идея. - Раздался за спиной Вадима голос Дитриха.

Рощин, просматривавший записи бортового журнала, удивленно поднял голову.

Лицо кибрайкера выражало мрачную решимость.

– Я подумал над нашим последним разговором. - Произнес он, проходя к креслу пилота. - Не собираюсь полностью соглашаться с твоими идеями, они в некотором смысле утопичны, но в одном ты подсознательно прав: нам нужно что-то предпринимать, - выдержать нескольких лет заточения на борту фрегата я не смогу.

– И что ты решил? - Вадим не ждал от Дитриха каких-то конструктивных предложений, но в очередной раз ошибся. Судя по осунувшемуся лицу кибрайкера, тот вовсе не отдыхал, в свободные от дежурства часы.

О чем он размышлял? Что не давало Дитриху покоя?

– Знаешь, я подумал: нельзя зарывать таланты в землю. - Произнес Кроу, так, словно отвечал на мысленный вопрос, возникший у Рощина. - Раз уж не смогли продать «Иглу», так давай используем фрегат с толком.

– Дитрих из меня вряд ли выйдет хороший помощник.

– Вот об этом позволь судить мне, со стороны оно виднее.

– Я не кибрайкер. Боюсь что не смогу, Дитрих…

– Согласен, ты больше тянешь на мнемоника. Однако, тобой движет жажда мести и справедливости. Нельзя подавлять свои чувства, Вадим. И подменять их не нужно.

Рощин упрямо покачал головой.

– Ты не понимаешь меня. На Ганио произошел срыв. Я не хочу убивать и грабить.

Кроу не стал вступать в бессмысленный спор.

– Есть на примете один объект, где содержат мнемоников и кибрайкеров. - Веско обронил он, искоса наблюдая за реакцией Рощина.

– Вместе? - Искренне удивился Вадим.

– В том и суть. Это тюрьма, Рощин. Я там был. До того как попасть на Фрисайд.

– Даже так? - Вадим откинулся в кресле. - Интересный факт биографии. Только почему ты решил, что я соглашусь?

– Нам не распилить корабль пополам. - Было непонятно, говорит Дитрих серьезно или снова пытается мрачно шутить. - Но я уже сказал: мы можем *совместно* использовать «Иглу». Первую операцию предлагаю я. В результате мы больно ущипнем корпорации и получим минимальный экипаж. Согласись, без нескольких мнемоников на борту нам вдвоем не справиться с полноценным контролем систем. А доверять автоматике, когда на тебя охотиться вся Окраина, как-то не уютно…

– С каких пор на нас объявлена охота, Дитрих? С чего ты взял?

– Да так… Посмотрел канал новостей. - Любому кто прикончит нас и вернет «Иглу» законным владельцам - то есть корпорации «Инфосистемз», вступившей в права на Фрисайд, гарантирована полная анонимность и награда в один миллион.

– Не слабо… А при чем тут тюрьма?

– Ну, во-первых, там сидят нормальные ребята, похожие в чем-то на тебя и меня. Ну не сложились у них отношения с системой, слишком много знают, не хотят, чтобы ими помыкали. Вот, пожалуй, главные «злодеяния» заключенных «Луны-24» - так называется планетоид, где расположена тюрьма. К тому же, большинство из них достаточно молоды, а значит, смогут пролить немного света на темную историю твоего прошлого.

Вадим задумался, но размышлял он недолго.

Впоследствии Рощин часто спрашивал себя: почему в тот раз он так легко согласился на предложение Дитриха?

Он находил только один ответ: кибрайкеры более не вызывали у него чувства отвращения и ненависти. Не желая жить с навязанными кем-то мнениями и оценками, ему хотелось разобраться, найти истину, а под лежачий камень вода, как известно, не течет.

– Один вопрос Дитрих.

Кроу обернулся.

– Кто-то из нас двоих должен формально принять командование «Иглой».

– Ты. - Не задумываясь, ответил Дитрих.

Рощин вздрогнул. Задавая вопрос, он хотел лишь внести ясность в дальнейшие отношения, не ожидая *подобного* ответа.

– Почему?! - Вырвался у Вадима невольный вопрос. - Я же едва

помню себя, я сорвался на Ганио, и мы теперь вынуждены скрываться, я виноват во всем, а у тебя опыт…

– Остановись, пожалуйста. - Дитрих сел в кресло, сцепил пальцы рук в замок и ответил, исподлобья глядя на Рощина:

– Я всю сознательную жизнь дрался. За деньги. А у тебя есть ЦЕЛЬ. Не отрицай, это так. Я чувствую. Сегодня ночью даже не мог уснуть. Думал над твоими словами. Если добавить к ним каплю здравого цинизма, чтобы не страдать иллюзорностью, твоя идея многим покажется справедливой. В том числе и мне. В конце концов, цинизмом я тебя обеспечу. А вот всем остальным… Извини. Тут я лучше побуду в твоей тени, договорились?

– Идея? Может быть ты ее озвучишь?

– Справедливость. Нельзя торговать людьми. Нельзя насиловать душу и разум ребенка. Но я кибрайкер, за мной не пойдут. Слишком сомнительный ореол «славы». Ты - другое дело.

– Да я просто не смогу. Кто мне поверит?

– Меня мало?

Вадим не нашелся что ответить.

– Тогда давай не будем больше возвращаться к этому вопросу. - Подытожил Дитрих. - Я рядом. Когда-нибудь я объясню тебе, Вадим, что такое «эффект бабочки». Кстати… - Он внимательно посмотрел на Рощина и добавил:

– Не хочу, чтобы между нами оставались недомолвки. По крайней мере, с моей стороны они есть.

– Ты о чем? - Не понял Вадим.

– О событиях на Ганио. Я следил за тобой. Потому и подоспел так вовремя.

– Следил или опекал?

– Называй, как тебе угодно. Причина интересует?

Рощин кивнул. Он вообще-то слабо понимал мотивы Дитриха.

– Помнишь, я забрал у тебя нейромодули?

– Конечно.

– Я подменил их. На «пустышки». Боялся, что ты натворишь бед. И не ошибся, к слову сказать…

– Дитрих, ты что несешь? Я же не переставал ими пользоваться!

– А ты протестируй. Работают передатчики имплантов. Но кибернетические расширители - муляж. Ты все делаешь *сам*. И для меня это остается огромной загадкой.

– Почему же ты не сказал? Сразу?

– А у меня было время?

Вадим растерялся. Один ошеломляющий вброс информации за другим…

– Только спокойно. - Дитрих ободряюще посмотрел на него. - Будем разбираться. Вместе.

* * *

Жизнь на борту «Иглы» постепенно налаживалась.

Прошла неделя, на протяжении которой они оснащали дополнительными устройствами основные системы корабля, чтобы управлять ими напрямую, при помощи мнемонической связи.

Когда эти работы были завершены, Вадим и Дитрих приступили к рассмотрению плана первой совместной операции.

На поверку «Луна-24» оказалась безвоздушным спутником газового гиганта. Когда-то здесь велась добыча полезных ископаемых, но затем производство свернули. Потом на безымянном планетоиде некоторое время функционировала база по подготовке операторов горно-проходной техники, но вскоре и она закрылась - пришла эпоха новых технологий, основанных на концепции универсальных, полностью автоматизированных комплексов терраформинга, которые помимо прочего сами добывали ресурсы для производства подобных себе машин, и необходимость в обучении людей отпала.

Однако объект с развитой инфраструктурой герметизированных поселений не мог остаться вне поля зрения колониальной администрации. Спутник газовой планеты был занесен в каталог вторичных объектов, пригодных для промышленного использования, и выставлен на очередном аукционе.

К удивлению чиновников колониальной администрации, «Луна-24» была продана в первый же день торгов.

Частное лицо, заплатившее немалую сумму за непривлекательный безвоздушный мир, предпочло сохранить инкогнито, что не возбранялось при оформлении сделок на рынке вторичных поселений.

С тех пор, получив статус частной собственности, невзрачная луна стала одной из многочисленных «черных дыр» Окраины, где без следа обрывались нити человеческих судеб.

Никто не знал, что твориться в стенах бункерной зоны бывшего горняцкого поселка.

– Чудо что мне удалось оттуда вырваться. По крайней мере, так

казалось, пока не попал на Фрисайд. - Признался Дитрих, выкладывая Вадиму всю имеющуюся у него информацию.

– Очевидно группа «Эхо» собирала всех кибрайкеров, кого могла найти.

– Это понятно. Но вот, что любопытно, - Луна вроде как в частной собственности, однако тюрьма, или поселение, можешь называть как угодно, - интернациональна. Это не замаскированный объект колониальной администрации, могу поручиться, но туда депортируют ставших неугодными мнемоников и кибрайкеров с разных миров, причем их прежние работодатели нисколько не опасаются тайн, в которые те поневоле посвящены. - Кроу вдруг замолчал, машинально постукивая пальцами по подлокотнику. Мотивчик у него получался невеселый, видно нахлынули воспоминания. - Так вот, - продолжил он, после небольшой паузы, выходит, что *все* корпорации определенно доверяют содержателям тюрьмы.

– А как ведут себя заключенные?

– Как? - Дитрих невесело усмехнулся. - Как мы с тобой при первой встрече. - Привел он наглядный пример. - С той разницей, что у них нет нейромодулей в имплантах. - Добавил он.

Вадим чувствовал, что загадочная луна все больше интригует его.

– Во всем должен быть смысл, Дитрих. Даже во взаимной ненависти кибрайкеров и мнемоников. Скажи, а кроме взаимной неприязни, были иные чувства?

Кроу в первый момент не понял, о чем говорит Вадим.

– Ты о любви, что ли?

– Да. О любви. Говорят что от нее до ненависти один шаг. А если перефразировать?

– Какой смысл играть словами?

– Практический. Ты не так давно рассказывал мне, что у корпораций есть железное правило - мнемоника, проявившего непослушание, просто устраняют. И тут же сообщаешь мне о существовании тюрьмы на луне-24. Почему вдруг исключение из правила? Не задумывался над этим?

– Задумывался. Но вот ответа не нашел. А любовь… Не знаю Вадим, была ли там любовь, но уединяться парами не возбранялось. И ты прав: чаще это происходило между злейшими врагами.

– Вспомни меня. На Ганио. Я ведь не знал что нейромодули не рабочие. И, тем не менее, заблокировал оружие, вел машину, установил контакт с системой Хьюго.

– К чему ты клонишь?

– Ты ведь заметил что-то необычное, когда сканировал мой разум?

– Уплотнения нервных тканей в районе имплантов. - Признался Дитрих. - Сначала мне показалось, что это опухоль, но потом я убедился: скопления нейронов нормальны с точки зрения биологического строения. Проверял на себе. У меня то же самое.

– Вот наверное и разгадка Луны-24… Если у тебя и у меня есть характерные изменения в структуре коры головного мозга - это уже не результат хирургического вмешательства, а реакция организма на имплантирование. Что такое импланты? Новые органы чувств, к которым мы приспосабливаемся психологически, а мозг тем временем формирует новые участки нервных тканей, чтобы обрабатывать получаемые сигналы. Это мутация. - Рощин не заметил, что уже не разговаривает с Дитрихом, а скорее размышляет вслух. - Если существует независимый центр, где готовят мнемоников и кибрайкеров… а я уверен, - такой центр есть… значит, там должны знать об имеющих место процессах. Как ты считаешь, что в первую очередь заинтересует нейрохирургов?

– Устойчивость мутации?

– Именно. На Луне-24 занимаются *селекцией.*

– Вадим…

– Нет Дитрих, ты сам начал разговор. Я потерял память о прошлом, но знания у меня не исчезли, как и способность логически мыслить. Представляешь, если изменения будут закреплены на генетическом уровне? Но проверить это возможно лишь изучая детей, родившихся у специально отобранных, прошедших достаточно долгий путь саморазвития индивидов, верно?

– Ты говоришь о страшных вещах Вадим…

– Я знаю. - Рощин сел, устало массируя виски. - Нас будут преследовать. Повсюду. Как только «Игла» появиться в окрестностях Луны-24, кому-то станет очень тошно. Подумай Дитрих, владея записью генома и технологией клонирования, можно… - Вадим запнулся, но все же продолжил, - можно создать живой нейрокомпьютер. Компактный и мощный. Каких еще не бывало в истории.

– Если ты прав, то вся Окраина, по крайней мере, в лице корпораций, действительно будет охотиться на нас. - Дитрих выглядел подавленным и растерянным, что было необычно для кибрайкера. Он внес предложение, относительно Луны-24, думая освободить пару хорошо знакомых ему людей. Но Вадим со своей не затуманенной предрассудками и комплексами логикой, сделал ошеломляющие выводы, исходя из минимума информации.

Он не уставал поражать Дитриха, то свой наивной человечностью, то беспощадными, стоящими далеко за гранью «здорового» цинизма

логическими выкладками, от которых мороз драл по коже.

– Короче, мы летим или нет?

– Летим. Но ты должен хорошо подумать над собственным предложением. Это станет началом войны. Я к ней готов. - В глазах Вадима таилась глубоко спрятанная печаль. - Слово за тобой, Дитрих.

Он не ответил.

Только кивнул. Горло от чего-то пересохло.

* * *

Операцию планировали долго и тщательно.

Так же тщательно Вадим и Дитрих присматривались друг к другу.

Вырвавшись из стремнины смертельных обстоятельств, они как будто встретились вновь.

Нельзя сказать, что притирка характеров проходила просто.

Как мы вообще сумели остановиться у роковой черты, не убить друг друга при схватке на Фрисайде? - Размышлял Дитрих. Прошло время и он начал понимать: равенство мнемонических способностей не играло решающей роли. Блокированные импланты? Чепуха. Все произошедшее с Вадимом на Ганио явно доказывало: он мог действовать в обход имплантов.

Дитрих спрашивал себя: а мне что мешало сделать роковое усилие, поставить инстинкты выше рассудка и (пусть не осознано) задействовать сформировавшиеся в районе имплантаций нервные ткани? Мысль не блокируешь, тем более, когда жизнь висит на волоске, и для спасения хороши все средства?

Выходит, не все?

Где происходила моральная селекция поступков? Кроу не мог взять в толк, что, к примеру, толкнуло Вадима на безрассудный шаг, когда он открыл свой разум и попросил Дитриха произвести сканирование?

Постепенно день ото дня, от мысли к мысли, они неосознанно искали точки соприкосновения. Не переставая препираться по мелочам, Рощин и Кроу учились понимать друг друга в глобальном смысле, с удивлением открывая все новые грани мнемонического общения.

И все же многое оставалось не понятным, не досказанным.

– Вадим, почему мы с тобой остановились на Фрисайде? - Однажды спросил Дитрих, устав спорить со своим внутренним "я". - Почему не убили друг друга?

Рощин, занимавшийся отладкой программного ядра Хьюго, прервался.

– Не задавал себе такого вопроса? - Дитрих придирчиво посмотрел на человекоподобную машину зачем-то обошел Хьюго со всех сторон, затем вернулся взглядом к Рощину, вопросительно приподняв бровь.

– Задавал. - Признался Вадим. - Но ответ не очевиден…

– Давай рассуждать. - Кроу присел на край скошенной приборной панели и, скрестив руки на груди, мрачно уставился в пол. - Я всю жизнь считал, что мир откровенно враждебен, ко мне лично. У меня были *понятия* . Теперь они под сомнением. Тебе ведь давали волевую установку на беспощадное отношение к кибрайкерам, верно? - Он дождался кивка, и добавил: - Я не вижу ни одной причины…

– Не о том говоришь, Дитрих. - Прервал его Вадим. - Твоя «свобода», как независимость любого кибрайкера, являлась не более чем иллюзией. По настоящему свободным ты стал сейчас, когда начал задавать себе неудобные вопросы. Извини. Может быть, я сложно формулирую, но иначе не получается. Самому тошно.

– Отчего?

– От неопределенности.

– Мне казалось, что ты напротив, ясно видишь цель. - Хмыкнул Дитрих.

– Какую?

– Месть.

– Месть? - Переспросил Вадим. - Нет Дитрих. Не месть. Возмездие. - Взгляд Рощина застыл, словно он смотрел не на какой-то определенный предмет, а внутрь самого себя… - Знаешь, почему так вышло на Фрисайде? Мы одинаковые. В глубине души мнемоника и кибрайкера есть что-то, не дающее нам переступать черту, в отношении друг к другу. Много ли твоих коллег *погибло* по вине мнемоников?

Кроу задумался.

А ведь Вадим оказался прав. Он видел мертвых кибрайкеров, видел живых, но утративших разум. Однако, это были жертвы грубых силовых акций, проводимых соответствующими структурами. Мнемоники могли отбить атаку, причинить массу неприятностей, но они *никогда* не отнимали рассудок.

Редкие примеры обратного, выглядели скорее исключением, нежели правилом.

Оказывается, в сознании Дитриха присутствовало немало мифов, в которые он до сих пор безоговорочно верил. Так было удобно и правильно. Легче жить и работать.

Глубины души. Пучина образов, мыслей, чувств, ассоциаций,

формирующих жизненную позицию, убеждения, все, что потом становиться проявлениями определенного характера.

В омут мыслей трудно смотреть. Еще труднее погрузиться *туда* , почувствовать, что для тебя истина, а что ложь.

Дитрих нырнул.

Ему очень быстро захотелось назад, к призрачному свету иллюзий, потому что *маска кибрайкера* начинала покрываться трещинами, грозя в любую секунду осыпаться, отлететь, как сброшенная кожа, обнажая нечто иное, до сих пор скрытое, неудобное, колкое, ранящее…

Он медленно повернул голову.

Почему-то он все реже возвращался к мысли, как бы выгодней продать «Иглу» и скрыться в неизвестном направлении.

– Давай переходить к конкретным действиям. - Нарушив затянувшуюся паузу, произнес Кроу. Молчать дальше становилось невыносимо, нужно было чем-то заполнить образовавшуюся в душе пустоту.

– Ты о «Луне-24»?

– Естественно. - Насупился Дитрих. - Почему ты возишься с Хьюго, а я брожу по системам фрегата, как неприкаянная душа?

– Потому что мы оба понимаем: стоит приступить к обсуждению деталей операции и пути назад уже не будет. - Ответил Вадим. - Мы либо погибнем, либо на борту «Иглы» появиться экипаж. В любом случае это не тот путь, о котором ты думал, как о приемлемой перспективе, верно?

– Отвечай за себя.

– Не злись. Атаковав тюрьму, мы уже не сможем продать «Иглу». Не сможем, как ты выразился: «разбежаться и забыть».

– Я не хочу продавать «Иглу». Можешь представить, что мне расхотелось? Я передумал.

– Ладно. - Рощин закрыл кожух на груди андроида. - Давай говорить предметно.

Очень быстро выяснилось, что при всех своих знаниях и способностях, ни Вадим, ни Дитрих не обладали достаточным опытом боевых действий в реальном космосе.

Они спорили до хрипоты, выстраивая планы и тут же развенчивая их.

– Нет, так не пойдет. Я не адмирал Воронцов. - В сердцах заявил Кроу, когда очередное моделирование боя привело к плачевному результату. Раз за разом комплексы противокосмической обороны, расположенные по периметру укрепленной базы, наносили критические повреждения атакующему их фрегату.

– Дитрих, почему нам не действовать в привычной обстановке? Мы явно уходим за рамки компетенции.

– Нам ничего не добиться своими способностями.

– Почему? Объясни?

– Потому что ты тысячу раз прав, на Луне-24 проводятся эксперименты, и те, кто ставит их, определенно понимают, что имеют дело с мнемониками. Посмотри на этих монстров! - Он указал на голографическую модель ракетно-лазерного комплекса противокосмической обороны. - Все на ручном управлении. Никакой кибернетики. Там сидят операторы. Вся охрана тюрьмы отдана под ответственность человеческого фактора.

Вадим вскинул голову.

– Человеческий фактор… Это многое решает.

– Не пойму тебя.

– Сейчас. - Рощин вновь подключился к модели, сбросил результаты неудачной атаки и вывел «Иглу» в исходную точку. - Смотри. - Он совершил движение рукой, проецируя перед собой голографическую панель управления. - Минуту.

– Что ты делаешь, если не секрет? - Саркастически осведомился Дитрих.

– Ищу аналогии. Базы данных «Иглы» содержат тысячи моделей реальных боевых действий, начиная с эпохи Первой Галактической… Давай отбросим поздний период. Начнем поиск по следующему алгоритму: «Успешные боевые действия при неравенстве сил».

– Слишком пространно.

– Посмотрим.

Через пол часа, просмотрев два десятка эпизодов событий далекого прошлого, они неожиданно нашли адекватную ситуации модель.

Снятие блокады Дабога.

Тогда, обеспечивая отступление конвоев с беженцами, против превосходящих сил объединенного флота Альянса, по сути, действовало два корабля - переоборудованный грузопассажирский лайнер «Европа» и малый ракетный крейсер «Люцифер», по своим характеристикам подходящий под параметры «Иглы».

Именно «Люцифер» остановил атаку флота Альянса.

Анализ модели боя привел к неожиданным результатам.

– Мы сможем прорваться к посадочным площадкам и главному энергоблоку. - Убежденно заявил Вадим. - Главное преимущество системы обороны мы превратим в ее недостаток.

Дитрих критически прогнал виртуальный бой еще раз.

– Пожалуй ты прав. Смотри. - Он указал на длинные переходные тоннели, соединяющие тюремный комплекс с остальными сооружениями. - Если прервать энергоснабжение, и вызвать декомпрессию средних сегментов тоннельных переходов, тюремный блок окажется изолированным. Затем мы вскрываем шлюз, и под прикрытием «Иглы» выдвигаем аварийный переход. Внутри тюремного блока не более десяти человек. У охраны нет скафандров и оружия. Это строжайше запрещено, чтобы заключенные не смогли осуществить внезапное нападение и завладеть необходимой экипировкой.

– Я не силен в рукопашном бою.

– Я то же. Мы пустим газ по системе вентиляции. Это усыпит и охрану и заключенных. По расчетам у нас с тобой будет четверть часа, чтобы забрать узников и отстыковаться.

– Сколько человек нам предстоит эвакуировать?

– Вот этого я не знаю Вадим. Состав заключенный постоянно менялся. Со мной на Фрисайд отправили девять кибрайкеров. Нам, между прочим, обещали свободу…

– А как ты попал в заключение?

– Очень корректный вопрос. - Насупился Кроу. - Темная история. Как-нибудь расскажу… - Пообещал он. - Давай пока не будем ворошить прошлое, ладно?

– Извини. Значит, количество заключенных узнаем на месте?

– Выходит так. Не лишним будет подключить к «наземной» части операции Хьюго. - Дитрих посмотрел на андроида. - Он адекватен?

– Я заметил, что ты опасаешься его.

– Не доверяю древним моделям. Их сложно контролировать.

– Тебе не придется прилагать усилий. Я ввел в блок идентификации твои биометрические данные. Теперь он в равной степени подчиняется нам обоим.

– Это хорошо. Дитрих подошел к человекоподобной машине и с преувеличенной серьезностью произнес:

– Хью, ты меня слышишь?

– Да, сэр.

– Расслабься. Просто - Дитрих. Никаких «мистеров Кроу» договорились? - Он похлопал дройда по плечу: - Давай сообрази нам с Вадимом поесть. Хватит на сегодня.

* * *

Мрачные ландшафты «Луны 24» освещало далекое, похожее на тусклую горошину желтое солнце.

Мир холода, черных резких теней и серого камня.

Здания тюремного комплекса, разместившиеся на дне небольшого кратера, выглядели как случайное скопление геометрических форм, образовавшихся в результате давнего катаклизма. Такое впечатление создавало местное освещение, придававшее куполообразным постройкам унылый вид, делая их похожими на многочисленные пузыри застывшей лавы в изобилии покрывавшие дно кратера.

На фоне мертвого ландшафта выделялись лишь объекты комплекса противокосмической обороны. Отдельные башенные установки были ассиметрично разбросаны по подходящим площадкам на крутых склонах кольцевых гор.

Отсюда невозможно было бежать. Стартовые площадки пустовали, ради соблюдения мер строжайшей секретности на Луне-24 не базировались даже обязательные для удаленных поселений аварийно-спасательные корабли.

Смена караула прошла два часа назад. Операторы в башнях заступали на двенадцатичасовое дежурство. Связь между отдельными постами проходила в режиме реального времени по каналам локальной сети.

Унылая, как окружающий рельеф, приевшаяся до тошноты перекличка.

– Контроль, вызываю посты.

– Первый, все спокойно.

– Второй, у меня тихо.

– Третий?! - Дежурный офицер, не дождавшись доклада, повысил голос. Спит он там что ли?

Оператор третьего поста не спал. Он с возрастающим удивлением постепенно переходящим в неприятный холодок, крадущийся вдоль позвоночника, наблюдал, как в полусфере масс-детектора одна за другой появляются алые засечки.

– Третий пост, - тревога! Пятнадцать активных сигналов на масс-детекторе!

– Третий спокойнее. Что ты несешь?!

– Сэр, проверьте показания приборов!

– Четвертый - подтверждаю! - У меня двадцать четких сигналов, плюс

три неявные сигнатуры! Это космические корабли. Фрегаты!

Дежурный офицер тупо смотрел на показания расположенного перед ним масс-детектора. Он пытался решить внезапную дилемму - поверить показаниям локационной системы или вызывать ремонтную бригаду для поисков неисправности?

Двадцать четыре фрегата. Две группы по двенадцать объектов с четкими недвусмысленными сигнатурами.

Бред. Такого количества однотипных фрегатов не наберешь во всем секторе Окраины!..

– Так, сохраняем спокойствие. Общая тревога! Скорее всего, это сбой локационных систем…

– Какой к фрайгу сбой?! Оптические умножители передают изображение! Это фрегаты! …

«Игла» маневрировала на границе метрик, когда в трехмерном космосе унылые ландшафты Луны-24 осветили реактивные факела ракет класса «земля-космос», стартовавших на перехват сохраняющего полную радиотишину и тем более зловещего флота.

– Есть первый запуск! - Дитрих довольно подмигнул Вадиму. - Они начали противодействие!

– Еще бы. Я бы и сам поверил в такие сигнатуры.

На самом деле в космосе двигались выпущенные с борта «Иглы» генераторы искусственного тяготения, доработанные с учетом успешного опыта отгремевшей много веков назад войны.

Полноценные *энергетическиемодели фрегатов* , способные обмануть локационные комплексы, имитировали не только массу космического корабля, но и характерный тепловой контур, вкупе с голографическим изображением и иными спектрами сопутствующих излучений, дающих в своей сумме полноценный сигнал, распознаваемый приборами обнаружения как космический корабль.

Ни один из датчиков по результатам экстренного тестирования не выдал сообщения об ошибке. Вся аппаратура работала исправно, докладывая, что к спутнику газового гиганта приближаются, набирая скорость атакующего броска, две группы космических кораблей.

Операторы ракетно-лазерных комплексов недолго пребывали в замешательстве.

Человеческий фактор. Из явного преимущества он быстро перешел в разряд недостатков системы планетарной обороны. Люди, запертые в стенах укрепленных огневых точек, быстро почувствовали себя одинокими, уязвимыми - воображение работало по полной программе, живо

обрисовывая ближайшие перспективы.

Голос рассудка тонул в захлестнувшей разум волне страха - каждый ясно видел зловещие контуры фрегатов на экранах оптических умножителей.

Первым не выдержал затянувшейся паузы офицер, возглавлявший оборону тюремного комплекса.

Он должен был выпустить навстречу объектам зонды для дополнительного сканирования, но вместо этого хрипло скомандовал в коммуникатор:

– Огонь!… Всем комплексам - беглый огонь на поражение!..

Захлестнувший офицера ужас перед суммарной мощью приближающегося флота оказался сильнее любых подозрений, выше здравого смысла…

Несколько минут спустя в космосе засверкали первые вспышки ракетных попаданий.

Вадим и Дитрих потрудились на совесть, не пожалев ни времени, ни средств из скудных бортовых ресурсов «Иглы». Эмиттеры суспензорного[28] поля, включенные в схему генераторов, были оснащены системой анализа и моделирования, вычисляющей какие отсеки корабля могли быть поражены при разрыве. В результате часть генераторов отработала двигателями коррекции, имитируя противоракетный маневр, а к сигнатурам добавилось характерное сияние суспензорных полей, обычно применявшихся для экстренной герметизации пораженных отсеков.

Локационные комплексы показывали, как сломался строй атакующих кораблей, на экранах оптических умножителей было отлично видно, что трем фрегатам нанесен серьезный урон - об этом явно свидетельствовали множественные сполохи зеленоватого сияния защитных полей…

Бой в пространстве разгорался. За первой волной реактивных снарядов последовал залп тяжелыми ракетами с ядерными боевыми частями.

Изображение на экранах подернулось рябью. Несколько кораблей противника внезапно исчезли, словно пламя ядерного распада сожгло их.

Определить истину уже не взялся бы ни один специалист. Бешеные удары энергий, сгорающие обломки отработанных ступней ракет, сигналы от продолжающих сближаться с планетой кораблей противника, разрастающиеся пятна суспензорных полей - все смещалось, создавая напряжение настоящей схватки.

Часть фрегатов сбилась с курса, имитируя неуправляемый дрейф, но

большинство продолжало неумолимо приближаться к планете.

Комплексы противокосмической обороны, исчерпав тактический боезапас тяжелых ракет, перешли на огонь лазерных установок.

– Они выдыхаются. Ракеты закончились. - Произнес Вадим, неотрывно отслеживавший развитие ситуации. - Пять генераторов уничтожено.

– Еще две минуты. - Дитрих не смог скрыть своего волнения. В первый раз он применял навыки кибрайкера не в виртуальной реальности. От подобного опыта становилось не по себе… - Две минуты при такой интенсивности лазерного огня и накопители защитных систем истощат свой ресурс. - Озвучил он собственные мысли.

– Я начинаю обратный переход. - Ответил Рощин. - Расчетная точка всплытия в десяти тысячах километров от поверхности планетоида.

– Добро… Дитрих мысленно переключился на непосредственное управление системами вооружений «Иглы». - Я готов.

– Все! Есть попадание!.. Это был последний!.. - Торжествующий выкрик вдруг сменился гробовой тишиной.

Сигнатуры исчезли.

Счетчики оперативного боекомплекта показывали нули. Световые индикаторы систем накачки лазерных установок сползли в красную зону.

Командовавший обороной офицер смотрел на экраны, уже не веря своим глазам.

Не было материальных обломков, которые свидетельствовали бы об уничтожении двух десятков кораблей класса «фрегат».

В пространстве клубились лишь пылевые облака: атака флота проходила в зоне разреженного пояса астероидов, часть которых превратилась в радиоактивную пыль.

На фоне затмевающего звезды багрянца двигались несколько не подающих признаков энергетической активности небольших по размерам аппаратов, похожих на автоматические разведывательные зонды.

И все. Иных материальных свидетельств отгремевшего боя и одержанной победы попросту не было!..

После предельного напряжения перед глазами мельтешили мелкие искорки.

Кровь глухо стучала в виски.

– Еще одна сигнатура! Дистанция десять тысяч! Класс «фрегат»!..

«Игла» вышла в трехмерный космос и сразу же включила установки маршевой тяги, начиная стремительное сближение с лишенной атмосферы луной.

Появление нового корабля встретили разрозненные залпы вакуумных орудий, но снаряды, предназначенные для поражения истребителей и штурмовых модулей противника, не могли причинить серьезных повреждений мощной броне фрегата.

Взгляды защитников метались между показаниями датчиков систем вооружений и приближающимся исполином.

Все накопители разряжены. Устройства накачки не работают. Ракетные шахты пусты - со складов только что пришло сообщение о начале загрузки сменного боекомплекта в транспортные вездеходы.

Единственная надежда на противодействие растаяла как дым.

С дистанции пяти тысяч километров «Игла» произвела единственный залп, поставивший точку в сумасшедшем сражении.

Мощные потоки когерентного излучения ударили по системам энергоснабжения, отсекая башни противокосмической обороны от централизованного питания.

Эфир полнился проклятьями.

Защитникам тюремного комплекса оставалось лишь наблюдать как семисотметровый фрегат, искусно маневрируя двигателями коррекции, парит над поверхностью кратера, начиная плавное снижение непосредственно над зданиями.

* * *

Огюст Дребуа был вне себя от ярости.

– Что значит - атакована?! Кем?!

Болваны. Никто не мог ответить ему ничего внятного.

Какой-то злой рок. Неизвестный флот атаковал Луну-24?!..

– Идиоты! Тупицы! Где вы видели флот, состоящий из однотипных кораблей? Такого количества фрегатов нет ни у одной корпорации!

Он готов был порвать своими руками того недоумка, что командовал планетарной обороной.

– Доложите о потерях. Что? Что значит - нет? Никто не погиб? Да я не том спрашиваю!

Ему понадобилось сделать над собой усилие, чтобы успокоиться и выслушать доклад.

Проклятье…

Давно Огюст не испытывал такой иррациональной всепоглощающей ярости. Наверное потому, что отвык принимать вызовы.

Нервы ни к фрайгу… Он отключил канал гиперсферной частоты и встал, нервно прохаживаясь по кабинету.

Постепенно ярость отступила.

Нужно все обдумать. Провести скрупулезный анализ ситуации.

Рассудок понемногу прояснился.

Дребуа вернулся к рабочему терминалу, грузно сел в кресло и задумался. Эту атаку нельзя соизмерять материальными или людскими потерями. Все гораздо сложнее и серьезнее. Израсходованный боекомплект, конечно, стоит денег, как, впрочем, и замена энерговодов, ремонт взломанного шлюза, но о таких мелочах в его бизнесе не пристало и думать.

Важен сам факт посягательства на его собственность. Луна-24 относилась к категории тщательно законспирированных объектов, о существовании тюремного блока и связанных с ним лабораторий знали лишь единицы, а об истинном предназначении комплекса не догадывались даже его непосредственные сотрудники, включая биологов. Разделение труда и информации обеспечивало надежную защиту истины. На Луне-24 отбирались генетические образцы, велись наблюдения за поведением мнемоников и кибрайкеров, но вся информация, полученная в стенах тюремных блоков и лабораторий, обрабатывалась в другом месте, а каждый сотрудник секретного центра знал лишь свой узкий круг обязанностей.

Впрочем, никто из обслуживающего персонала не пострадал.

Исчезли трое заключенных. Два мнемоника и кибрайкер. Из-за событий на Фрисайде и срочного заказа сделанного корпорацией «Инфосистемз» резко сократилось количество экспериментов - почти всех заключенных пришлось задействовать по ту или иную сторону конфликта.

В этом заключалась ошибка. Огюст понял, что пожадничал, не устоял перед соблазном сверхприбыли. Вот где нужно искать разгадку внезапной атаки на Луну-24.

Да, вне сомнения, кто-то из бывших заключенных ускользнул с Фрисайда.

Двойственная ситуация. К кому обратиться? Вряд ли стоит связываться с проницательным, слишком умным и логичным Найджелом. Он быстро сообразит, что Дребуа использовал ситуацию в своих целях. Хотя он, наверное, и без того понимает, что провести тотальную мобилизацию кибрайкеров для усиления защиты Фрисайда, без участия Огюста попросту невозможно.

Дело дрянь. Что если это выходка Найджела?

Огюст все глубже погружался в пучину далеко не радостных мыслей.

Месть? Но за что? Подумаешь, продал десяток кибрайкеров группе «Эхо»… Что в этом особенного? Другое дело если бы он раскрыл тайну готовящейся на Фрисайде операции, но здесь Дребуа был чист. Он ни словом не обмолвился о подготовленной им группе боевых мнемоников. Да и акция «Инфосистемз» увенчалась успехом - Фрисайд был оккупирован в рекордно-короткий срок, всего за сутки…

Промышленная группа «Эхо» лишилась не только спорных территорий, но и всего флота, за исключением одного фрегата, сумевшего совершить дерзкий гиперпрыжок.

Стоп…

А кто находился на борту?

Огюст вдруг почувствовал, что ухватился за кончик нити.

На Фрисайде всем заправляли кибрайкеры. Они и только они могли манипулировать древними кибернетическими системами. Корпоративный флот обрушился на планету когда корабли противоборствующей стороны находились в планетарных доках, где проходили срочное перевооружение, - об этом во всеуслышание заявил пресс-секретарь «Инфосистемз», прозрачно намекнув, что его корпорация справедливо «дала по рукам» зарвавшимся дельцам, не погнушавшимся нарушить запрет на использование тяжелых типов вооружений времен Первой Галактической.

Теперь картина стала проясняться.

Без непосредственно участия кибрайкеров, контролировавших древние системы, перевооружение флота неосуществимо. Значит, на ускользнувшем с планеты фрегате находился как минимум один из них. Причем обязательно из числа тех, кто попал на Фрисайд непосредственно с Луны-24, иначе два события не связать логически.

Да. Теперь Огюст был уверен в правильности сделанных выводов. И способ атаки, и ее цель, - освобождение узников, - полностью вписывались в логику мышления кибрайкера, доведенного до стадии отчаяния.

Одного не мог понять Дребуа - почему атака обошлась без жертв?

Случайность? Сомнительно. Кибрайкеры не те личности, что церемонятся по поводу средств достижения поставленной цели. Они зачастую импульсивны, склонны к быстрому принятию решений и импровизациям. Здесь же проведена сложнейшая акция, требующая проработки всех деталей, и тщательного, скрупулезного исполнения составленного плана. Больше похоже на работу квалифицированного мнемоника.

В конце концов, у Огюста разболелась голова.

Змеиныйклубок ….- С вернувшимся раздражением подумал он.

Однако, Дребуа пришел к определенным выводам. Теперь круг подозреваемых сузился до девяти человек - кибрайкеров, бывших заключенных луны-24.

Что ж, уже проще… Теперь можно подумать как подключить к его поимке силы ведущих корпораций сектора. У Дребуа, к сожалению, пока не было собственного флота, способного выследить и ликвидировать боевой фрегат.

Надо подумать, как преподнести эту проблему Найджелу. В конце концов, развитие рынка мнемоников в интересах всех корпораций Окраины.

* * *

Спасенных, действительно, было всего трое.

Два мнемоника, - Лиза Браун и Андрей Шмелев, достаточно быстро оправились от действия нервно-паралитического газа, а вот кибрайкер, совсем еще юный, едва достигший восемнадцатилетнего возраста чувствовал себя скверно - внезапный рецидив дали произведенные недавно имплантации.

Сергей Гайтанов (так звали кибрайкера) пришел в себя только на вторые сутки после того, как «Игла» покинула систему Луны-24.

Они находились в глубоком космосе, фрегат осуществил всплытие на границе Рукава Пустоты, требовалось время, чтобы реакторы зарядили накопители гипердрайва, и Вадим решил использовать паузу для откровенного разговора с освобожденными узниками.

Притихшие, молчаливые, бледные - они смотрели на Вадима и Дитриха настороженно, еще не зная радоваться внезапному вызволению или же напротив, проклинать его?

На Окраине нельзя поручиться кто твой друг, а кто враг. Власть денег и закон силы извращали многие понятия, потому первые слова Вадима были восприняты с настороженностью и недоверием.

Он скупо обрисовал события на Фрисайде, уделив особое внимание внезапному разрушению имплантированной ему памяти. Не останавливаясь на частностях противоборства двух корпораций, Рощин делал упор на личные ощущения, и постепенно, по мере того, как он говорил лица, Лизы и Андрея прояснялись, их взгляды уже не были такими колючими, настороженными, лишь Гайтанов по-прежнему смотрел исподлобья.

– Мы атаковали Луну-24 в надежде спасти большое число заключенных, - Откровенно признал Вадим. - Не смотря на внесенные усовершенствования «Игла» нуждается в минимальном экипаже, хотя бы из десяти человек, иначе при встрече с серьезным противником мы с Дитрихом не сможем полностью контролировать корабль.

– Вы предлагаете нам стать частью экипажа «Иглы»? - Спросил Шмелев.

– Да. - Вместо Вадима ответил Дитрих. От его внимательного взгляда не укрылось как побледнел при Гайтанов, а Андрей неосознанно сжал кулаки.

– Я готов. - Ответил мнемоник. - А ты, Лиза?

– У меня свой счет к корпорациям. Вадим прав, они надругались над нашими личностями.

– А вот я не просил меня спасать, - внезапно произнес Сергей. - Мне обещали хорошую работу после имплантаций. Какого фрайга вы влезли в мою судьбу?

Рощин не ожидал услышать что-то подобное от узника, над которым ставили опыты. Или Гайтанов не понимал этого?

– Сергей, тебя обманывали. Луна-24 даже не тюрьма, а комплекс экспериментальных лабораторий, где проводились рискованные опыты по имплантированию. Ты скверно себя чувствуешь, понимаю. Но и ты должен понять: на Окраине торговля кибрайкерами и мнемониками превращена в бизнес, существует целая сеть подпольных клиник, выполняющих заказы корпораций.

– И вы решили ее разрушить?

– Об этом еще рано говорить. - Ответил Рощин. - Буду откровенен: я не знаю, какой оборот примут дальнейшие события. Луна-24 лишь рядовое звено, узелок огромной сети, опутавшей всю Окраину. Не корпорации создают мнемоников и кибрайкеров. Они формируют спрос на определенных специалистов, не задаваясь колкими, с точки зрения морали вопросами. Меня интересуют не столько они сколько независимая сила, присвоившая себе право уродовать детей, вершить наши судьбы, сочинять нам прошлое, прививать преданность лживым идеалам. Тебе Сергей. Была бы уготована пусть бурная. Но короткая карьера. Можешь спросить у Дитриха, долго ли живут кибрайкеры? Мы все - ценный товар и в то же время - расходный материал.

– Не хочу я слушать эту чушь. - Вспылил Гайтанов. - Пока что не мифическая сила, а вы - он с вызовом посмотрел на Вадима и Дитриха - вы сломали мою судьбу.

– Что ж. - Кроу сохранял завидное самообладание. - Можешь считать, как тебе угодно. Надеюсь, пройдет немного времени, и ты поймешь, что ошибался, когда мы начнем распутывать этот змеиный клубок, чтобы добраться до его центра. Не хочешь помогать нам - чувствуй себя гостем на борту «Иглы». Большего я сейчас предложить не могу.

Гайтанов не ответил.

Насупившись, он смотрел в пол размышляя над своими проблемами.

– Мы не развязываем оголтелой войны против всего сущего. - Нарушил воцарившуюся тишину Вадим. - Главное мы свободны. Вольны принимать решения не по чьей-то указке, а в силу собственных убеждений. Это касается и тебя, Сергей. Если твое мнение не измениться, то можешь не сомневаться - я найду способ «восстановить» твою карьеру. Всегда найдутся люди, кому требуются услуги кибрайкера. Мы же, - он повернулся к Андрею и Лизе, - будем собирать информацию, касающуюся системы теневых клиник, завуалированных под корпоративные школы и учебные центры. В конце концов, Окраина находиться под юрисдикцией Совета Безопасности Миров - туда мы передадим собранные сведения.

Глава 6

Два месяца спустя. Бот фрегата «Игла»…

Все получилось не так, как рассчитывал Вадим.

Ресурсы. Фрегат, как и любой космический корабль, нуждался в их постоянном пополнении.

Рощин постепенно начал понимать: тропа борьбы, на которую он ступил, узка, коварна и обрывиста.

После тяжелых размышлений он хотел идти за советом к Дитриху, но остановил себя.

Совет ли я хочу получить? Или разделить ответственность за принятие решения?

Что происходит в душе человека, когда средства достижения цели идут вразрез с внутренними убеждениями?

Во что превратиться борьба, если ежедневное поддержание живучести фрегата толкает на откровенный грабеж? На кого я стану нападать? Грабить молодые, не успевшие окрепнуть колонии? Атаковать транспортные конвои, лишая необходимых грузов не корпорации, а (глядя правде в глаза) конечного потребителя, обыкновенного колониста, которому отнятые ресурсы могут стоить и жизни в том числе…

Тяжелые мысли. Тупик?

Нет, безвыходных ситуаций не бывает. Есть люди не способные найти верное решение - мысленно упрекнул себя Вадим.

Что бы там не говорил ему Дитрих о реальной жестокости современного мира, и неизбежных «издержках» любой борьбы, Рощин не мог принять навязанных ему условий. Все теряло смысл, обрастало отвратительными требованиями, которые извращали смысл его порывов, низводили их до рамок обыкновенного разбоя.

Вадим лежал, не в силах уснуть. Ресурсов осталось на месяц автономного полета. Заработать средства для их покупки - невозможно.

Как не ворочайся, Рощин, выход один - на большую дорогу. Грабить конвои, а потом… потом втянешься, найдешь оправдание.

Он резко сел, едва не ударившись головой о низкий выступ системы кондиционирования тесной каюты.

Почему я не испытываю чувства вины, к примеру, за угон фрегата? - Зло подумал он.

Потому что «так вышло»? Не планировалось заранее, а получилось

само собой, под давлением обстоятельств?

Он знал, что ему ответит Дитрих. Он скажет: нельзя идти по грязи и не испачкаться при этом самому. И усмехнется, потому как будет прав.

Отказаться от борьбы? Собрать свой немногочисленный экипаж и объявить, что все, разбегаемся по сторонам?

Но они верят ему. Даже Дитрих со своим извечным скепсисом. Верят, на собственной шкуре испытав, что такое рабство.

Как бороться против отлаженной, существующей уже не один век системы вседозволенности, сохранив при этом не «лицо», но душу?

Ответ он нашел лишь под утро.

Очередное собрание экипажа «Иглы» проходило в навигационном отсеке, наиболее просторном и комфортабельном по меркам боевого космического корабля.

Рощин не стал излагать своих сомнений. Он сразу перешел к делу, озвучив сначала насущные проблемы, а затем способ их устранения.

– Корабль нуждается в ресурсах, для текущего ремонта, самоподдержания систем и пополнения запасов активного вещества. Без стабильной работы термоядерных реакторов фрегат будет обречен. Мы не сможем совершать гиперпространственные прыжки и, в конечном итоге, станем легкой добычей любого из корпоративных флотов.

Его монолог был выслушан в гробовой тишине.

– Мы не можем атаковать коммерческие конвои или позволить себе разбойное нападение на какую-либо колонию. - Продолжил развивать свою мысль Рощин.

– Это почему?.. - Попытался вступить в спор Дитрих, но Вадим жестом остановил его, попросив дать ему высказаться до конца.

– На Окраине, по моему личному мнению, есть всего пять объектов, атака которых не приведет к жертвам среди мирного населения, и не отягчит нашу совесть, такими понятиями как «разбой».

– Очень интересно… - Не выдержав, все же перебил его Кроу. - И что это за «объекты»?

– Склады РТВ[29] военно-космических сил корпораций.

– Спятил? Я туда по сети-то не рискнул бы соваться, а ты что на полном серьезе, собираешься в «реале» брать их штурмом? Одним фрегатом?

– Альтернатива есть?

– Слушай, давай я просто взломаю кредитный банк Форта Стеллар, так будет надежнее.

– Дитрих, замолчи.

– А почему ты затыкаешь мне рот? Что я задолжал этому миру? Ты бредишь, Вадим. Склады РТВ - кибернетический ад, там даже мнемоников нет, все автоматизировано и не нуждается в присмотре. Системы просты и функциональны до полного абсурда, их не взломаешь, потому что программы защитных комплексов намертво «зашиты» в чипах, которые самоликвидируются при попытке вмешательства в код. И таких чипов, я имею ввиду резервных, у каждого сервомеханизма с десяток! Они не просто функциональны - я бы сказал сверхфункциональны!.. Уж об этом позаботились, так, что любому кибрайкеру тошно станет. Это тебе не сеть, а набор из миллиона изолированных исполнительных устройств, которые тупо изрешетят тебя на дальних подступах, даже имени не спросив!

– Задача сложная, согласен. Но, атакуя склады РТВ, мы получим все необходимое, не причинив морального или материального вреда никому, кроме тех, кто непосредственно покупал и продавал нас, как экзотических животных или дорогие машины, можешь выбрать термин по вкусу.

– Ладно! - Дитрих скрестил руки на груди. - Посмотрим, как ты решишь эту задачу. Только не вводи в уравнение мою жизнь в качестве переменной, договорились?

– Я не буду продолжать спорить, тем более в таком тоне. - Собрав все самообладание, ответил Вадим. - Я предлагаю задачу и прошу вместе подумать над ее решением.

Андрей Шмелев и Лиза Браун, молча слушавшие Вадима и Дитриха, переглянулись.

– Можно высказать мнение? - Произнес Андрей, нарушив возникшую паузу.

– Да, конечно.

– Я считаю, что есть смысл попробовать. По крайней мере, мы можем проработать один или несколько планов и убедиться, осуществима поставленная задача, или нет.

Дитрих лишь саркастически хмыкнул.

– В любой системе есть узкое место. Нужно только найти его, выявить недостаток. - Неожиданно поддержала Андрея Лиза. - Кстати, а почему склады РТВ полностью отданы во власть машин?

– Корпы боятся элементарного предательства. У человека много слабостей. Больше, чем ты надеешься найти у сонмища автономных механизмов. - Ответил Кроу. - Могу сказать, что в свое время мне предлагали разработку подобной акции, правда на уровне виртуальной атаки. Я подумал и поначалу отказался.

– Почему? - Насторожился Вадим, зная авантюрный характер Дитриха.

– Потому что там нечего взламывать! - Огрызнулся кибрайкер. - Абсолютно провальная, бредовая идея!

– Ну-ка, поподробнее, начиная со слова «идея»? - Вадим уселся в кресло, всем видом показывая, что готов слушать.

Кроу мрачно посмотрел на него, но все же ответил:

– Примерно за год до событий на Фрисайде у меня истек контракт с небольшой, но весьма успешной частной фирмой, занимавшейся торговлей информацией.

– Краденой информацией? - Уточнил Рощин.

– В том числе. - Сухо ответил Дитрих. - Так вот, мне предложили возобновить контракт еще на пять лет, но я отказался. Это очень не понравилось моему бывшему работодателю, - слишком много я знал. Пришлось выкручиваться, даже на некоторое время прекратить свою деятельность и в полном смысле «залечь на дно». Все происходило на Квердайке - сравнительно молодом мире Окраины, откуда трудно выбраться незамеченным, - у планеты только один космопорт. Скрываясь, я узнал, что транспортные корабли иногда садятся на втором материке, где идет активный процесс терраформирования. Пришлось завербоваться в отряд планетного преобразования. Там я познакомился с совершенно опустившимся компьютерным техником. Подозреваю, что он был в стадии белой горячки, - джунгли Квердайка гиблое место, поэтому освоение новых территорий удел неудачников и отщепенцев. Два месяца я пробыл там: сущий ад, другого слова не подобрать. Транспортный корабль так и не прилетел в назначенный срок, а выдерживать дальше борьбу за «жизненные пространства» оказалось выше моих сил. Единственное, что мне удалось вынести из диких лесов Квердайка, стало отвращение к всякого рода растительности, да еще бредовые откровения моего напарника, который утверждал, что занимался монтажом оборудования на базе РТВ корпорации «Инфосистемз». Я бы ни за что не поверил ему, но в минуты просветления он действительно демонстрировал настоящий талант компьютерного техника. За два месяца он успел многое выболтать, а память у меня цепкая. В общем, в конце концов, я все же выбрался оттуда, проведя двое суток в грузовом отсеке транспортного корабля. В бортовой декларации я значился как «особо хрупкий антикварный груз», - Мрачное настроение Дитриха сменилось озорной усмешкой. - На Эрлизе, куда я попал, подходящей работы не нашлось. Мне надоело скрываться, настроение было гнусным, перспективы не лучше.

– И ты вспомнил о кодах технического доступа?

– Догадливый. База РТВ меня особо не интересовала, - там нечего взять через сеть. Но кроме робототехнических вооружений на территории складов есть компьютерный центр, где храниться нечто, исключительно ценное. Так, по крайней мере, утверждал тот компьютерный техник. Теперь я думаю, что у него было обострение галлюцинаций из-за гиблого климата Квердайка.

– Какой смысл строить на территории базы РТВ компьютерный центр? - Спросил Андрей. Он долгое время работал на корпорацию «Инфосистемз», но, тем не менее, только сейчас впервые услышал о самом факте существования складов РТВ.

– Смысл есть, и старик, как выяснилось, не лгал. Но сама акция закончилась для меня плачевно. Глупо было действовать против корпорации, находясь на территории ее главной планеты. Меня не спасли ни меры предосторожности, ни «плавающий» канал гиперсферной частоты, которым я воспользовался для контакта с удаленной сетью. Меня вычислили, в буквальном смысле этого слова, но прежде чем взломать двери гостиничного номера, откуда я производил атаку, они дали мне вволю помучиться, одновременно проверяя дееспособность оборонительного комплекса.

– Тебе не удалось прорваться к заветным базам данных?

– Нет. Я их даже не почувствовал. Контакт с сетью возможен только через посредничество сотен соединений, в виртуалке это сущий лабиринт, где угадать следующий шаг правильной последовательности так же сложно как в «реале» пройти через незнакомые тебе катакомбы.

– Ты говоришь под явным впечатлением. Что же так повлияло на твой рассудок, Дитрих?

– Виртуальная клаустрофобия. Я объясню. Это чувство возникает, когда твое сознание вливается в очередной электронный блок, и вдруг… щелчок обыкновенного *доисторического* переключателя отрезает тебя от сети. Все. Абзац. Ты ощущаешь себя внутри крошечной коробочки с несколькими микрочипами, которые через пару секунд войдут в режим самоликвидации и сгорят вместе с твоим рассудком, - вот что такое виртуальная клаустрофобия. Это ожидание неизбежности, которое вдруг оборачивается чудом: тебя хватают, выдирают из виртуалки, и поверь, Вадим, я улыбался ребятам из мнемонического отдела, как родным, они были для меня в тот момент, как спасатели для погребенного под руинами здания человека. Просто представь, как я сидел на металлическом стуле и улыбался им, ощущая, как одна рука полицейского держит у моего лба

импульсный пистолет, а пальцы другой выдирают нейромодули из гнезд имплантов. Я был счастлив, потому что познал настоящий ужас.

– Душераздирающая история. - Вадим встал, прохаживаясь по отсеку.

– Издеваешься?

– Упаси Бог. Я не хотел бы оказаться на твоем месте, поверь. Но заработанные фобии - еще не повод говорить о полной неприступности баз РТВ.

– Ох, и упрям же ты, Рощин. Думаешь, потом, уже на Луне-24 я не размышлял над случившимся? Жаль, что все мои свидетели остались на Фрисайде, но клянусь, - мы с парнями проанализировали каждый сделанный мною шаг. Не скрою, коды технического доступа к устройствам оказались верными, но что с того? Не зная правильной последовательности соединения сотни автономных систем, ты не доберешься до центральной сети. А войти в прямой контакт с ее устройствами нет никакой возможности.

– Но речь идет не о виртуальном вторжении.

– Я понимаю. Но, пройдя через полтора десятка локальных устройств, я вполне отдавал себе отчет об их материальном предназначении. Они - изолированные друг от друга, сверхнадежные узелки глубоко эшелонированной обороны. Находясь внутри, читая программное ядро, я видел их, как на ладони.

– Значит, у нас уже есть бесценный опыт твоего вторжения. Фундамент, точка опоры. Ты все делал один, Дитрих. А теперь нас четверо. И мы уже не попадем в ловушку, потому что знаем о ней. Ну, признайся, ты ведь не стал бы подвергать всестороннему критическому анализу собственные просчеты, если не собирался вернуться туда?

– Не усложняй. В тюрьме надо было чем-то заниматься, чтобы крыша не съехала. Вот мы и разбирали с парнями свои прошлые неудачи. В моем случае все дружно зашли в тупик. Решения не нашлось.

– Тогда нам остается обобщить твой опыт и думать, как действовать в «реале», пока не доберемся до первого кабельного соединения с загадочной сетью.

– Вадим, объясни, ты действительно ничего не понял? Почему мой рассказ не подействовал?

– Напротив, я понял.

– Что к примеру?

– Твое подсознание, Дитрих, должно сохранить схему построения планетарной обороны. Если позволишь достать ее, мы сможем создать математическую модель и найти уязвимое место.

Кроу лишь сокрушенно махнул рукой.

– Ты согласен?

– Делайте что хотите.

* * *

Дитрих действительно поделился всей имеющейся у него информацией.

Собрав все, вплоть до собственных ощущений в единый файл, он не «умыл руки», но продолжал участвовать в обсуждениях в качестве постоянного критика.

Шли дни.

Один за другим рушились планы, ресурс «Иглы» подходил к концу, когда неожиданное решение предложил… Гайтанов.

Появившись в компьютерном центре в момент горячего обсуждения очередной виртуальной модели, он некоторое время слушал споривших друг с другом мнемоников, а потом сказал:

– Меня выслушаете?

Все обернулись.

Сергей уже вполне оправился физически, но моральный кризис, похоже, не преодолел: ходил постоянно мрачный, как туча, редко вступал в разговоры, в основном отмалчивался, и вот, пожалуйста, - оказывается, он то же ломал себе голову над общей проблемой.

Впрочем, зная натуру кибрайкеров, Вадим не особо удивился такому ярко выраженному индивидуализму. Просто Сергей все еще ощущал себя одиночкой, да и сейчас пришел лишь потому, что нашел кажущееся верным решение.

– Мы слушаем.

Гайтанов вернул компьютерную модель базы РТВ и защищающих ее оборонительных комплексов к исходному виду.

На голографической модели были выделены те склады, где по внешним признакам хранилось столь необходимые для реакторов фрегата активное вещество. Стратегический резерв корпоративного флота надежно защищали сотни автономных устройств. Общая структура базы РТВ напоминала одноэтажный город со строгой, геометрически выверенной планировкой отдельных «кварталов».

– Вы постоянно допускаете одну и ту же ошибку, рассматривая систему обороны как единое целое. - Произнес Сергей. - Дитрих же ясно

объяснил: каждое устройство, прикрывающее территорию базы от атак автономно. Значит - он очертил лазерной указкой две узких полосы вдоль одной из «дорог» - вот эти комплексы нужно рассматривать, как отдельные объекты атаки.

Вадим, ожидавший услышать что-то новое, разочарованно вздохнул.

– Мы уже рассматривали такой вариант. Понятно, что расчистив зону снижения грузовых модулей, мы получаем беспрепятственный доступ к хранилищам активного вещества, но моделирование приводит к неприемлемому результату: огневой мощи «Иглы» не хватает, чтобы стремительно подавить все без исключения огневые точки. В итоге фрегат получает критические повреждения, на устранение которых потребуется несколько суток бортового времени. А мы не будем располагать даже двенадцатью часами. Корпоративный флот появится у атакованного объекта через шесть часов после поступления сигнала тревоги. Это максимум времени, на которое мы можем рассчитывать.

– А зачем подставлять фрегат под ответный огонь защитных комплексов? Дитрих убедительно доказал, что базу РТВ прикрывают исполнительные механизмы, у которых нет централизованного управления. Каждая огневая точка будет исполнять собственную задачу, нимало не заботясь о других. - Гайтанов мысленно вызвал в область модели часть машинного кода, который запечатлела память Дитриха. - Оборону базы проектировали, исходя из реальных тактико-технических характеристик современных кораблей. Я проверял: количество комплексов противокосмической обороны таково, что ни один из существующих кораблей не сможет совершить не санкционированную посадку - по определению его сбивают на высоте десяти-пятнадцати километров. Тем не менее - он указал на код - углы поворота установок и сектора обстрела явно «занижены» на тот фантастический случай если кто-то все же сумел прорваться к поверхности. Обратите внимание - зоны запрета для ведения огня не существует. Почему?

– Потому что у каждой установки есть система наведения на цель. Машины не промахнуться, даже не надейся на это.

– Их слабое место - в точности расчетов. - Спокойно ответил Сергей. - Максимальная скорость, какую способен развить малый корабль, известна. Реакция механизмов сопоставима, и они действительно не промахнутся. А теперь смотрите. - Гайтанов мысленным усилием сформировал в пространстве модели два АРК[30] . - Я установил на каждый корабль по четыре дополнительных двигателя. Следите за эффектом.

Эффект действительно оказался потрясающим.

Все гениальное - просто. Автоматический корабль способен выдержать запредельные для человека перегрузки, возникающие при ускорении. Форсировав силовые установки АРК, Сергей добился двойного приращения в скорости. В результате возникала фатальная для систем противокосмической обороны ошибка: они распознавали АРК, и передавали в блоки наведения известные тактико-технические характеристики. Исходя из полученной информации, рассчитывались углы упреждения при стрельбе, но в действительности цель двигалась в два раза быстрее…

– При такой скорости АРК лишены возможности маневрирования, а блоки управления огнем в конечном итоге внесут правильную поправку на скорость, не настолько они тупы.

– Будет поздно. - Ответил Гайтанов. - Сегодня внезапно наступил час его торжества, триумфа, и он разительно изменился: глаза блестели, исчезла отчужденность, он как ребенок готов был скакать на месте от радости, что все получается.

– Смотрите. - Он вернул модели в исходное положение. - АРК способны лишь к одному маневру - плавному снижению курса относительно поверхности планетоида. Здесь мы их и поймаем…

Два разведывательных корабля вновь рванулись вперед.

Ракетно-лазерные комплексы начали немедленное противодействие, но потоки когерентного излучения скрещивались за кормой АРК, а выпущенные ракеты вынужденно маневрировали, пристраиваясь «в хвост». Прошло пять, затем десять секунд, но ни одна боеголовка не смогла догнать корабли - у них не хватало скорости. Лазерные лучи начали подбираться к цели, блоки управления огнем действительно внесли поправку, но…

– Они не связаны в сеть! - Торжествующе прокомментировал Сергей. - Каждому новому комплексу, вступающему в противодействие, нужно *самому* вырабатывать адекватное ситуации решение, а на это они либо не способны, либо теряют драгоценные секунды!

Тем временем два АРК, за которыми следовал плотный рой ракет, уже вышли из зоны действия тех установок, что внесли правильную поправку на скорость, но эти данные действительно оказались бесполезны, не востребованы, и новые огневые точки повторяли ошибку, которая теперь имела уже конкретные, фатальные для базы РТВ последствия.

Снижаясь, АРК пересекли условную плоскость, ниже которой любой выстрел, произведенный по кораблю и не достигший цели, поражал какой-

либо из элементов инфраструктуры самой базы!

В объеме голографической проекции воцарился хаос.

Разведывательные корабли неслись в узком разломе «улицы» а за их кормой лазерные турели полосовали *друг друга* , хуже того - начали срабатывать таймеры самоликвидации следовавших по пятам ракет.

В условиях низкой гравитации в безвоздушное пространство над поверхностью сравнительно небольшой луны поднимались тонны обломков; в результате, часть из них воспринималась как цель, остальные же просто вносили хаос в показания сканеров, одновременно блокируя район вторжения от эффективного огня удаленных комплексов противокосмической обороны.

На двадцатой секунде АРК врезались в стеклобетонное покрытие транспортной магистрали и взорвались, вслед им, потеряв цель, начали ликвидироваться реактивные снаряды…

– Потрясающе! - Вырвалось у Вадима.

– Молодец, Серега. - Дитрих потрепал кибрайкера по плечу. - Молчун ты наш!

Тот покраснел. От Дитриха он не ожидал получить похвалы.

– Главное чтобы в момент прохождения АРК в зоне действия сканирующих систем не было иных объектов атаки. - Он все-таки смутился, запнувшись.

– То есть нам придется выпускать корабли из гиперсферы?

– Я все рассчитал. - Гайтанов обернулся к Рощину и добавил: - АРК покинут аномалию двигаясь по вектору атаки, с максимально возможной скоростью. Придется потрудиться над тонкой отстройкой всех систем, но это уже иная часть проблемы, верно?

Вадим кивнул.

Не известно чему он в этот момент радовался больше - решению конкретной задачи и радостному блеску в глазах подростка?

* * *

…В марте 3867 «Игла» после двухнедельной подзарядки в одной из неосвоенных систем дальнего космоса вновь вышла в район оживленных гиперсферных трасс, следуя в пространстве первого энергоуровня аномалии.

День за днем, месяц за месяцем, на протяжении полугода «Игла», оставаясь неуловимой, уходила от преследования объединенных сил

корпоративных флотов.

На счету фрегата числились четыре из пяти известных складов РТВ.

Счет корпораций к Рощину вырос до таких размеров, что вышел за рамки денежного эквивалента.

И все это время ни на сутки не прекращался поиск и анализ данных.

Вадим учитывал все, не пропуская ни одной мелочи. Когда и в каких системах появлялись «легализованные» школы, готовящие мнемоников, кто и каким образом попадал туда на «обучение», - он чувствовал, что все ближе подбирается к центру страшной, бесчеловечной организации…

Оставалось узнать имена тех, кто руководил чудовищным проектом, и нанести удар.

Месть или возмездие, - Вадиму постепенно становилось все равно. Он скрывал свои чувства даже от Дитриха, но понимал: что-то необузданное пробудилось в душе за месяцы напряженнейшей борьбы. Он мысленно уже не полагался на Совет Безопасности Миров.

Рощин все отчетливее осознавал: когда станут известны конкретные имена, он не сможет отдать это дело в чьи либо руки. Слишком многое вскрывалось в ходе поиска, - взлом корпоративных сетей порой выдавал чудовищную информацию, от которой стыла кровь, а под черепной коробкой возникало фантомное ощущение ледяных мурашек.

Нет. Он сделает все сам. Эти люди не заслуживали даже капли снисхождения.

О том, что станет дальше с экипажем «Иглы» он старался не думать.

Сейчас на борту фрегата находилось семь человек, исключительно мнемоники и кибрайкеры, добровольно согласившиеся присоединиться к капитану Рощину.

Он никого не принуждал, полагая, что каждый человек, встреченный им на пути *мести,* волен принимать собственные решения. Он справедливо избегал личностей случайных, но однажды проверенное правило отбора сыграло против него.

– Командир три маркера на масс-детекторах!

Голос Лизы Браун разбудил Рощина.

Сон капитана чуток, пробуждение мгновенно - благодаря своим мнемоническим способностям Вадим даже в короткие периоды забытья умудрялся не покидать виртуального пространства, часть его рассудка всегда была доступна для виртуальной связи, поэтому, открыв глаза, он уже находился в курсе последних событий, словно грезил ими во сне.

– Иду. - Коротко и односложно ответил он.

Одеваясь, Рощин продолжал получать информацию. Иногда в редкие

минуты покоя он задумывался над тем нечеловеческим темпом жизни, что протекала на борту «Иглы». Наверное, в глазах непосвященных, они должны выглядеть командой безумцев, постепенно забывающих, что такое сон, человеческие радости…

Но у них была цель. Общая цель, к которой каждый стремился искренне, без корысти, а что до биохимических изменений в организме, то они, - лишь небольшая часть настоящей цены, которую платил любой из членов экипажа на пути полного слияния двух пространств - виртуального и физического.

Поднявшись на мостик, Рощин застал там не только Лизу Браун, - вся свободная от дежурства смена уже была на ногах.

Подключившись к системе анализа данных, Вадим несколько секунд наблюдал за сигналами на масс-детекторе, одновременно воспринимая скупые выводы тактического компьютера.

За пол года боевых действий он приобрел опыт, который, наверное, не снился офицерам корпоративного флота. Он научился определять класс корабля, его энергооснащенность и вероятное наличие экипажа на борту по мерцающей засечке на масс-детекторе.

Обычно подобный сигнал не нес никакой информации об объекте, но, раз за разом мысленно подключаясь к масс-детектору, Рощин постепенно вышел на иной уровень восприятия энергий: на самом деле сигнал, полученный из трехмерного континуума нес гораздо больше информации, другое дело, что современные приборы, не обладая гибкостью мышления человеческого рассудка, не могли воспринять и проанализировать ее в полном объеме.

Он закрывал глаза, стремясь достичь максимальной концентрации внимания, и зрительный нерв, который в данном случае выступал в роли посредника между разумом мнемоника и датчиками, в определенный момент начинал выдавать в рассудок совершенно иную визуальную структуру сигнала, - он более не являлся мерцающей черточкой на мутно-зеленом фоне, энергетический отпечаток объекта укрупнялся, занимая все «поле зрения», одновременно распадаясь на составляющие его элементы.

Взять, к примеру, едва заметную ауру нежно-зеленого цвета - практически неотличимая от общей «гиперсферной» засветки она прямо указывала на состояние энергетических систем корабля. Сделать подобный вывод мог только человек, путем долгих наблюдений и *размышлений* над увиденным..

Наблюдая за зеленоватым контуром, окружающим сигнал, Вадим обратил внимание, что аура едва отличима от фона гиперсферы. Но что

составляет фон аномалии? Энергии. Значит, - подумалось ему, - интенсивность ауры можно сопоставить со следом работы энергетических цепей исследуемого объекта.

Он начал записывать получаемые образы в отдельные файлы, и когда их накопилось достаточно, провел сравнительный анализ своего восприятия с действительной энергооснащенностью различных классов кораблей.

Так в его распоряжении оказалась база данных, по которой с небольшой погрешностью можно было судить о том, к какому классу относится и какими ресурсами обладает интересующий мнемоника объект.

Со временем потребность в базах данных отпала сама по себе, - накапливался опыт, начинала работать интуиция.

Создавалось полное ощущение того, что разумы мнемоников, пребывая в постоянном напряжении, инициировали некий, не запланированный природой виток саморазвития.

Так час за часом, день за днем в напряженном графике смертельно-опасных будней, ошлифовывался разум, приходило новое восприятие объективной реальности, появлялись неведомые ранее возможности, о которых не догадывались ни «преподавали» закрытых спецшкол, воспитывающих мнемоников для корпораций, ни большинство уже состоявшихся «специалистов по информационной защите».

…В тот день, взглянув на сигналы, обнаруженные датчиками масс-детектора, Вадим привычно закрыл глаза, погружаясь в мысленное восприятие энергии.

Расстояние между кораблями, их энергетическая аура, и некоторые особенности маневрирования позволили ему сделать вывод: в трехмерном космосе продвигается конвой, состоящий из одного транспортного корабля, идущего под охраной двух корветов.

Корветы появились на Окраине сравнительно недавно. Многофункциональные боевые единицы, как правило, полностью автоматизированные, они являлись еще одним технологическим компромиссом между маневренностью и огневой мощью: меньшие по размерам, чем фрегаты, они в беспилотном режиме развивали скоростные характеристики истребителей, сохраняя при этом внушительную огневую мощь.

Опасные противники, вполне способные измотать «Иглу» неожиданными пространственными маневрами и существенно повредить фрегат, выполнив свою основную задачу - любой ценой сопроводить конвоируемое судно в порт назначения.

– Карту системы. - Потребовал Вадим.

Среди экипажа «Иглы» к тому времени сложилась довольно необычная система взаимопонимания. Способность входить в прямой мысленный контакт друг с другом, используя возможности имплантированных кибермодулей, которые транслировали человеческую мысль в машинный код и обратно, создавала некую локальную сеть, существующую вне рамок основной кибернетической системы корабля. Вадим замечал и за собой, и за другими, что люди все реже пользуются речью, а часть оборудования «Иглы» вообще можно было демонтировать за ненадобностью.

Вот и сейчас, он даже не обратил внимания, высказано ли вслух требование, или он только подумал о нем?

Так или иначе, карта звездной системы, в границы которой входил конвой, тут же отобразилась в трехмерном пространстве проекционной сферы стек-голографа, а члены экипажа «Иглы» поднялись на мостик, явно заинтересованные теми выводами, к которым пришел командир.

Вадим не сомневался: любой из них мог проделать то же самое, но, тем не менее, он указал на схему расположения объектов, поясняя:

– Мы на границе системы девятого Омикрона. Анализ сигналов указывает на два корвета и сопровождаемое ими грузовое судно, предположительно: «Элизабет-Дельта».

Вадим указал на далекий маркер планеты и добавил:

– Здесь расположен один крупнейших подпольных центров имплантации. Думаю, на борту «Элизабет-Дельты» либо оборудование, либо те, кому уготовано стать мнемониками или кибрайкерами.

– Логично… Но что они делают в такой глуши? До пограничных станций пять миллионов километров… - полувопросительно заметил Дитрих.

– Боятся. - Лаконично интерпретировала пространственное расположение объектов Лиза Браун.

– Скажем так: опасаются использовать стандартную точку гиперсферного всплытия. - Развил ее мысль Андрей Шмелев. - Вероятно, на борту транспорта действительно важный груз, раз его так хорошо охраняют и пошли на серьезные энергозатраты ради того, чтобы исключить риск внезапного нападения.

– Почему они решили, что движение на планетарной тяге дает им какое-то преимущество? - Скептически осведомился Дитрих.

– Преимущество есть - Ответил Вадим. - Корветы автоматические, на борту нет людей. Это видно по скорости их маневров и резким сменам

курса. Если мы всплывем для атаки, то неизбежно ввяжемся в затяжную дуэль с роботизированными комплексами. Думаю, на корветах установлена дополнительная защита от мнемонического вторжения в бортовую сеть, иначе вся затея с проводкой транспорта через трехмерный континуум теряет смысл.

– Значит, мы поднимаем руки и соглашаемся что цель нам не по зубам, да? - Вскинул голову Дитрих.

– Не горячись. Нужно подумать. Всегда есть приемлемый способ атаки…

Вадиму в этот момент внезапно вспомнилась Фрисайд, откуда собственно и начались его одиссея.

– Необходимо отказаться от прежней тактики. Глупо недооценивать научный потенциал корпораций. Они наверняка разработали и уже внедрили способ защиты кораблей от дистанционных мнемонических атак. Но я уже однажды сталкивался с решением подобной проблемы.

– Где и когда?

– На Фрисайде. - Лаконично ответил Рощин. - Речь идет об атаке кибернетических систем не через виртуальную сеть. Перед штурмом планеты на поверхность были высажены диверсионные группы. Каждую прикрывал боевой мнемоник. Почему бы нам не использовать подобную схему против корветов? - Вадим указал на масс-детектор. - Мы видим стандартный набор маневрирования. Корабли сопровождения ведут себя достаточно подвижно, но в их перемещениях четко просматривается схема барражирования. Произведя ее анализ можно с точностью предсказать, где будет находиться тот или иной объект в определенный момент времени.

– Ну, допустим. - Согласился с ним Дитрих. - И что ты предлагаешь? Пока не вижу аналогии с Фрисайдом.

– На борту «Иглы» есть два десантно-штурмовых модуля. Если произвести небольшую модификацию системы принудительной стыковки, то две мобильные группы вполне могут осуществить действие, которое в древности означалось термином «абордаж».

– Мы всплываем в точке прохождения корвета, стыкуемся с ним, взламываем обшивку и атакуем киберсистему изнутри? - Уточнил Андрей Шмелев.

– Именно. - Кивнул Рощин.

– Интересная мысль. - Дитрих по-прежнему в сомнении смотрел на масс-детектор. - Но, очень рискованная.

– Мы рискуем каждый день. - Ответил ему Вадим. - Уже давно пора было разнообразить наши тактические приемы.

– Логично - Согласился Гайтанов. Средний рост и невзрачная наружность, нисколько не умаляли его мнемонических способностей. - Я думаю на борту люди. По другому сложно объяснить, зачем обыкновенному транспорту приданы два корвета. - Пояснил он свою убежденность. - Да и точка всплытия говорит сама за себя. Они действительно опасаются атаки именно с нашей стороны.

– Почему? - Уточнил Рощин. Вадим не вводил на борту корабля строгой иерархии, все сложилось само собой: члены экипажа безоговорочно подчинялись ему и Дитриху, исполняющему обязанности старшего офицера корабля, или помощника капитана (если проводить аналогию с гражданским флотом). При этом мнение каждого члена экипажа «Иглы» всегда принималось во внимание.

– Все наши предыдущие акции были успешны и нанесли серьезный урон корпорациям. При этом «Игла» ни разу не атаковала корабли с коммерческими либо контрабандными грузами, хотя вычислить каналы *любых* поставок не составляет труда для нашей команды. - Сергей оглянулся, взглядом спрашивая мнение остальных. - А вот мнемоников мы освобождали. Поэтому я считаю, что на борту люди.

Вадим молча выслушал мнения, понимая, что высказываются далеко не интуитивные предположения. В прозвучавших выводах присутствовало достаточно логики, чтобы рискнуть.

– Хорошо. - Подвел он черту. - Прения закончены. У нас есть час, на проверку и доработку систем принудительной стыковки штурмовых модулей. На каждом ДШМ полетят по два человека. Соответственно трое остаются на борту, чтобы вывести фрегат из аномалии, как только будет нейтрализованы корветы.

Собственно, с этой операции и начался незримый раскол среди экипажа «Иглы».

Хотя, если разбираться беспристрастно, все было много сложнее: знай Вадим о том, какой груз перевозит транспорт, он ни за что не принял бы решения об атаке конвоя.

Отследить определенную схему во флуктуациях курсов двух боевых кораблей сопровождения действительно не составило труда. На борту «Иглы» кроме стандартных локационных комплексов было установлено достаточно дополнительных средств обнаружения. Учитывая, что данные, снятые с датчиков, анализировали мнемоники, а сам фрегат при этом оставался невидим для потенциального противника, у двух корветов фактически не было шансов избежать внезапной атаки.

В ту пору Рощин мало задумывался над глобальными последствиями

собственных поступков и решений. Он преследовал цели, которые не считал корыстными, в нем жила ВЕРА в саму возможность восстановления попранной корпорациями справедливости путем вооруженной борьбы.

– Так, операция не штатная, поэтому командовать группами высадки буду я, и, - Вадим обернулся, - Дитрих. Три человека остаются на борту «Иглы». Старшая - Саша.

Александра Галчонкина выглядела еще моложе Гайтанова. Всем им еще не перевалило за двадцать, но жизненного опыта (да и боевого тоже) у нескладных с вида подростков, хватало с избытком. В корпоративные «школы», где готовили первых боевых мнемоников, попадали не по своей воле и едва ли в сознательном возрасте. Это сейчас, когда Совет Безопасности Миров под давлением определенных сил, защищающих «интересы Окраины», отменил ограничения на количество допустимых для одного человека имплантов и узаконил статус мнемоников, в подобные заведения стали попадать люди старше двадцати лет, а когда все только начиналось, туда доставляли исключительно детей в возрасте от трех до пяти лет, чтобы путем нейрохирургических вмешательств, ментального программирования и жесткой психологической обработки «воспитать» из них элитных бойцов для защиты коммерческих интересов финансово-промышленных групп.

За вуалью слов, витиеватых названий и запутанных определений скрывалось лишь два слова: убийца и раб.

Именно так должен был правдиво выражаться смысл спецподготовки, в результате которой сходило с ума или умирало на операционном столе нарабатывающих опыт нейрохирургов до семидесяти процентов «учащихся».

Те, кто выживал, по определению должны были стать хладнокровными исполнительными убийцами, с равной степенью профессионализма обращающихся, как с обычным оружием, так и со сложнейшими кибернетическими комплексами.

В зависимости от ситуации боевой мнемоник мог защищать корпоративные сети, или напротив уничтожать сетевые структуры противника, перехватывать управление различными механизмами, либо блокировать подобные попытки со стороны не дружественных сил.

В критических ситуациях боевая подготовка мнемоника позволяла ему защитить собственную жизнь, используя чисто физические средства.

Одного не смогли добиться нейрохирурги и воспитатели закрытых спецшкол - им не удалось полностью подавить личности бледных, худых подростков, отнять у них осознание собственного "я", задушить *эго* .

Боевые мнемоники взрослели с невероятной скоростью.

Их разум, проводящий большую часть времени в непосредственном контакте с кибернетическими системами, непроизвольно раскрывал нереализованный у обычного человека природный потенциал: любой мнемоник рано или поздно начинал *осознанно* мыслить с невероятной для обычного человека скоростью, проникался понятием настоящей, чистой во всех отношениях логики, и когда в сознании, прошедшем через сотни виртуальных ломок и адаптаций, наконец возникал синтез сформировавшегося рассудка с имплантированными кибернетическими модулями, новая личность неизбежно формировала свой, присущий только ей темпоральный поток субъективных ощущений.

В реальности могла пройти минута или несколько секунд, но для мнемоника привычные отрезки времени спрессовывали в себе огромное количество личностных событий, будь то обработка данных или глубинные переживания, не имеющие никакого отношения к работе.

Они взрослели действительно не по дням, а по часам и внешность уже не могла являться истинным отражением внутреннего мира, осознание которого как раз и определяет «моральный возраст» человека.

Древние оказались весьма прозорливы: еще до выхода цивилизации на Галактические просторы среди народов Земли бытовала поговорка «возраст человека определяется не тем, как он выглядит, а тем, как ощущает себя внутри».

Именно так происходило с ними.

Рощин давно перестал судить о людях по внешности и сейчас, глядя на Сашу, он видел в ней не семнадцатилетнюю девушку со смешной фамилией, а зрелого человека, прошедшего, как и он сам, через ад мнемонического взросления.

– Я справлюсь. - Негромко ответила она. - Можешь быть спокоен, командир.

– Я и так спокоен. - Улыбнувшись, ответил он.

Вряд ли кто-то из дипломированных психологов мог понять значение улыбки на устах Вадима.

Научиться улыбаться, видеть друг в друге людей, а не некую разновидность исполнительных механизмов - это была особый, очень трудный процесс.

Они не понимали, что вернуть потерянное детство невозможно, но учились не только понимать друг друга, но и дорожить вновь обретенными чувствами.

– Модули готовы. - Доложил Шмелев, мысленно контролировавший

проведение предстартовых процедур.

– Все, мы пошли. - Вадиму не нужно было инструктировать, ни остающихся на борту «Иглы», ни покидающих фрегат участников групп захвата.

Семь мнемоников объединенные не только неким единым виртуальным информационным полем, но и общностью жизненных целей, представляли собой силу, противостоять которой при определенных условиях не смог бы отдельно взятый флот Корпоративной Окраины.

Сильные мира сего, затевая опасный эксперимент над детьми, видимо не вполне представляли, что в конечном итоге за все придется платить, и не в денежном эквиваленте, отнюдь.

Атака из гиперсферы.

Данный тактический прием известен еще с Первой Галактической. В учебниках он получил название «тактики прокола» и был применен на практике во время первого крупномасштабного столкновения объединенного флота Свободных Колоний и ударных сил Земного Альянса, упорно прорывавшихся к Луне Стеллар после неудачных попыток высадки на Дабог.

Коренное отличие между хрестоматийным описанием события далекого прошлого, когда автоматические корабли-смертники Альянса покидали аномалию космоса, материализуясь непосредственно среди боевых построений Флота Колоний, исключительно с целью подрыва собственных реакторов и нанесения максимального ущерба противнику, заключалось в том, что два десантно-штурмовых модуля под управлением мнемоников вовсе не ставили перед собой задачу разрушения корветов конвоя путем самопожертвования.

Точности, филигранности расчетов (любая самая незначительная погрешность в процедуре гиперпространственного перехода влекла за собой фатальные последствия) мог бы позавидовать вычислительный центр навигационного отдела штаба флота, но дело заключалось не только в точности исполнения сложнейшего маневра, а в его новаторской дерзости, сводящей «на нет» все ухищрения защитных систем кораблей сопровождения.

Два корвета завершали очередной синхронный маневр, находясь на удалении десяти тысяч километров друг от друга, когда в осях их курсов внезапно появился бледный ореол призрачного сияния, предваряющий «обратный переход» неопознанных материальных объектов.

Автоматика кораблей сопровождения могла отреагировать на неожиданное препятствие только одним образом: оба корвета начали

экстренное торможение, с одновременной попыткой уклониться, но их действия были заранее предугаданы, и два набирающих значения массы десантно-штурмовых модуля, так же задействовали планетарные двигатели, уравнивая свои скорости со скоростью движения корветов.

В результате совершенного маневра оба ДШМ завершили гиперпространственный переход, находясь на удалении всего в сотню метров от объектов атаки.

Любое противодействие в данной ситуации являлось запоздалым и пагубным, - штурмовым модулям потребовалось несколько секунд, чтобы выдвинутые в боевое положение захваты электромагнитов удержания с ощутимым ударом соприкоснулись с обшивкой атакованного корвета.

Автоматика кораблей сопровождения не сумела отреагировать на силовую стыковку. Все системы корветов находились в режиме «патрулирования», то есть, они ожидали возникновения атакующих объектов на дальней дистанции, и теперь киберсистемам обоих кораблей требовалось как минимум секунд десять-пятнадцать, чтобы задействовать иной пакет оборонительных программ.

Два десантно-штурмовых модуля действовали молниеносно. Едва захваты удержания обеспечили надежную стыковку, как в обшивку корветов впились лазерные лучи, разрезая бронеплиты корпуса.

Как и ожидал Вадим, выхлопа декомпрессии не последовало, - отсеки за взрезанной обшивкой не содержали атмосферы, оба корабля являлись беспилотными, то есть на их борту не было людей, а всеми действиями кораблей прикрытия руководила автоматика.

Дитрих, вырубаем транспорт!

Два лазерных луча полоснули по «Элизабет-Дельте», скрестившись в районе силовой установки.

Смысл произведенного удара сводился к тому, чтобы отсечь от транспортного корабля сегменты гипердрайва и секции реактора. Лишившись источника энергии и контуров генератора высокой частоты, транспорт попадал в нештатную ситуацию, - он не мог погрузиться в гиперсферу, лишался возможности подать мгновенный сигнал по каналам ГЧ, к тому же на борту автоматически включалась программа энергосберегающего режима, что вело к экстренному пробуждению всех людей, находящихся под воздействием аппаратуры низкотемпературного сна.

Именно этого добивались Вадим и Дитрих. Если их предположения относительно характера «груза» верны, то к моменту захвата транспорта все люди, спящие в специальных криогенных камерах, будут разбужены и

простимулированы системой жизнеобеспечения - то есть им не придется тратить драгоценного времени на возню с крионическими ячейками и безвольными узниками.

– Есть. Попали.

Голос Дитриха был спокоен, хотя зрелище отделившихся от транспортного корабля секций гипердрайва и силовой установки впечатляло. Часть кормовых отсеков, не задетых лазерными лучами, так же отделилась от основного корпуса «Элизабет-Дельты»: на фоне бездонной черноты пространства было отчетливо видно, как срабатывали электромагнитные замки аварийного отстрела и целые секции кормы, медленно вращаясь, начинали удаляться от лишившегося возможности маневрировать транспорта.

– Есть проход! Лазеры прожгли внутренний корпус! - Доклад Шмелева отвлек Вадима от созерцания разлетающихся в пространстве кормовых сегментов транспортного корабля.

Минус пятнадцать секунд…

Система насильственного удержания уже выпустила к прорезанному в обшивке корвета отверстию переходной рукав.

– Вперед! Не терять ни секунды. Устанавливаем заряды и уходим!

Корветы были обречены.

Раздавшиеся несколькими минутами позже взрывы превратили их в мертвые металлокерамические глыбы.

Даже сейчас, спустя годы, он не мог забыть того шока, что испытал, когда открылся наружный люк и из шлюзовой камеры «Элизабет-Дельты», вместе с мутным облачком остаточной атмосферы, в космос, медленно вращаясь, выплыло обезображенное человеческое тело без скафандра.

Рощин едва успел увернуться, придерживаясь за скобу на обшивке транспорта.

Тело проплыло в полуметре от Вадима и начало неторопливо удаляться в ледяную бездну пространства.

Он заглянул в шлюз.

Капельки крови плавали в невесомости, будто алая дымка.

– Это не член экипажа. - Раздался в рассудке Вадима чуть хрипловатый голос Дитриха. - На нем униформа «Инфосистемз».

– Охранник? Но кто его выбросил в шлюз без скафандра?

– Всякое бывает Вадим. Ну не выдержали люди…

Рощин достал импульсную «Гюрзу» и только после это вплыл в шлюз.

– Шмелев со мной. Остальным закрепиться на обшивке и ждать сигнала. Мы входим.

Внешний люк встал на место. Механизмы шлюзовой камеры работали исправно - они тут же начали нагнетать воздух в переходной тамбур, индикатор давления на забрызганной крови контрольной панели пополз вверх.

Вадим и Андрей вжались в простенки подле внутреннего люка.

Оба знали, что такое постэффекты криогенного сна. Чаще всего человек чувствовал себя слабым и беспомощным, на первичную реабилитацию после низкотемпературного сна обычно требовалось несколько часов, но иногда применение стимулирующих препаратов вело к прямо противоположному эффекту: человек покидал криогенную камеру, находясь в состоянии аффекта.

Внутренний люк дрогнул и начал открываться.

На борту «Элизабет-Дельты» царил красноватый сумрак аварийного освещения.

Вадим не спешил покинуть шлюз.

Прикрывай. - Мысленно приказал он Шмелеву, входя в прямой контакт с кибернетической сетью транспортного корабля.

На поверку все оказалось просто до безобразия.

Просто и обидно.

Транспорт действительно перевозил людей, но они не относились к категории добровольных эмигрантов, решившихся отправиться на Окраину в поисках лучшей жизни, либо насильственно удерживаемых рабов, купленных на невольничьих рынках Ганио. Дело обстояло много хуже. Просмотрев электронные документы, Вадим понял: они атаковали конвой, перевозивший *настоящих* преступников. Партия заключенных перемещалась из колониальной тюрьмы Аллора в известное Вадиму спецучреждение на девятом Омикроне, где, как он знал, проводились самые рискованные и жестокие опыты в области имплантаций.

Именно оттуда на простор Корпоративной Окраины выходили кибрайкеры - хакеры нового поколения, люди без принципов, такие же подневольные, как и мнемоники, обладающие равным количеством имплантов для подключения кибермодулей, но в отличие от «специалистов по защите информационных сетей», кибрайкеры проходили иную подготовку: они психологически были ориентированы на разрушение, взлом, кражу данных, а если того потребуют обстоятельства - и на убийство.

Не удивительно, что для формирования когорты кибрайкеров использовалась категория людей из криминального мира.

Если не вдаваться в подробности их вероятного будущего,

заключенные, очнувшиеся на борту «Элизабет-Дельты» находились в абсолютно незавидном положении.

Вадим понимал и другое, - их судьба сейчас в его руках.

Как он должен был поступить? Оставить их на борту искалеченного корабля? Рощин не сомневался, что транспорт отыщут, прежде чем аварийные системы жизнеобеспечения исчерпают свой ресурс. Но в таком случае центр подготовки кибрайкеров на Омикроне-9 получит еще одну партию невольных пациентов. Сейчас они люди, преступившие закон, но пройдет год или два и они, вместо отбытия наказания, выйдут из стен центра подготовки, чтобы снова сеять хаос и смерть, но теперь уже на ином, более масштабном уровне.

Рощин ни на минуту не забывал, что главное отличие между мнемониками и кибрайкерами заключалось, прежде всего в антагонистическом мироощущении, все остальное, начиная от способов имплантации и заканчивая кибернетическими модулями являлось стандартным набором операций и аппаратных средств, расширяющих возможности человеческого рассудка.

Впервые перед Вадимом возникла трудная для него дилемма: он не мог ответить на внутренний вопрос, как следует поступить в возникшей ситуации?

Конечно, психологическая подготовка боевого мнемоника предполагала синтез навыков, его тоже готовили как безжалостного убийцу, но разум Рощина ориентировали на конфронтацию с кибернетическим системами, - когда ситуация потребовала убить другого человека он не спасовал, но восстал. Угольки души, теплящиеся в сознании, не потухшие за годы жесточайшего психологического прессинга, не дали ему сделать последний шаг на пути полного подчинения.

Мысли, вихрем промелькнувшие в сознании, всколыхнули все самое страшное, что хранила память.

Он ненавидел окружающий его мир. Ненавидел людей, своей волей формирующих реальность Окраины, где все измерялось деньгами, подчинялось их власти, а человеческая жизнь ценилась дешевле иного кибермеханизма.

– Ну, долго будешь топтаться там в шлюзе? - Внезапно раздался в коммуникаторе гермошлема грубый мужской голос.

Вадим не ответил. Он просто сделал шаг вперед, в красноватый сумрак отсека, явственно ощущая, что на него нацелено как минимум две импульсных винтовки.

Свое оружие он держал стволом вниз, в расслабленной руке, но те, кто

сейчас целился в него, укрываясь за терминалами компьютерной сети, видимо не имели четкого представлении ни о скорости реакции, ни о потенциальных способностях боевого мнемоника.

– Предлагаю убрать оружие. - Произнес Рощин, остановившись в центре отсека. - Все равно оно вам не поможет.

– Ну, это мы сейчас посмотрим. Один умник уже отправился погулять без скафандра, не хочешь составить ему компанию?

– Я не намерен зря тратить время. - Ответил Вадим. - Или вы сдаете оружие, или я отдам приказ уничтожить транспорт.

– А какого фрайга тогда вы атаковали конвой?

Резонный вопрос.

– По ошибке. - Ответил Рощин.

– Слушай ты вообще кто? - В голосе незримого оппонента прозвучали нотки удивления и замешательства.

– Мы воюем с корпорациями. - Лаконично ответил Вадим.

– Сопротивление что ли? - Иронично осведомился коммуникатор. - Это как в фильмах, да? Не смеши меня парень. На Окраине уже давно никто не сопротивляется корпорациям…

– Заткнись. - Прервал его Рощин. - Мы теряем драгоценное время. Я знаю, что на борту десять заключенных, но ума не приложу, что с вами делать.

– Да кто ты такой, мать твою?! - В сумраке отсека возникло движение, но импульсная винтовка в руках смуглого, худого, решительно настроенного заключенного годилась разве что для использования в качестве дубины, - к безмерному удивлению ганианца она отказалась стрелять, даже индикаторы накачки электромагнитных ускорителей внезапно взморгнули и погасли.

Он пошатнулся.

– Для рукопашной схватки ты явно слабоват. - Спокойно произнес Вадим. - Оружие в сторону, я же ясно сказал, оно тебе не поможет.

– Хорошо… - Ганианец достаточно быстро осознал, что в данном случае сила не на его стороне. - Ты мнемоник? - Догадался он, посмотрев на бесполезное оружие.

– Да. - Рощин не нашел причины скрывать правду. - Кто выбросил охранника в шлюз? - После небольшой паузы осведомился он.

– Ну, я. - Ганианец вызывающе посмотрел на Вадима. - Добавишь мне срок?

– Хватит. - Рощина все больше раздражала двойственность ситуации. Он по-прежнему не мог решить, как следует поступить с очнувшимися от

криогенного сна людьми. С одной стороны он не хотел иметь дела с преступниками, но с другой, не нужно было обладать богатым воображением, чтобы понять - оставь он их на борту и спустя год жестокий мир Окраины пополниться еще несколькими кибрайкерами.

Из десятка заключенных выживет, в лучшем случае, половина, не больше, но даже такое количество кибрайкеров - худшее зло, чем обычные, *не имплантированные* преступники.

– Как тебя зовут? - Обратился он к ганианцу.

– Самат.

– Знаешь куда и зачем вас везли?

– Понятия не имею.

– За что угодил в криогенную камеру?

– Я ганианец. И этим все сказано.

– Преступник по определению? Чем занимался? Грабил корабли?

– Контрабанда оружия.

Вадим мысленно сверился с сопроводительными документами. Самат не лгал. Он действительно был пойман силами Совета Безопасности Миров при попытке доставить партию стрелкового оружия на один из удаленных миров Окраины. Теперь становилось понятно как гражданин Ганио, планеты не входящей в состав Конфедерации Солнц, оказался в колониальной тюрьме Аллора.

– Ума не приложу, что с вами делать. - Произнес Вадим.

– Может, просто отпустишь?

– Каким образом? Транспорт не в состоянии лететь дальше. Корветы сопровождения мы уничтожили.

– Тогда что нам подыхать тут?

– Вот это я и пытаюсь решить.

– Слушай, - голос ганианца даже не дрогнул, не смотря на скупо изложенные Рощиным, безрадостные перспективы. - Давай договариваться. Я не последний человек в клане. Доставь меня на Ганио, и я заплачу тебе. Назови сколько - клянусь Шиистом, я заплачу.

– Не сомневаюсь. Проблема в том, что мне не нужны деньги.

– Э… - Искренне возмутился Самат. - Нет людей, которым не нужны деньги.

Разговор с ганианцем не мешал Рощину просматривать файлы сопроводительных документов. Народ на борту транспортного корабля подбирался еще тот. Убийства, наркотики, контрабанда оружия…

– Командир, - вплелся в его мысли мнемонический голос Шмелева, - давай заберем их на борт «Иглы». Не бросать же здесь, в самом деле?

Корпы воспитают из них отличных кибрайкеров.

– Я понимаю, Андрей.

– Они нам не угроза. Временно изолируем на жилой палубе, а потом, при случае высадим на какой-нибудь окраинной планете.

– Чтобы они снова принялись за старое? Колонистам и так не сладко живется. Давай подбросим им на голову еще с десяток подонков разных мастей.

– А мы сами кем бы выросли?

В скупо сформулированном вопросе Шмелева таился глубокий смысл.

Судьба распорядилась так, что они детьми попали в закрытые спецшколы, где готовили мнемоников. А какой жизненный путь был уготован детям эмигрантом, в частности самому Вадиму, не окажись он в плену у ганианских пиратов, продавших его суть на ту же Окраину?

Вряд ли пятилетнему мальчику было уготовано счастливое детство. Мать не скрывала от сына, что единственная перспектива на Окраине - это вербовка в качестве рабочего на один из орбитальных заводов. Но туда принимали только взрослых, работающих вахтовым методом, значит, он бы неделями оставался один, в трущобах нищих кварталов, рос бы вместе с остальной шпаной и неизвестно, не предназначалась бы одна из криогенных камер колониальной тюрьмы для подросшего Вадима Рощина?

Реальность окружающего мира стучалась в рассудок.

Все могло сложиться иначе, но у любого развития событий не предвиделось счастливого конца.

– Хорошо Самат. Я не стану бросать вас на борту транспорта. Но мне нужны гарантии лояльного поведения. Вы будете заперты на одной из палуб моего корабля, пока не представится возможность высадить вас на Ганио. Всех без исключения. О деньгах забудь, они мне действительно не нужны.

– Я согласен на любые условия, джелави. Об остальных заключенных не беспокойся. Они моя забота.

– Смотри, Самат, случись что - спрошу с тебя, понял?

– Не будет проблем. Клянусь Шиистом, ты не пожалеешь о своем великодушии.

Оказывается и ганианцы умеют разговаривать вежливо, - с усмешкой подумал Вадим. - Когда сила не на их стороне, - мысленно поправился он.

* * *

Мог ли он поступить иначе?

Наверное - нет.

В отличие от того же Самата, Вадим не умел мыслить узко, ограничивая себя рамками одного дня, одной ситуации. Он невольно анализировал события, происходящие с ним, мысленно накладывая их на общий контекст развития десятков промышленных миров Окраины.

Он видел, как безраздельная власть денег топит миллионы людей, погружая их в нищету и безысходность.

Его мать совершила ошибку, наивно полагая, что здесь можно заработать деньги, дать образование сыну. Однако - *хорошо там, где нас нет* , а корпорации вели достаточно грамотную рекламную кампанию, получая не иссякающий поток эмигрантов.

Удручающая статистика свидетельствовала, что только одному человеку из тысячи удавалось устроиться более или менее благополучно, остальные попадали если не в рабство, то в абсолютную зависимость от воли правящей в том или ином мире промышленной группы.

Без перспектив и надежд.

Без возможности вернуться туда, откуда прилетели на Окраину.

Печально известная для Вадима система звезды Халиф, где располагалась планета Ганио, пространственно входила в рассеянное скопление звезд, колонизированных еще полтора тысячелетия назад, в период так называемого Великого Исхода.

Не смотря на соседство с развитыми мирами Конфедерации, ганианцы не подписывали никаких межпланетных соглашений, на протяжении веков придерживаясь идеи «национального суверенитета», хотя, если смотреть беспристрастно, то «Колыбель Раздоров» (жаргонное, просторечное название Ганио) являла собой пестрый конгломерат, собранный со всех миров Обитаемой Галактики.

Здесь находили убежище преступники, флибустьеры, искатели приключений всех мастей и толков.

Управляли планетой Кланы Ганио - родоплеменные структуры власти, чьи корни уходили в века регресса, когда жестокие междоусобные войны ввергли потомков колонистов, высадившихся на планету с борта колониального транспорта «Мириам», в пучину деградации.

Новый импульс в развитие планеты произошел уже после Галактической войны. Первая Конфедерация Солнц, в апогее своего экономического расцвета, выстроила среди пустыни космопорт, в надежде, что ганианцы постепенно втянуться в межзвездную торговлю и пройдут процесс мирной ассимиляции в состав Конфедеративного содружества

планет.

Однако этого не случилось. Все усилия предвнести на Ганио «цивилизованный» образ жизни разбивались о стойкий консерватизм Кланов - принимая технические блага, они не меняли своих свирепых и в чем-то первобытных взглядов на мир.

Вадим был крайне удивлен, когда в дверь отсека, оборудованного под его личные апартаменты (совмещающие кабинет и каюту) осторожно постучали.

Разум мнемоника по-своему реагирует на события.

Рощину было достаточно испытать мгновенное чувство удивления, а импланты уже подхватили мысленный вопрос, и переадресовали его системам поиска.

Перед глазами на фоне обстановки рабочего отсека, возник участок коридора, где перед дверью переминался с ноги на ногу Самат Аль Рамади.

Вадим мысленным приказом разблокировал двери помещения.

– Приветствую, уважаемый…

– Входи, Самат. - Рощин предполагал, по какой причине ему нанесен визит и потому сразу решил перейти к ответу на не заданный вопрос.

Дождавшись, пока ганианец сядет в предложенное кресло, он сказал:

– Я помню о своем обещании. Но и ты должен понять - «Игла» ведет боевые действия, и нам сейчас не до прыжков к Центральным Мирам. Тебе и твоим спутникам придется потерпеть.

Аль Рамади, почтительно выслушал капитана и ответил:

– Я пришел вовсе не за этим, джелави.

Вадим вопросительно приподнял бровь.

– Я разговаривал с твоим другом, Дитрихом. - В словах ганианца звучала забавная смесь уважения и фамильярности. - Он рассказал мне, сколько зла причинили тебе торговцы рабами.

– Решил принести извинения за действия своих родичей? - Нахмурился Вадим. Откровенно он не хотел ни вспоминать прошлое, ни отвлекаться от дел.

В глазах ганианца внезапно сверкнула искра бешенства.

– У меня нет родичей в клане Земкуль! - Неожиданно вспылил он. - Пусть падет на них проклятие Шииста! Грязные животные, не достойные носить имена воинов!

– А ты, значит, воин?! - В свою очередь немного повысил голос Рощин.

– Воин. Ты думаешь ганианцы звери? У нас нет чести? Ты ошибаешься, джелави. У каждого народа есть свое понятие о чести и

бесчестии. Воины моего Клана воевали за Конфедерацию, когда из космоса пришли полчища Халифата. Мы наемники.

– Я полагаю, ты только что предложил мне свои услуги, Самат?

– Настоящему воину тяжело сидеть взаперти, когда идет бой. Ты должен это понять.

– А как ты оказался в колониальной тюрьме? Разве контрабанда оружия - достойное занятие для настоящего воина?

– О, Курунг хау! Ты смотришь на буквы и знаки шайтана! Они лгут, джелави. Я наемник.

– Не понимаю. Так ты не был владельцем контрабандного оружия?

– Нет. Меня наняли сопровождать груз, а гнусный торгаш, когда нужно было драться, откупился, свалив все на меня. Это истинная правда джелави, клянусь своим родом, среди которого нет и никогда не было торговцев!

– Успокойся. - Вадим едва сдержал улыбку, глядя на праведный гнев ганианца. Конечно, любой ребенок в Обитаемой Галактике знал о свирепых воинах с планеты Ганио, но, чтобы понять Самата, нужно было разбираться в тонкостях криминальной субкультуры, сложившейся на его родной планете. - Скажи, как у тебя возникла мысль придти ко мне?

– Ты воин. Ты не знаешь законов Ганио, для тебя все жители моей планеты одинаковы, но на мою голову не пала месть за жестокость работорговцев.

Вадим на секунду задумался. Ему как-то не пришла в голову мысль отыграться на шкуре Самата за свои детские страдания. Это попахивало какой-то необузданной дремучей дикостью.

– Я хочу сказать тебе, - неожиданно продолжил Аль Рамади - ты идешь дорогой ненависти, в твоих глазах печаль и гнев. Они сожгут твою душу. Но ты ничего не сделаешь с окружающим миром.

– Почему? - Машинально возмутился затронутый за живое Рощин.

– При всем уважении к твоей храбрости, воевать в одиночку со всеми планетами Окраины - это самоубийственная ярость. Ты не видишь того, что вижу я, твой пленник.

– И что ты видишь, Самат?

– Тебе не хватает кораблей. У тебя мало верных воинов…

– Ты воин или философ? - Перебил его Вадим, удивленный эмоциональной речью ганианца.

– У каждого воина есть свое понимание реальности. Извини, джелави, но ты отчасти слеп. Невозможно изменить мир. Он останется таким, каков есть. Люди поклоняются разным идолам, но для большинства главный идол

- деньги. Можешь поверить. Я побывал на разных мирах и везде видел одно и то же. Кто-то имеет все, а кто-то не имеет ничего. Есть люди, которые заслуживают и того и другого.

– Поясни, пожалуйста.

– Если я заработал деньги своим трудом или своей кровью, почему я не достоин их? - В логике Самата сквозило что-то неуловимо-древнее, но в то же время некоторые банальные истины, очищенные от шелухи словоблудия, начинали звучать по-новому в устах ганианца. - Но бывает и иначе. - Продолжил Самат. - Даже среди моего клана стали появляться ленивые, бесчестные выродки, которые хотят иметь все, не делая при этом ничего. Они мало отличаются от нищих, каких полно на планетах Окраины. Эти люди бедствуют, потому что завистливы и ленивы, они не хотят воевать или работать. Дай им денег - они истратят их на удовольствия и снова станут нищими.

– Я понимаю твою логику, но к чему ты клонишь?

– Джелави, ты идешь по ложному пути. Нельзя изменить мир. Нельзя спасать тех, кто не достоин и не хочет спасения - они же и воткнут нож тебе в спину.

– Что еще? - Нахмурился Вадим.

– Корпорации, против которых ты восстал, не едины и не одинаковы. Есть те, кто приносит пользу, осваивая новые миры, создавая хорошие машины. Думаю, тебе причинила зло не Окраина, а конкретные люди, которые обожрались деньгами и властью.

– Ты странный человек Самат. - Рощин все-таки сумел взять себя в руки и, обуздав вспыхнувшее было возмущение, выслушать ганианца.

– Я говорю то, что вижу. Ты встал на путь слепой мести, и погибнешь, воюя со всей Вселенной.

– И что мне, по-твоему, следует делать?

– Взглянуть реальности в глаза. Понять: не все, что окружает тебя - враждебно. Отвоевать собственный уголок Вселенной и воплотить в нем свои мечты. Наказать тех, кто причинил тебе зло и не пытаться изменить устройство сущего. Оно неизменно до тех пор, пока большинство живущих сами не захотят чего-то иного.

Вадим несколько растерялся. Он откровенно не знал, как ему следует отреагировать на убежденную речь ганианца?

– Самат, почему ты пришел ко мне? Зачем заговорил о моих проблемах?

– Ты спас меня. Вырвал из мерзкой усыпальницы, - в словах Аль Рамади звучала неповторимая смесь устойчивой логики жизненного опыта

и невероятных суеверий. - Я не хочу возвращаться на Ганио. Позволь мне остаться с тобой.

– И что мы станем делать? Как следует бороться с теми, кто ворует детей, покупает их за гроши на рынках рабов, или упрямо у родителей, доведенных до отчаяния абсолютной нищетой и бесправием?

Глаза Самата налились кровью.

– На Ганио отцу, продавшему своего ребенка, вырвут сердце. Нет оправдания! Даже звери делают для собственных щенят больше чем такие родители. Почему они не взбунтуются, как сделал это ты? - Аль Рамади уже не говорил, а яростно шипел: - Они хуже зверей. Трусливые шакалы. Вонь Шииста!

– Оставь эмоции Самат. Многое ты сказал верно, но я хочу изменить если не мир, то хотя бы часть его. Нельзя воспитывать из детей убийц. Нельзя насильно делать операции, превращая подростков в киборгов, которых потом продают корпорациям как ценный товар. Они становятся пожизненными узниками, у них нет ни капли свободы, остальные люди чураются их, потому что боятся всего, что не силах понять.

– Ты сам сказал главное. Отними у корпораций саму возможность надругательства над человеком…

– Это сверхзадача. - Прервал его Вадим. - Базы, где проводятся операции по имплантации, расположены в хорошо защищенных секторах корпоративных вотчин. Для атаки подобных объектов не достаточно одного фрегата. Здесь нужен если не флот, то эскадра из трех или лучше - пяти кораблей.

– Тогда зачем ты уничтожаешь боевые корабли?

– Предлагаешь захватывать их? Стать пиратом?

– Нет никакой разницы в названиях. Разве тебя не называют пиратом на каналах галактических новостей?

– Называют. - Согласился Вадим.

– Есть еще одна древняя истина, джелави: «Не пытайся избегать своей судьбы».

– Не пойму, кто тут пленник, я или ты?

– Я пленник. Но знай, если понадоблюсь - Самат аль Рамади станет твоим верным соратником.

– Ты сможешь ужиться с мнемониками?

– Я не разделяю людей по количеству имплантов, - гордо вскинул голову Самат. - Я сужу по делам.

– Хорошо, я подумаю над твоими словами.

– Подумай, джелави. - Самат встал. - Твой путь - путь воина. Твоя

ярость справедлива.

Когда за ганианцем закрылась дверь, Вадим сидел, глубоко задумавшись, сцепив пальцы рук в замок, так что побелела кожа.

Никто еще не разговаривал с ним подобным образом. По большому счету все его действия, начиная с событий на Фрисайде, носили скорее спорадический, фатальный характер, в них не присутствовало четкого общего плана, да и конечная цель виделась смутно.

Он должен был признать, что изменить существующий мир, подогнать его под определенный шаблон личного мировоззрения действительно невозможно.

Есть ли смысл в мести?

Определенно есть, но месть бессмысленна и разрушительна, сама по себе, если у нее нет более сильного стимула, чем убийство и разрушение.

Отвоевать свою часть мира…

Эти слова Самата глубоко затронули воображение Вадима.

Он не подозревал, к сколь роковым последствиям приведет неожиданный визит ганианца.

* * *

Чтобы как-то отвлечься, не концентрироваться на только что состоявшемся разговоре, Рощин стал принимать последние разведданные, полученные через сеть Интерстар.

Первые же строки подготовленного Гайтановым отчета заставили его вздрогнуть.

Несколько секунд Вадим анализировал информацию еще не веря, что вот оно - свершилось.

Серега все же сумел взломать секретные базы данных корпорации Инфосистемз и отыскать сведения, относящиеся к подготовке операции на Фрисайде.

Впервые перед ним оказался документ, где фигурировали истинные имена, фамилии и суммы.

Следующий файл отражал результаты поиска по конкретным фамилиям.

Успех. Полный успех. Перед мысленным взором Вадима наконец разворачивался тот таинственный зловещий центр паутины, где затаилась тварь, заправлявшая всеми незаконными имплантациями и контролировавшая рынок кибрайкеров и мнемоников.

Планета Хайрок - мир, освоенный всего четверть века назад. Безвоздушный в прошлом планетоид в бесперспективной системе, находящийся, как и Луна-24 в частной собственности. По полученным данным там недавно завершились процессы по созданию искусственной атмосферы и первичному терраформированию. Силы планетарной обороны еще не были сформированы, планету прикрывали лишь две боевые станции…

Вот куда сходились все нити.

Змеиное гнездо располагалось буквально под боком у колониальной администрации сектора.

Дитрих, зайди ко мне. Нужно поговорить . - Мысленно произнес Рощин.

Пять минут, Вадим. - Отозвался Кроу.

Просмотрев полученную информацию, Дитрих нахмурился.

– Нам не обойтись своими силами. - Произнес он.

– Знаю. - Вадим старался говорить ровно, но получалось плохо, ему было очень трудно сдерживать себя в эти минуты. - Дитрих, забудь о Совете Безопасности. Прошу. Ты не хуже меня понимаешь, что и там, и в колониальной администрации Аллора есть люди, без покровительства которых подобный бизнес был бы просто невозможен. Вдумайся, какие деньги обращаются в сфере работорговли. Этот негодяй сумел откупить себе планету и терраформировать ее!.. Он строит личный рай!.. - У Рощина внезапно закончились слова, он был бледен как сама смерть.

– И как ты намерен поступить?

– Я возьму всю ответственность на себя. - Глухо ответил Вадим. - Нам потребуется еще, как минимум два корабля, чтобы раздавить это логово. Потом - будь что будет. Я не стану скрываться от властей.

– А мы?

– Каждый пойдет своей дорогой. Возмездие свершиться, и я отвечу за действия остальных.

– Вадим ты не в себе.

– Дитрих, спорить бесполезно. Если только ты свяжешь, или убьешь меня. Здесь все необходимые данные, - Рощин указал на терминал компьютерной системы, - и я не вижу ни одной причины, по которой должен остановиться.

– Хорошо. - После некоторого колебания согласился Кроу. Спорить с Вадимом сейчас было действительно бесполезно. - Допустим, мы захватим недостающие корабли. Кто поведет их в бой?

Рощин, как оказалось, обдумал и это. Пfive минут, которые попросил

Дитрих, он провел, перебирая варианты дальнейших действий.

– Вот списки. Нам нужно два корабля для усиления «Иглы». Действовать следует без промедления. Нет гарантии, что служба внутренней безопасности «Инфосистемз» не обнаружит утечку информации и не предупредит о ней заинтересованные лица.

Дитрих пробежал взглядом по строкам.

– Ты сошел с ума, Вадим. - Наконец, произнес он. - Поставить капитанами Самата и Сергея?! Дать свободу преступникам, ввести их в состав экипажей?!

– Это их шанс совершить добрый поступок. Самат только что был у меня. Думаю, после того как прослушаешь запись разговора, вопросы по его кандидатуре отпадут. Он сможет поручиться за некоторых из числа освобожденных. Их я отдам под начало Гайтанову. Остальные, менее надежные, останутся под командованием Аль Рамади. В помощь Сергею и Самату придадим мнемоников. Четверо из нас останутся на «Игле», в том числе и ты. Решающий удар будет нанесен фрегатом.

– Я не согласен с кандидатурой Гайтанова. Ты рискуешь Вадим! - Кроу открыто высказал свое мнение.

– Это эмоции. У него разум мнемоника. - Отмел возражение Рощин.

– Ты верно до сих пор ничего не понял. - Дитрих порывисто встал, - Запомни, и не занимайся больше подменой понятий, - у него, равно как у тебя, или у меня *способности мнемоника* , а разум и эмоции - кибрайкера! Сколько можно втолковывать тебе одно и то же?! Или ты забыл, что он высказывал тебе при освобождении?

– Извини, Дитрих. Я то же думал над этим вопросом. Мне кажется, ошибаешься ты. Нам уже никогда не стать прежними. Никто не вернет нам детства, не удалит импланты, да и невозможно совершить обратного. Мы люди - но другие. Поэтому я говорил, и буду говорить - разум мнемоника. Он сильнее…

– Вадим ответь честно, что тобой движет? Разве не ненависть?

– Нет.

– Называй вещи своими именами! - Дитрих в последнее время быстро выходил из себя, начиная повышать голос.

– Не ори на меня! - Огрызнулся Вадим, которому приходилось так же несладко. Бремя ответственности за жизни людей оказалось много тяжелее, чем он себе представлял.

– Ладно. - Кроу сел в кресло, хлопнув ладонями по коленям. - Ладно, Вадим. Ты считаешь, что тобой движет чувство справедливости? Но как это возможно когда - оглянись по сторонам - ее попросту нет в нашем

мире! Нельзя доверять слепо, даже мнемоникам, чтобы ты не утверждал, я вижу и знаю: нами по-прежнему управляют чувства, такие же разные как мы сами. Иначе не было бы разницы, как тебя зовут - Рощин, Кроу, Гайтанов… Мы все вели бы себя одинаково, как механизмы.

– К чему ты клонишь?

– Нельзя доверять всем без разбора. Факт насильственной имплантации еще не означает, что человек мыслит определенным образом. Тебя элементарно предадут при таком подходе к формированию экипажей.

– Не успеют… Даже если ты прав - НЕ УСПЕЮТ! - Резко ответил Вадим. Он поднял на Кроу покрасневшие глаза и неожиданно добавил, спросив:

– Дитрих, почему так происходит?

– Что именно?

– Почему мы с тобой все время спорим?

– Потому что я постоянно пытаюсь разбить твои иллюзии. Мир жесток, а ты упрям. Ну а мне остаются лишь дурные предчувствия!..

– Скоро все свершиться. - Устало ответил Вадим. - Мы почти год шли к этой цели! И я не остановлюсь, не надейся. Можешь продолжать подозревать всех и вся, - у тебя будет время присмотреться: понадобиться как минимум две-три недели на боевое слаживание группы, после захвата кораблей. А сейчас давай думать конкретно - где мы можем захватить еще два фрегата?

Глава 7

Граница Рукава Пустоты. Три недели спустя…

Три фрегата дрейфовали в пространстве.

Глубокий космос надежно скрывал их от бесноватых поисков *объединенного* корпоративного флота, после дерзкого налета «Иглы» на доки космической верфи в системе Омнабиуса, откуда были угнаны два только что построенных фрегата, корпоративная Окраина, казалось, сошла с ума, проявляя невиданную сплоченность в попытках найти и уничтожить «Иглу»

Никто не ожидал подобной дерзости от «отщепенцев и пиратов», как презрительно именовали экипаж «Иглы» на каналах новостей.

Вадим сам не понимал, что с ним твориться. Он не потерял головы, но жил как будто в лихорадке.

Впрочем, остальные мнемоники испытывали схожие чувства, даже Дитрих на время перестал доставать Рощина своими «дурными предчувствиями».

Фрегаты «Кейптаун» и «Танаис» решено было не переименовывать. Сейчас оба корабля проходили переоснащение, чтобы ими могли управлять смешанные экипажи из мнемоников и освобожденных узников. Вадим еще раз переговорил с Саматом. Ганианец правильно воспринял логику Рощина, и под начало Гайтанова были отданы трое наиболее надежных людей, имевших к тому же опыт управления гражданскими судами. Учитывая присутствие на борту «Кейптауна» двух мнемоников, Вадим не беспокоился за экипаж фрегата. Они справятся. С Аль Рамади, на борту «Танаиса» осталось шесть человек из числа бывших заключенных. Мнемоническое обеспечение фрегата осуществляла Саша Галчонкина.

Дитрих смирился и уже не ворчал. Согласно разрабатываемому плану операции «Кейптаун» и «Танаис» должны лишь связать боем немногочисленные силы планетарной обороны, базировавшиеся на двух орбитальных станциях, основной удар по планете и расположенному на ней «центру подготовки мнемоников» нанесет «Игла», на борту которой оставались четверо лучших, полностью доверяющих друг другу членов экипажа.

Вадим прямо заявил, что после успешного завершения акции «Кейптаун» и «Танаис» могут взять курс на Ганио. Такой расклад устраивал бывших узников, давая им стимул, для беспрекословного

подчинения в ходе грядущей операции.

Казалось все учтено и продумано, оставалось решить лишь несколько технических вопросов.

* * *

Дурные предчувствия Дитриха сбылись в полной мере.

Пришел тот день, когда Вадим проснулся от тревожной трели интеркома. Не открываясь глаз, все еще находясь в состоянии дремы, он мысленно соединился с устройством общей связи и спросил:

– Что там еще?

– "Кейптаун" самовольно покинул построение и ушел в гиперсферный прыжок!

Остатки сна мгновенно улетучились.

– Иду. - Коротко ответил Рощин, поспешно одеваясь.

На мостике «Иглы» его встретил Дитрих. Мельком взглянув на данные обстановки Вадим немного успокоился, система звезды где нашел убежище их флот, по-прежнему оставалась пустынна, но надолго ли?

– Считаешь, Гайтанов нас предал? - Прямо спросил Вадим.

– Не знаю. Идет расчет гиперсферного курса.

– Он не оставил сообщения?

Дитрих мрачно покачал головой.

Вадим, снедаемый нехорошими предчувствиями, прошел к своему креслу.

Если Гайтанов увел фрегат к столичным корпоративным системам, это будет означать одно - предательство.

– Лиза, что у тебя? - Спросил он, когда активировался кибернетический комплекс.

– Заканчиваю. Данные противоречивые.

– Нет четкого курса?

– Напротив. Курс есть. Только не знаю, как его интерпретировать, командир.

– Передай на мой терминал.

Беззвучно заработал стек-голограф. Внутри сферы виртуального монитора обозначились точки близлежащих систем. Ни одна из них не относилась к густонаселенным мирам, но почему Лиза решила, что целью Гайтанова станет одна из них? Он вполне мог увести фрегат дальше, не совершая промежуточного всплытия, для смены ведущей горизонтали

гиперсферы.

Курс, проложенный Лизой Браун, исходя из данных возмущения метрики, вел к достаточно старой, освоенной почти пол века назад системе Антигуа-7. Вадим, пытаясь осмыслить полученную информацию, мысленно соединился с базами данных навигационного блока «Иглы».

Антигуа-7 эксплуатировалась корпорацией «Генезис». После случившегося два десятилетия назад разгрома корпоративного флота, некогда могущественная промышленная группа переживала далеко не лучшие времена. Единственный наследник легендарного Роберта Итема пропал без вести во время вооруженного конфликта с Конфедеративным содружеством. «Генезис» так и не смог оправиться от сокрушительного удара, который нанесла Конфедерация, продемонстрировав Корпоративной Окраине, что не потерпит независимости, построенной на преступном бизнесе.

– Лиза, почему ты решила что «Кейптаун» выйдет в системе Антигуа? - Спросил Вадим.

– На фрегате не закончена отладка вспомогательной секции гипердрайва. Они будут вынуждены совершить промежуточное всплытие, даже если намереваются совершить повторный прыжок.

– У нас есть реальный шанс настичь Гайтанова. - Произнес Дитрих, молча стоявший за креслом Рощина.

– Я понимаю.

– Сомнения здесь не уместны. Гайтанов предатель. Он открыто заявлял тебе о собственных понятиях, а теперь решил подкрепить слова делом.

– Для мнемоника слишком грубый способ действий. - Ответил Вадим. - Чтобы по-настоящему предать нас, ему не требовалось сомнительной попытки бегства. Есть десяток иных, более безопасных для него лично, способов передать информацию о нашем убежище заинтересованным лицам.

– Вадим мы зря теряем время. Ты настолько упрям, что будешь оспаривать состоявшийся факт?

Рощин скрипнул зубами.

– Хорошо. Где Шмелев?

– На месте, командир.

– Предай на «Танаис» приказ о подготовке к прыжку. Пусть синхронизируют гипердрайв по данным с «Иглы». Лиза, подготовь для Самата исходные данные. - Вадим обернулся и добавил: - Дитрих прошу тебя, не оспаривай приказов. Прими контроль над боевыми палубами.

– Не сомневайся, Вадим. - Кроу внимательно посмотрел ему в глаза. - Мы успеем поговорить позже.

На подготовку к прыжку ушло десять минут. Не смотря на малочисленность, экипажи «Иглы» и «Танаиса» били все рекорды.

За минуту до погружения на связь вышел Самат.

– Я не верю, что Гайтанов нас предал.

Вадим не ответил, хотя понимал, что должен.

– Не время. Разберемся на месте.

– Ты приказал готовить штурмовые модули. - Не унимался ганианец.

– Да. И ты выполнишь приказ. Или не так?

– Выполню.

Прыжок к системе Антигуа прошел в штатном режиме. Оба фрегата согласно отработанной тактике задержались на границе двух метрик, чтобы произвести предварительную разведку зоны всплытия.

В трехмерный континуум стартовали зонды с наномашинами.

Первые данные, полученные из реального космоса, ошеломили Вадима.

Он предполагал все что угодно, но только не это…

Антигуа-7 долгие годы относилась к разряду слаборазвитых систем. С точки зрения колонизации, здесь отсутствовали всяческие перспективы. Вокруг тусклой красной звезды обращались три планеты: две из них не имели атмосфер, третья - газовый гигант, удерживала на орбите вместо традиционных спутников пояс астероидов. Приступая к освоению Антигуа, корпорация «Генезис» изначально не строила планов терраформирования и последующего заселения мертвых миров, на их поверхности были основаны форпосты, за последнее десятилетие развившиеся до крупных промышленных баз. Неожиданный импульс в освоении безвоздушных миров был связан с открытием богатых месторождений керамдия, - редкого элемента, обычно получаемого искусственным путем. Керамдий в чистом виде встречался лишь на Везувии и Юноне, - мирах линии Хаммера. Область его применения традиционна - данный элемент служил основой металлокомпозитной керамлитовой брони. Отсюда нетрудно понять высокую стоимость редкого элемента.

Именно керамдий, получаемый из открытых месторождений, вывел систему Антигуа из числа заштатных сырьевых придатков Окраины, в двадцатку динамично развивающуюся промышленных баз, создав экономическую основу, позволившую корпорации «Генезис» постепенно поправить свое пошатнувшееся положение.

Никто и никогда не оспаривал прав «Генезиса» на разработку

месторождений. Среди миров Окраины существовала целая система взаимного сдерживания, не дающая отдельно взятой корпорации занять доминирующее положение в секторе.

О таком понятии, как «пиратство» Окраина забыла давно и прочно. Могучие корпорации сектора не потерпели бы налетов и грабежей, тем более со стороны «третьих сил». Любые военные действия происходили на уровне противостояния корпоративных флотов.

Однако первые же показания выпущенных зондами наномашин, дали понять, что в системе Антигуа впервые за многие столетия произошел прецедент: неопознанный фрегат, подавив планетарную оборону второго спутника красной звезды в данный момент совершал геостационарный маневр, с явным намерением воспользоваться плодами победы. Грузовые вакуум-створы «Кейптауна» были открыты, и первая партия челночных кораблей (служивших для доставки на борт фрегата оборудования, припасов и боекомплекта) уже стартовала к планете. Не трудно было понять, какой груз примут на борт корабли снабжения.

В первый момент у Рощина от ярости едва не помутился рассудок.

Происходящее было во сто крат хуже предательства. Откровенный пиратский рейд ставил жирный крест на любых планах собранной им эскадры.

Вадим с содроганием смотрел на укрупненное изображение разгерметизированных жилых куполов, понимая, что теперь в глазах рядовых граждан Окраины он превратится грабителя и убийцу, его станут ненавидеть, за совершенные Гайтановым зверства, и ни одна светлая цель уже не сможет оправдать его поступков…

Это был удар по самой идее, удар, который полностью развяжет руки корпоративным военно-космическим силам…

– Начинаем окончательное всплытие. - Дрогнувшим голосом приказал он. - Самат, подготовь малые корабли для оказания экстренной помощи пострадавшему поселению.

«Игла» вышла в трехмерный континуум в пятидесяти тысячах километров от поверхности атакованной планеты.

– Связь с «Кейптауном».

– Я вызываю. Они молчат.

– Сенсорный контроль?

– Есть характерные признаки. - Немедленно отозвался Шмелев. - Фрегат закрыл вакуум-створы. Старт грузовых кораблей отменен. Идет процесс экстренного перехода в боевой режим.

– Лиза?

– Гайтанов не отвечает.

Рощин по привычке закрыл глаза.

В его арсенале оставался единственный способ остановить капитана, решившего отделиться от эскадры и начать собственный преступный промысел.

Возможно, еще не все потеряно. Я сам исправлю ситуацию, а затем хотя бы попытаюсь объяснить людям причины, по которым произошло это варварское безумие…

Отчаяние придало Рощину сил. Он понимал - если «Кейптаун» начнет бой, Самат окажется не в состоянии оказать экстренную помощь выжившим после планетарной атаки горнякам.

Его сознание беспрепятственно вошло в кибернетическую сеть «Иглы», а затем рванулось дальше, преодолевая бездну пространства на несущей частоте передатчиков фрегата.

Все выглядело хуже, чем он предполагал. Мгновенный бросок показал ему «Кейптаун» со стороны. Фрегат уже закончил процедуру экстренного шлюзования и теперь в его броне открывались диафрагмы ракетных шахт и орудийных портов.

Сеть.

Вадим готовился к сопротивлению, ожидал встретить глухую защиту, но ошибся.

На его пути не стояло мнемонических барьеров.

Неужели Гайтанов совсем потерял голову? Он же кибрайкер. Как он мог оставить без защиты кибернетическую систему корабля?

Ответ оказался прост.

«Кейптауном» командовал не Гайтанов, Вадим понял это сразу, как только его сознание влилось в информационные потоки бортовой кибернетической сети фрегата.

Канал интеркома передавал отрывистые команды вперемешку с ругательствами, голос принадлежал Эрику Найвену - одному из бывших заключенных, попавших на борт «Иглы» после памятной атаки конвоя.

Лживые твари…

Вадим блокировал внутреннюю связь. Его сознание заполнило собой всю бортовую сеть, он действовал с отчаянной целеустремленностью, пытаясь предотвратить дальнейшее развитие трагедии.

Лиза Браун вздрогнула, когда передатчики «Кейптауна» вдруг заработали, передавая на командной частоте приказ… Рощина!

– Самат, мне нужно как минимум пять человек. - Голос командира звучал отрывисто, в то время как он сам, плотно закрыв глаза, сидел в

кресле на борту «Иглы». - Команды «Кейптауна» взбунтовалась. Гайтанов и Даргель убиты. Я блокировал экипаж в отсеках.

– Вадим, - вторгся на командную частоту голос Дитриха. - держи сеть. Я передаю управление огнем автоматике. Пусть Самат продолжает спасательную операцию. Я приму командование фрегатом.

– Хорошо. Действуй. Жду тебя на борту. - Вадим испытал облегчение, услышав голос Дитриха. Как он мог забыть о нем?

Наверное, он употребил в своих мыслях неверный термин.

Он никогда не забывал о Дитрихе. Просто все это время он *боялся* той неизбежной минуты, когда придется расстаться с Кроу. Он действительно совершил роковую ошибку, доверив Гайтанову командование третьим фрегатом. Нужно было просить Дитриха принять пост командира корабля, но только сейчас Вадим окончательно понял подсознательные мотивы своих поступков: Кроу был единственным человеком, кто находился рядом с ним в тяжелый, мучительный период формирования новой личности, он помогал собирать осколки сознания, спорил с ним, подвергал критике и сомнению каждый шаг Вадима каждый порыв, каждую мысль…

Эффект бабочки…

Он стал для него ближе, чем отец или духовный наставник. Кибрайкер помог мнемонику справиться с подавляющей рассудок пустотой, и Вадим не мог даже помыслить о том, чтобы отправить Дитриха на другой корабль…

Слишком поздно.

Привязанность к вечно критически настроенному Дитриху привела Вадима к непростительному просчету, который теперь предстояло исправить… если это еще было возможно после варварского налета на вторую планету системы Антигуа.

Он видел, как отделился от «Иглы» челночный корабль.

Почему-то в этот момент пришло чувство смертной тоски.

Дитрих не испытывал иллюзий. Он давно понял причину, по которой Вадим не отпускал его от себя, но всему рано или поздно приходит конец, жаль, что очередное прозрение досталось Рощину такой ценой, но это следовало предвидеть. Он слишком сильно верил в мнемоников, и отчасти не ошибся, - смерть Гайтанова тому подтверждение.

Жаль парня.

На обзорных экранах промелькнули габаритные огни шлюзовой площадки, корабль, удерживаемый силовыми захватами, мягко коснулся посадочной плиты, и створы вакуум-дока начали смыкаться, отсекая панораму звездной бездны.

Вадим?

Да, Дитрих. Я тут. Сеть под контролем.

Где эти уроды ?

Заперлись в рубке. Я блокировал их. Весь контроль систем с дублирующего поста .

Понял. Дождись, пока я найду себе безопасный отсек .

Дитрих, пока ты идешь… Хочу сказать, что ты был прав. Прав почти во всем .

Я знаю, Вадим. Наш мир достаточно грязен и нечего строить иллюзий по этому поводу. Реальность нужно воспринимать адекватно .

Секунда тишины.

Я на месте. Готов принять управление .

Справишься один ?

Выкручусь. Не впервой…Мне уводить корабль от планеты ?

Готовь системы к прыжку. Оставайся в стороне пока мы не завершим спасательную операцию .

Понял. Постой Вадим…Я то же хотел сказать тебе: чтобы не случилось, не меняй своих принципов.

Дитрих… Такое ощущение, что ты прощаешься .

Нет. Не прощаюсь. Просто давно хотел сказать тебе об этом. Смотри на мир трезво, но оставайся самим собой. Ты достаточно силен для этого. Все командир. Работаем .

Вадим открыл глаза, снова ощущая себя в обстановке рубки управления «Иглы».

Операции с кибернетической сетью удаленного на десятки тысяч километров «Кейптауна» в другой обстановке показались бы ему легким упражнением, - зная все управляющие коды он без труда справился с задачей, но слишком тяжел оказался моральный груз события.

– Самат, что у тебя?

– Установил связь с планетой.

– Жертвы есть?

– Точно выяснить не удалось. Но разрушения серьезные. У нас нет специальной техники для разбора завалов.

– Спасательные машины должны быть у колонистов. Ты выделил людей для высадки?

– Команда готова. Старт через пять минут.

– Если выйдет заминка с переговорами - подключай меня. Как только окончательно разберусь с «Кейптауном» приду к тебе на помощь. А пока постарайся справиться сам.

Ответа Самата он так и не услышал.

Общаясь с ганианцем, Рощин не выключал имплантов, воспринимая информацию, как от бортовой сети «Иглы», так и от собственных датчиков.

Ощущение, внезапно оглушившее его, походило на беззвучный взрыв.

Гиперпространственный переход.

Рассудок воспринимал множество сигнатур, самые безобидные из которых принадлежали штурмовым носителям.

В первое мгновенье он растерялся - слишком велик оказался фактор внезапности: из пучин аномалии космоса «всплывал» полноценный флот, корабли, начиная от передовой волны штурмовых носителей и заканчивая крейсером, осуществляли сложнейший маневр, уже находясь в боевом построении, однако еще минуту назад ничто не предвещало появления столь грозной силы, из чего следовал только один вывод: флот маневрировал под защитой мнемоников.

Острое, беспощадное чувство смертельной опасности захлестнуло разум Вадима.

На голографическом мониторе тактической системы мелькали контуры кораблей, некоторые из них пройдя процедуру опознания, выстраивались в длинный столбец объемных моделей, располагаясь соразмерно степени своей потенциальной опасности.

Крейсер «Карл Мерфи».

Фрегаты «Антигон», «Коллапс», «Теллур», «Анабель», «Клодо».

Оборонительное построение корветов 12 единиц.

Штурмовые носители атакующей волны 40 единиц.

Зафиксирована работа стартовых катапульт «Карла Мерфи».

Время подлета атакующей волны на дистанцию огневого контакта: минута сорок секунд.

Инициализированы автоматические боевые последовательности…

Вадим ощущал, что его разум не справляется с объемом поступающей в него информации.

Первым порывом была мысль об экстренном прыжке, но она угасла как пламя свечи под порывом швального ветра - секции гипердрайва «Иглы» и «Танаиса» не готовы к пробою метрики, они истратили неприкосновенный запас энергии, когда фрегаты маневрировали на границе двух пространств, при предварительной разведке системы.

Время до полной зарядки накопителей - сорок две минуты.

Столько им не продержаться.

К немедленному погружению в гиперсферу был готов только «Кейптаун», и Вадим, не колеблясь, отдал приказ:

Дитрих, уходи !

Извини, малыш. Я вас не брошу.

Я приказываю тебе !

Тишина.

Гробовая зловещая тишина, как в эфире, так и на мнемонических частотах, только рассудок, невольно потянувшийся к «Кейптауну», отчетливо зафиксировал одновременную работу боевых систем и включение секций гипердрайва.

Фрегат разворачивался навстречу атакующей волне штурмовых носителей.

Дитрих, что ты задумал ?!

Я принимаю бой. Увидимся. У нас есть точка сбора, верно ?..

Мнемоническая связь оборвалась.

С момента появления корпоративного флота прошло двадцать секунд. Вечность для мнемоника.

Вадим ощущал как системы «Иглы» завершают подготовку корабля к атакующему броску.

– Командир это безумие!

Отчаянный вскрик Лизы Браун стылым эхом пронесся по каналам интеркома.

О каком безумии она говорит?

Сосредоточившись на отчетах бортовой системы, Вадим вдруг понял, что оцепенения не было. С первой секунды его рассудок продолжал руководить «Иглой». Инициализированный маневр не являлся стандартной реакцией боевых автопилотов на появление кораблей противника.

«Игла» разворачивалась, планетарные двигатели маршевой тяги работали в режиме холостого старта, готовые в любое мгновенье придать фрегату атакующий импульс ускорения.

«Кейптаун» шел выше плоскости эклиптики корпоративного флота. Дитрих действовал с решимостью обреченного и холодным, трезвым расчетом опытного кибрайкера.

«Танаис», занимавший самое невыгодное положение, совершил асинхронный маневр, развернувшись бортом к вражескому флоту. Самообладание Самата вызывало невольное уважение, - не являясь мнемоником, он руководил действиями фрегата так, словно угадывал мысли Вадима и Дитриха.

Менее чем за минуту «Танаис» закрыл вакуум-створы, полностью перейдя в боевой режим.

– Прикрой меня, Вадим!

Голос Дитриха вернул Рощина в реальность.

«Кейптаун» пересек роковую черту. Двигаясь выше основного построения корпоративного флота, он словно магнит притягивал к себе внимание, как людей, так и кибернетических систем. Маневр фрегата казался отчаянным, самоубийственным шагом обреченного…

Гипердрайв … - Мысль внезапно нашла точку опоры, раскрывая замысел Дитриха.

Известно, что для пробоя метрики трехмерного континуума и переход на уровень аномалии космоса требуется создание поля высокой напряженности, сопоставимого с энергетикой гиперсферы, где действуют иные физические законы. Работу генераторов высокой частоты в момент импульса можно сравнить лишь со вспышкой солнечной активности. Однако Рощин отчетливо различал, что генераторы «Кейптауна» работают в необычном режиме: они не выдавали прыжковый импульс, но создавали устойчивое поле, под воздействием которого метрика континуума меняла характеристики физических величин: силовая установка фрегата беспощадно исчерпывала свой ресурс, создавая вокруг корабля объемную область аномального пространства!

– Боже… - Выдохнул Шмелев. Его нейромодули фиксировали нечто, не укладывающее в рамки рассудка, - в зоне действия генераторов «Кейптауна» начал ускорятся темпоральный поток!..

На экранах обзора можно было наблюдать, к чему привел локальный скачок времени - разница составляла миллисекунды, но этого оказалось достаточно, чтобы привести к глобальному сбою в работе кибернетических систем корпоративного флота.

Так мог действовать только кибрайкер. Вадиму стал понятен замысел Дитриха, но он сам не сумел бы продумать и реализовать подобную атаку.

Прикрой меня…

Мнемоники. Только они способны преодолеть сбой обмена данными.

Сознание Рощина рванулось к «Кейптауну»

Скачок времени отозвался в рассудке вспышкой боли, мгновенной дезориентацией, но его мозг находился вне действия гипердрайва фрегата, а значит, он почувствовал лишь *отголосок* того воздействия, что испытывали кибернетические системы и мнемоники, защищающие корпоративный флот. Что испытывают рядовые члены экипажей, он не представлял. Скорее всего, мгновенный приступ дурноты, внезапную путаницу в мыслях, потерю пространственной ориентации…

Справившись с собственными ощущениями, Вадим блокировал все порты доступа к кибернетической системе фрегата, прикрывая Дитриха от

мнемонических атак.

Вовремя.

На борту кораблей корпоративного флота находились не только мнемоники, но и кибрайкеры, мгновением позже Вадим почувствовал первую атаку.

Держись Дитрих.

Он вступил в схватку, полностью отключив свой разум от восприятия объективной реальности.

На боевом мостике «Танаиса» Самат Аль Рамади отдавал сухие, лаконичные приказы.

Он не мог воспринимать данность на уровне энергий, но у него оказалось достаточно опыта, прозорливости и интуиции, чтобы интерпретировать события, наблюдая последствия не укладывающейся в рамки традиционного восприятия атаки «Кейптауна»

– Андрей, почему молчит командир?

– У меня нет доступа. - Ответил коммуникатор голосом Шмелева. - Он… он вне этой реальности.

– Принимай командование «Иглой».

– Я не могу!..

– Можешь. Мне нужна поддержка!

– Самат я не справлюсь!

– Прекрати ныть! Шаранг… Исычи Шиист! Начинай атакующий бросок! Выводи «Иглу» в конус атаки на крейсер!

– Да. Я понял.

– Действуй.

«Игла» начала ускорятся, начиная атакующий бросок.

Самату не требовалось *знать* , что происходит с кораблями противника, как истинный воин он интуитивно воспринимал динамику боя, трактуя действия не зависящих от него сил исключительно в свете принятия сиюсекундных тактических решений.

Глаза Аль Рамади видели, как сломался строй атакующей волны штурмовых носителей. Модули противника сбились с курса, теряя управление. В космосе начался хаос столкновений, над которым царил стремительно взламывающий построение корпоративного флота «Кейптаун».

Возможно, Дитрих был демоном. Однако это не мешало Самату использовать созданную им ситуацию, приняв данность без объяснения причин и следствий.

Двигаясь перпендикулярно курсу флота корпораций, «Танаис»

произвел три массированных ракетных залпа. Учитывая поведение штурмовых носителей, было понятно, что боевые части ракет не смогут задействовать кибернетические системы наведения, но преимущество ганианца заключалось в патологическом недоверии к любой сложной электронике. Не надеясь на программы самонаведения, он отключил компьютеры ракет, производя залпы по траектории прямой наводки, благо оптические умножители вариатора целей позволяли синхронизировать залп по координатной сетке прицельного визира[31].

Исходя из складывающей конкретики боя, Самат понимал, что посеянный Дитрихом хаос нужно умножить, пока не прекратилось воздействие непонятной силы, не позволяющей кораблям противника маневрировать и отвечать на огонь.

Андрей Шмелев похолодел, когда «Танаис» двигавшийся за кормой «Иглы» произвел один за другим три массированных ракетных залпа.

Он с ума сошел?

Рассудок мнемоника тут же рванулся к блокам самонаведения стартовавших ракет, но попытка входа в схему управления наткнулась на неодолимую преграду - компьютеры головных частей *не работали* .

За те мгновенья, что потребовались Андрею на рефлекторную, но бесплодную попытку мнемонического воздействия, многотонные реактивные снаряды пронеслись мимо «Иглы», обгоняя фрегат, и спустя четыре секунды ударили в плотное построение корпоративного флота.

Беззвучные, ослепительные вспышки, туманные выбросы декомпрессии пораженных отсеков, роящиеся облака разлетающихся в разные стороны обломков, картина на мгновенье представилась, как внезапное извержение вулкана, ожившего в самом центре построения корпоративного флота.

Разум с трудом воспринимал подобный оборот событий.

Минуту назад казалось, что их смерть лишь вопрос времени, но сейчас, наблюдая, как разлетаются обломки двух корветов, Шмелев вдруг уверовал в саму возможность победы.

Линия фрегатов сломала строй.

Обломки кораблей, множили хаос, исполняя роль шрапнели.

Во мраке космоса вдруг проявилось мерцание суспензорных полей, это, наконец, отработали системы экстренной герметизации пораженных отсеков, выхлопы декомпрессии тут же прекратились, но по множественным источникам зеленоватого сияния стало ясно, что как минимум три фрегата получили серьезные повреждения.

«Игла» уже вышла в конус атаки, когда «Кейптаун» внезапно потерял ход.

Мгновенно сканирование указывало на работу захватов принудительной стыковки, которые генерировал «Карл Мерфи».

Бледным светом вспыхнули носовые дефлекторы «Иглы». Фрегат вошел в поле обломков, двигавшихся по замысловатым траекториям в зоне столкновения нескольких штурмовых носителей.

На радарах множились ложные цели, боевой сопроцессор уже не мог отсеять все помехи, вокруг кружили тонны металлоконструкций, меж которых терялись истинные данные по пространственному положению уцелевших корветов. Фрегаты противника активно отрабатывали двигателями коррекции, восстанавливая защитное построение.

Что-то произошло.

Вадим открыл глаза.

«Кейптаун» был мертв. Генераторы высокой частоты выкачали все до последнего эрга из бортовых накопителей.

Он попытался связаться с Дитрихом, но тщетно.

В этот момент крейсер, вышедший из-под воздействия аномального поля, включил захваты насильственного удержания, поймав лишившийся энергии фрегат в незримые тенета.

На обзорных экранах царил хаос.

Призрак небывалой победы таял, отставляя горечь поражения.

Рощин не мог смотреть как беззащитный «Кейптаун» неумолимо сближается с «Карлом Мерфи».

Тактический монитор показывал как вслед за «Иглой» в поле обломков входит «Танаис».

Замысел Самата был прост и логичен. Он намеревался проскочить сквозь построение корпоративного флота, одновременно атакуя крейсер. Курс «Иглы» лишь подтверждал это.

Мы не уйдем без Дитриха …

Вадим, измученный отражением мнемонических атак, больше не уповал на чудо. Все стремительно возвращалось на круги своя, потеря атакующей волны штурмовых носителей, сломанный строй корветов и повреждения трех фрегатов не могли создать решительного перевеса сил.

Одна батарея плазмогенераторов «Карла Мерфи» в несколько секунд восстановит истинный баланс, тем более что уклонится от огня крейсера на сверхмалой дистанции было попросту невозможно.

Рощин был так измотан, что близкое дыхание смерти не подействовало на его рассудок.

Он проиграл этот бой несколько недель назад, приняв неверные решения при формировании экипажей. Ничто, даже самоотверженная атака Дитриха не могло компенсировать предательства, удара в спину, после которого все теряло смысл.

За кормой «Иглы» внезапно начало вспухать новоявленное солнце.

Залп плазмогенераторов крейсера ударил в «Танаис».

Вадиму казалось, что его сердце сейчас остановиться.

– Андрей, Лиза, быстро в отсек шаттлов.

– Командир?

– Я веду «Иглу». Вы готовите малый корабль с гипердрайвом. Исполнять!

Он дождался, пока зеленые маркеры переместятся на фон застывшего в стволе стартовой катапульты аварийно-спасательного модуля.

Секунды утекали в вечность.

Вадим перехватил управление и включил стартовую последовательность.

Не было ни слов прощания, ни протестов. - Рощин действовал наверняка, как может действовать только боевой мнемоник.

Образы Самата и Дитриха таяли перед мысленным взором.

Нет.

Дитрих, ты выживешь.

Я клянусь тебе…

Стартовая катапульта выбросила модуль в коловращение обломков, и тут же заработал гипердрайв спасательного судна.

Бледная вспышка, и двое дорогих сердцу людей выскользнули из лап смерти.

Вадим не знал, куда вышвырнет их гиперсфера.

«Игла» продолжала двигаться вперед, обломки корветов скребли по обшивке, сбивая антенны и надстройки, но царящий вокруг хаос закрывал фрегат от залпа лучше любого щита.

Вадим понимал всю бессмысленность огневой дуэли с крейсером корпорации.

Он уже был мертв, мертв морально, но прежде чем произойдет неизбежное, он был обязан хотя бы попытаться спасти Дитриха.

Индикаторы накопителей энергии гиперпривода показывали половину номинальной мощности.

Был ли у него какой-то иной выход?

Нет.

Вадим не пытался спастись, он всем своим существом стремился

лишь к одному: дать Дитриху последний шанс.

«Игла», следуя прежним курсом, вышла из поля обломков, оказавшись меж построения фрегатов на дистанции в двести километров от «Карла Мерфи».

Вадим в последний раз взглянул на мониторы.

Генераторы высокой частоты активированы. Произведена перефокусировка.

Дальше шли стремящиеся к нулю цифры обратного отсчета.

Он вполне усвоил урок, только что преподанный Дитрихом. Генераторы поля высокой частоты заработали, создавая аномалию в двухстах километрах от «Иглы».

Импульс был слабым, но его все же хватило, чтобы создать и держать пробой метрики в течение семи с половиной секунд.

Захваты «Карла Мерфи» внезапно отключились, отпуская фрегат, а в следующий миг заработали аварийные системы гиперпривода крейсера.

У капитана сдали нервы. Он не выдержал повтора атаки и включил аварийный гипердрайв.

Черная воронка гиперпространственного перехода поглотила «Карла Мерфи», увлекая лишенный энергии «Кейптаун» в слепой рывок через гиперсферу.

Дитрих исчез из этой реальности.

Вадим уже не управлял «Иглой». Глаза Рощина были закрыты, но он видел лишь два ослепительно белых крыла бабочки, разлетающихся в разные стороны на фоне вселенской черноты.

Не было в этом мире справедливости.

Здесь торжествовало ЗЛО…

Он был готов к смерти, но шли секунды, а жизнь не обрывалась.

Он ждал удара, взрывов, стонов искореженного металла, но вместо этого ощутил ритмичные толчки - так могли разряжаться лишь электромагнитные катапульты ракетных палуб.

Кто? Кто вел бой, управляя огнем фрегата?

Чернота отступила.

Он вновь вернулся в виртуальную реальность бортовой сети и отчетливо увидел андроида.

Хьюго в отсутствии команд взял инициативу на себя, произведя два ракетных залпа с уничтожающе короткой дистанции.

Два фрегата, в построение которых буквально вклинилась «Игла», совершили один и тот же маневр: не в состоянии уклониться от ракет, оба капитана включили гиперприводы.

Серая хмарь гиперпространственного перехода плеснула в экраны телескопического обзора, и Вадим, лишь усилием воли удерживавший в себе искру сознания, понял, что лишившийся управления корабль проваливается в пучину гиперсферы…

Часть 3 Эволги. По ту сторону Бездны

Глава 8

Настоящее… Система Элио. Штаб Военно-космических сил Конфедерации солнц…

– Господин адмирал, к вам полковник Фон Риттер.

Сокура кивнул.

Двери кабинета отворились. Полковник в форме ВКС Конфедерации выглядел устало, его глаза ввалились, осунувшееся лицо все еще хранило сероватый оттенок кожи, - очевидно, он только что вернулся из крайне напряженной командировки…

– Садись. - Адмирал жестом прервал уставное приветствие. - Обойдемся без формальностей, тем более, наверное, отвык от субординации? - Глаза Сокуры хитро прищурились. - Ладно, не напрягайся. Я вижу, ты совсем перестал понимать армейский юмор.

– Не до того было. - Сухо ответил полковник.

– Знаю. Твой доклад передан в особый отдел Совета Безопасности.

– Оперативно.

– Обстоятельства поджимают. Как, повременишь с заслуженным отпуском?

– Адмирал, я не против, но не понимаю, почему вы потребовали моего личного участия в новой операции?

– Дело касается одного из твоих знакомых. Вот данные. - Сокура протянул Фон Риттеру микрочип. - Можешь читать здесь. Мне не помешает.

Полковник кивнул. Сжав чип в пальцах, он прикрыл глаза.

Ему потребовалось секунд десять для прочтения и анализа информации.

– Это в корне меняет ситуацию. - Наконец произнес он. - Я готов возглавить группу, господин адмирал.

– Готов?

– Не сомневайтесь.

– А как же «год скитаний, в попытке вернуться?», - не удержавшись, все же спросил он.

– Переживу. Можно забыть. - Он протянул адмиралу микрочип и добавил: - Имен достаточно. Не стану отрицать: выбраться в границы Обитаемой Галактики после «слепого рывка» было непросто, но здесь, - он кивнул на микрочип, - достаточно мотивов, чтобы забыть об отпуске. Вы

вернули мне надежду, господин адмирал, а это стоит всех невзгод.
– Надежду на мщение?
– Нет. Возмездие. Законное возмездие. Я теперь хорошо понимаю разницу между понятиями «мести» и «возмездия».
– Рад, что ты не изменился. Вернее изменился, но в лучшую сторону. - Поправил сам себя адмирал Сокура. - Что ж, полковник, тебе, как говориться карты в руки. Всем необходимым я тебя обеспечу, работать будешь в условиях цейтнота, жестко, на упреждение. Нам по-прежнему не известно, где *сейчас* находится ключевая фигура системы, ты хорошо осознаешь данное обстоятельство?
– Да, господин адмирал. Вы правильно поступили, вызвав меня. Могу ли рассчитывать, что при обнаружении искомого, действия колониальной администрации будут так же быстры и адекватны?
– Не сомневайся. Я тебе гарантирую: захват будет произведен немедленно, как только мы получим данные.
– Хорошо. Это очень хорошо. - Фон Риттер встал. Его глубоко запавшие глаза мрачно блеснули. - На этот раз он не сумеет ускользнуть, клянусь.
Настроение у Найджела было паршивым.
Риган стоял перед ним, понурив голову, полностью осознавая, что на этот раз он влип. Не смотря на ценность доставленной информации, по мнению Найджела потери оказались несоизмеримо больше.
– Мне плевать на твой миллион, Риган. - Мрачно изрек он. - И на твою жизнь тоже. Хоть мы с тобой и почти что тезки, а на Рощина у меня зуб, тебе не выкрутиться, если с контейнером что-то случиться. Ты плохо представляешь ценность содержимого, парень. Иначе не улепетывал бы оттуда, а замочил бы этого двинутого мнемоника.
– Это было не в моих силах. - Глухо ответил Риган.
– Да ладно. Всадить нож в спину или пустить пулю стало слабо? Не верю. Услышал про миллион и все позабыл? Так, наверное, честнее?
– Он боевой мнемоник. И на моих глазах его уже однажды застрели на Фрисайде.
– Обоссался со страха? - В глазах Найджела промелькнуло презрение. - А меня не боишься? Я то же мнемоник, к твоему сведению.
Имей Риган возможность высказаться, не опасаясь быть убитым в порыве неконтролируемой ярости, он бы, наверное, ответил своему нынешнему боссу, что тот и рядом не стоял с Рощиным, в плане своих мнемонических способностей. С того света, по крайней мере, Найджел не возвращался, а вот Вадим вернулся…

– У меня не оставалось никакого выбора. Либо бежать, используя ситуацию, либо он вычистил бы мне память. Я всего лишь выбрал меньшее из зол.

– Не думаю, что меньшее. - Зловеще предостерег его Найджел. - Молись, если умеешь, чтобы контейнер и содержимое остались целы, а Рощин не исчез вместе с «Иглой», как уже было однажды.

Риган не стал ничего отвечать. Он был слишком незначительной фигурой, рядовым исполнителем в крупномасштабной игре, затеянной Найджелом. Глупо спорить или огрызаться. Оставалось надеяться, что Рощин действительно не сумеет ускользнуть от сил корпоративного флота.

Ожидание начинало неоправданно затягиваться.

Вадим не понимал, почему не последовало немедленной реакции корпоративного флота, ведь Риган наверняка уже доложил, кому следует, о местоположении «Иглы».

Мог ли он ошибаться относительно натуры Ригана?

Вряд ли.

Беспокойство усиливалось с каждой минутой томительного ожидания.

Флот «Инфосистемз» на самом деле так и не вышел в расчетную точку для погружения в пространство гиперсферы.

Найджел, которому пришлось держать ответ перед первыми лицами корпорации за срыв акции по доставке бесценного груза, пребывал в мрачном расположении духа.

Почему меня окружают одни дегенераты? - Зло размышлял он. - Ничего не могут сделать, как полагается…

В мысли вплелся тревожный сигнал.

Мгновенный контакт с бортовой сетью показал, что тревожное предупреждение передано датчиками локационной системы «Карла Мерфи».

– Сэр, точка гиперпространственного перехода блокирована. - Раздался по связи доклад старшего офицера ходовой рубки.

– Вижу. - Огрызнулся Найджел. В последнее время он часто и необоснованно срывался, но не считал подобное поведение собственной психики каким-то тревожным сигналом, отнюдь, привычка к вседозволенности притупила инстинкты мнемоника, и смысл многих действий, извращенный неограниченной властью, менял знаки.

Дерьмо Шииста… Какого фрайга делает в точке гиперперехода эта посудина?

Локационные комплексы показывали, что из пучин гиперсферы

осуществляет всплытие транспортный корабль класса «Элизабет-Дельта», последняя модификация знаменитой «Сигмы».

– Сэр мы должны изменить курс, чтобы не попасть в локальную аномалию.

Найджел понимал это не хуже старшего офицера, но его, что называется «понесло».

– Капитан!

– На связи.

– К фрайгу эту посудину. Снесите ее из главного калибра.

– Сэр?

– Плазмогенераторы к бою! Оглохли, мать вашу?! Исполнять!

Риган, которому поневоле пришлось стать свидетелем этой сцены, подумал, что верно ошибался: если и есть на Окраине мнемоник, у которого точно поехала крыша, то это не Рощин, а Найджел.

– Орудийная палуба готова. Генераторы плазмы выведены в боевой режим.

– Хватил болтать. - Найджела доставала, бесила эта бессмысленная болтовня по интеркому. Бесконечные доклады, подтверждения, уточняющие вопросы, - мнемонику, чей разум привык к иному быстродействию, происходящее вокруг казалось невыносимым.

Наконец он всем существом почувствовал, как одна из надстроек орудийной палубы разрядилась пятью сгустками плазмы, заключенными в незримые оболочки магнитных полей.

Он прикрыл глаза, мысленно сосредоточившись на виртуальном «сопровождении» зарядов. В такие секунды Найджел находил особое, извращенное удовольствие в мысленном восприятии всеуничтожающих энергий. Еще пара секунд, и помеха, вставшая на его пути, превратиться в облако газа, который уже не сможет служить препятствием для неумолимого продвижения «Карла Мерфи»

Ты, придурок, оказался не в то время и не в том месте. - Мысленно обратился он к переживающему сейчас мгновенья предсмертного ужаса капитану грузового судна.

Кто из нас придурок, еще посмотрим.

Найджел вздрогнул всем телом.

Ему отвечал мнемоник!..

Что за фатальное невезение? В прочем от плазмы не…

Мысль оборвалась, одновременно со слепящей вспышкой защитного поля. На борту грузового корабля внезапно заработали электромагнитные шиты, мощности которых могли позавидовать установки самого «Карла

Мерфи».

Проклятье …

Пять плазменных сгустков «растеклись» неистовым, но *бессильным* заревом по площади резко обозначившейся полусферы.

Найджел в такие мгновенья вообще переставал контролировать собственный рассудок.

«Карл Мерфи» продолжал на полной скорости сближаться с небольшим транспортным кораблем, расстояние между ними катастрофически сокращалось, но капитан «Элизабет-Дельты» проявил завидное хладнокровие, похоже он совершенно не опасался огромного крейсера. Обшивка грузового судна внезапно озарилась сполохами корректирующих двигателей, и «Элизабет-Дельта», совершив филигранный маневр, устремилась на встречу исполинскому крейсеру.

Мгновенная обработка курсовых данных ясно указывала: транспортный корабль пройдет в сотне метров от корпуса «Карла Мерфи», двигаясь вдоль составляющих обшивку бронеплит.

Никогда, ни один капитан не рискнул бы подпустить малый корабль на такое расстояние.

Дистанция на которой два корабля должны были разойтись, следуя встречными курсами идеально, прямо как по каноническим учебникам подходила для операции принудительной стыковки.

Времени на противодействие уже не оставалось, сближение кораблей заняло несколько секунд, в течение которых «Элизабет-Дельта» успела совершить еще один маневр, будто кораблем управлял не человек, а какое-то существо со сверхъестественной реакцией: безобидный на первый взгляд грузовой корабль вместо того, чтобы поспешить разминуться с гигантским крейсером, поступил ровно наоборот: поравнявшись с двумя исполинскими выступами надстроек, образованными ходовой рубкой и постом локационного контроля, он еще раз отработал двигателями коррекции, уходя в «мертвую» для орудий крейсера зону.

В следующий миг «Карл Мерфи» содрогнулся.

Грузовой корабль включил систему принудительного удержания, прочно состыковавшись с обшивкой крейсера.

Во всех отсеках «Карла Мерфи» работали сигналы тревоги, призывая экипаж к противодействию.

Любой из приказов безнадежно опаздывал, но каждый участник внезапно разыгравшихся событий воспринимал их по-своему. Бойцы десантных подразделений сломя голову неслись к точке прорыва, где обшивку крейсера прорезали мощные лазеры и в образовавшиеся

отверстия уже подавались гибкие секции тоннельных переходов, по которым в разгерметизированные отсеки технической палубы внезапно устремились бойцы в боевых скафандрах космической пехоты Конфедерации Солнц.

Для капитана крейсера все происходящее напоминало кошмарный сон.

Конфедераты…

Его внезапно оглушил мнемонический удар.

Схватившись руками за голову, капитан «Карла Мерфи», не выдержав, заорал, в то время как в его рассудке звучал спокойный голос:

Говорит полковник Фон Риттер. Военно-Космические силы Конфедеративного Содружества. - В сухой, официальной формулировке не чувствовалось издевки, лишь констатация фактов. - *Вы нарушили семь параграфов Устава Совета Безопасности Миров. Ваши действия будут квалифицированы как вооруженное нападение на частный корабль. Советую отменить все отданные приказы, противодействие лишь усугубит степень вашей вины и ответственности.*

Крик капитана оборвался.

Его настиг еще один, на этот раз беспощадный мнемонический удар, исходивший от Найджела Гревса.

Рассудок капитана не выдержал, когда его разум внезапно стал ареной столкновения двух мнемоников.

Серая мгла затопила сознание, он еще жил, дышал, но уже не мог мыслить самостоятельно, рассудок более не подчинялся ему, лишь крохотная часть самосознания, еще отражающая человеческую сущность, в оцепенении наблюдала, как из нейтральной субстанции вдруг выдавило два фантомных образа.

– Найджел Гревс, собственной персоной. - Фон Риттер усмехнулся. - Давно же я ждал этой встречи.

– Кто ты?! - в бешенстве выдавил Найджел.

– Твоя смерть. Каково звучит? - Полковник явно издевался, не отказывая себе при этом в хладнокровии. - Быть может, ты освободишь разум несчастного?

– Проваливай. Тебя сейчас приволокут ко мне в силовых наручниках!

– Вот это вряд ли.

– Много слов.

– А почему бы не поболтать? Торопишься сдохнуть?

Найджел не выдержал. Он ударил, на миг превратившись из смутно очерченной фигуры в тугой смерч.

Его противник был готов к внезапной атаке.

Он исчез, растворился в виртуальном пространстве, рассеялся, будто дым под порывом шквалистого ветра, но стоило Найджелу обуздать свой порыв, как смутный образ вновь появился в сером пространстве, но теперь уже за спиной Гревса.

– Обернись.

Найджел резко вывернулся, вновь обратившись «лицом» к противнику.

Последующий за этим удар пробил защиту полковника, Гревс вложил в него все неистовство своей натуры, помноженное на многолетний опыт мнемоника.

Фон Риттер не смог снова растворится в виртуальном пространстве, по его призрачной фигуре пробежала губительная рябь искажений: полузадохнувшемуся от ужаса капитану, ставшему невольным свидетелем поединка показалось, что два фантома на доли секунды слились в один, а затем…

Найджел отпрянул, словно ожегшись о раскаленную поверхность.

– ТЫ?!

Образ Фон Риттера вновь обрел некоторую четкость.

– А кого ты ожидал встретить Найджел? - Спросил он, словно ничего не случилось. - Ты стал скверным мнемоником. И на кибрайкера не тянешь, так серединка на половинку. Забыл, чему тебя учили? Иногда нападение не самый лучший способ защиты. - Фантом полковника вплотную приблизился к Гревсу. - Значит, узнал меня? Вспомнил?

Короткая серия точно рассчитанных мнемонических ударов, облеченных в форму *слов* , достигла цели.

Пространство вдруг начали заполнять туманные, призрачные образы.

Рассудок Найджела, не выдержав моментального прессинга, выпустил на волю рвущиеся изнутри ассоциативные образы, порожденные внезапным, болезненным прозрением.

– А вот это уже интересно… - Фон Риттер придирчиво рассматривал один из фантомных образов, где две смутные фигуры - двойник Найджела Гревса и сухопарый пожилой мужчина беседовали в скромном офисе. Прислушавшись к их разговору фантом полковника подмигнул своему противнику.

– То, что нужно. Впрочем, я и так знал, кто он. Видишь, Найджел иногда полезно раскрыться перед противником, допустить его в пространство собственных воспоминаний, чтобы вызвать бесконтрольную ответную реакцию. Только не говори, что тебе не преподавали это. А

теперь, пожалуйста, подскажи мне: ГДЕ ОН?

Рассудок Найджела не мог сопротивляться неистовому напору. Он по-прежнему испытывал полную дезориентацию после достигших цели мнемонических ударов и продолжал машинально ассоциировать, подчиняясь волевой установке полковника.

Смутные образы…

Застывшие, уже начинающие ветшать комплексы терраформинга. Не достроенный *дворец* , фундамент которого занесло песком.

Не то. Где он сейчас?

Сознание Найджела все-таки выпустило требуемый образ. Он позволил своему рассудку отдать на рассмотрение полковника требуемую информацию, понимая, что его единственный шанс будет связан с мгновением, когда Фон Риттер сосредоточится на распознавании образа…

Вот это уже ближе к истине, Найджел…

Гревс молча ударил, вложив в мнемоническую атаку все свои силы.

Туманные образы вдруг начали разлетаться рваными клочьями искажений, казалось, субъективная вселенная брызжет радужными сгустками энергий, но неистовая атака оборвалась столь же внезапно, как и была начата.

Фантом полковника Фон Риттера стоял совершенно один посреди мрачного, безжизненного пространства.

– Капитан вы все еще тут?

Частичка съежившегося, потерявшего контроль над рассудком эго, тлела как уголек, случайно сохранившийся среди пепла.

Полковник бережно раздул его, дождавшись пока появиться первый голубоватый язычок *осознанной* мысли и добавил:

– Ваша смерть, капитан, не входит в мои планы. Вас будут судить, вместе с остальными офицерами. Прощайте.

Реальность вернулась к полковнику режущим глаза сиянием потолочных панелей рубки управления Элизабет-Дельты.

– Морган, докладывайте. - Подавив приступ дурноты, потребовал он.

– Найджел обезврежен, сэр. Мы извлекли нейромодули.

– Осторожнее с ним. Боюсь, он представляет угрозу даже без кибернетических расширителей. Пусть при нем постоянно дежурят два боевых мнемоника.

– Будет исполнено. Доставить его на борт «Дельты»?

– Да мне нужно еще раз пообщаться с ним. Прежде чем действовать дальше. Что с крейсером?

– Боевые мнемоники контролируют семьдесят процентов бортовых

систем. Экипаж и мобильные группы корпоративных сил заперты в изолированных отсеках.

– Навигационные базы данных?

– Все в порядке. Они скопированы.

– Хорошая работа капитан. Продолжайте зачистку.

Фон Риттер устало помассировал виски.

Долорес?

Я в рубке крейсера.

Принимай управление.

Куда мы летим, полковник?

Оставь данные навигационного блока без изменений. Куда предполагался прыжок?

Одна из удаленных систем Окраины. Ничего интересного. Раньше там были рудники в поясе астероидов, но сейчас система необитаема.

Это не так. Будь готова к неожиданностям. Сориентируй мнемоников, чтобы ни при каких обстоятельствах не раскрывали защиты. Идем в режиме глухой обороны.

Почему?

Враг нашего врага - наш друг, верно? Но он не знает, что на борту крейсера уже не командует Найджел.

Поняла. Начинаю подготовку к прыжку.

Я поднимусь на борт минут через пять. Проверь сетку горизонталей гиперсферы. Меня интересует, сможем мы осуществить повторный прыжок из той системы, непосредственно к Аллору?

Сейчас проверю. Если прямой прыжок невозможен, будут дополнительные указания?

Нет. В таком случае я свяжусь с колониальной администрацией через канал ГЧ. Думаю, с арестом одного подонка они как-нибудь справятся без моего личного участия. Хотя будет жаль. Хотел бы лично взглянуть ему в глаза.

Можно вопрос, полковник?

Конечно.

Я правильно поняла - вы вычислили ЕГО?

Да, Долорес. Теперь мы точно знаем человека, что многие годы готовил и продавал мнемоников и кибрайкеров. Он уже был однажды опознан, но с тех пор успел сменить себе не только документы… Его местонахождение только что выдал Найджел Гревс. Сколько веревочке не виться…

Это хорошая новость. Я постараюсь найти оптимальный маршрут

в систему Аллора. Мне то же очень хочется взглянуть на него. Не часто удается изловить зверя в человеческой шкуре.

Полковник не ответил. Он не хотел обижать зверей.

* * *

Беспокойство Вадима обрело четкие признаки тревоги.

Он понимал: события опять пошли не так, как предполагала логика развития ситуации.

Или Найджел оказался хитрее, чем я думаю.

Не было гарантии, что корпоративный флот не маневрирует сейчас на границе метрик, тратя энергоресурс единственно ради того, чтобы вынудить Рощина к действию.

От нелегких мыслей его отвлек посторонний звук.

Шаги.

В тиши безлюдных палуб фрегата они звучали особенно громко, отдаваясь эхом по пустым коридорам.

Хьюго?

На связи. Все спокойно. Возмущений метрики нет.

Ты на посту?

Естественно. Разве была другая команда?

Нет. Продолжай наблюдение. Я отлучусь на пару минут.

Нужна помощь?

Обойдусь. Следи за обстановкой.

Вадим прервал мысленную связь.

Шаги удалялись, теперь они звучали глуше.

Галлюцинации? Перенапряжение дает знать о себе таким необычным образом?

Он все же встал с кресла.

Звук шагов действительно удалился по коридору.

Вадим крадучись пошел следом. Не понимая, откуда мог взяться на борту источник столь характерного звука он не решился абстрагироваться от реальности, переходя на мнемоническое восприятие данности. Осторожность не повредит. Существовало проверенное практикой правило, если источник явления проистекает из «реала» искать его следует в адекватной обстановке, иначе…

Мысль осеклась.

Он увидел в конце коридора, перед наглухо задраенной межпалубной

переборкой, нагую женскую фигуру.

Боже… Это была *она* !

– Эллен!

Вадим побежал.

Да, несомненно, она. Оборванные провода датчиков, влажные волосы…

– Эллен!

Она медленно повернулась.

Вадим находился уже в двух шагах от нее, и отчетливо увидел, что глаза девушки остаются пустыми, в них отсутствовало выражение мысли, значит, по коридорам «Иглы» на самом деле шла не Эллен, а лишь ее тело, физическая оболочка, разум которой по-прежнему находился в моральной коме.

Но ведь что-то заставило ее встать? И почему системы поддержания жизни не подняли тревогу, когда их работа была грубо прервана?

Вадим не мог доверять словам Ригана. Он не знал, что случилось на самом деле, при каких обстоятельствах она получила мнемоническую травму?

От этого зависело многое.

Он взял ее за руку заглянул в глаза, тщетно пытаясь отыскать в них искру осознанной жизни.

Что я делаю? Тоже понемногу начинаю сходить с ума? - Подумал Вадим, ощущая холодную ладонь Эллен. - Бросил все, бегаю по коридорам пустого корабля, за призраками из прошлого…

Хьюго как обстановка?

Все спокойно. - Тут же откликнулся андроид. - *Никаких признаков возмущения метрики.*

Начинай подготовку к прыжку.

Координаты? - Невозмутимо осведомился дройд.

Выбери сам. После погружения переходи на сетку горизонталей гиперсферы. У нас должно хватить энергии чтобы, не появляясь в трехмерном космосе, сменить несколько ведущих горизонталей?

Вполне.

Тогда действуй. Я остаюсь на связи, если потребуется - помогу.

Ты не сказал куда летим? Конечная цель маршрута?

Следуй не маркированным линиям гиперсферы[32] . Подальше от людей.

* * *

«Игла» погрузилась в аномалию космоса, но на душе Вадима по-прежнему лежала тяжесть. Груз сомнений не выбросишь через шлюзовую камеру. Мысли всегда остаются с тобой, от них не ускользнешь через пространство и время.

Здесь и сейчас. Настоящее. Момент бытия, не принадлежащий прошлому или будущему.

Вадим давно перестал отдавать глупую дань условностям. Зачем ему находиться, к примеру, в ходовой рубке, когда он свободно ощущает весь корабль, находясь в любом из его бесчисленных отсеков? Прямая мнемоническая связь с бортовой сетью по своей эффективности превосходила любые существующие командные интерфейсы.

Бережно поддерживая Эллен, он продвигался по коридорам «Иглы» в сторону медицинского модуля, одновременно контролируя работу автоматических систем, ощущая (посредством датчиков корабля) как меняется физика пространства, в момент погружения фрегата в аномалию.

На миг пришла мысль: скоро все измениться, и космические корабли, наверное, станут другими. Окончательно потеряют практический смысл многие традиционные отсеки, а те, что останутся, станут более комфортны, исчезнет чрезмерная технологическая нагрузка интерьеров…

Мысль осеклась.

Он чувствовал, как отдаляется от человечества, словно «Иглу» стремительно поглощала Бездна.

Так оно и происходило на самом деле. Хьюго, следуя полученным инструкциям, вел фрегат по сетке горизонтальных линий напряженности гиперсферы от одной неисследованной системы к другой, Обитаемая Галактика постепенно превращалась из суровой данности в абстрактное понятие.

Энергия на исходе.

Начинай обратный переход. Мы в пределах звездной системы?

Я бы внес уточнение: мы находимся в границах шарового скопления «О'Хара».

Да я вижу. Масс-детектор не справляется с обработкой данных.

Рискованно выходить в зоне высокой звездной плотности. Я бы советовал сделать еще один прыжок.

Энергии хватит?

Я выберу оптимальный маршрут.

Действуй.

Двери медицинского модуля услужливо скользнули в стороны.

Вадим подвел Эллен к диагностическому ложу. Она не сопротивлялась, за четверть часа, девушка не произнесла ни слова, лишь покорно, машинально двигалась в том направлении, куда направлял ее Вадим.

Он сел в кресло.

Пока Хьюго выводит «Иглу» в трехмерный континуум, у него оставалось время для выяснения причин странного поведения девушки.

Прежде чем войти в мнемонический контакт с комплексом медицинского оборудования Вадим задумался.

Что же они сделали с тобой, Эллен? Цела ли память?..

Рощин вновь стоял на перепутье. Замкнуться в себе, стать отшельником, уйти от мира людей не удалось.

Да есть ли смысл в подобном существовании? Искать мира с самим собой можно и нужно, но Вадим находил лишь временное перемирие.

Сев в кресло подле комплекса аппаратуры, поддерживавшего жизнь Эллен, он некоторое время смотрел в ее заострившиеся черты, пытаясь разумно объяснить себе ситуацию.

Не получалось. Между образами Ригана и Эллен отсутствовала взаимосвязь, по внутреннему убеждению Вадима она не могли стать *компаньонами*.

Хотя, что я могу знать наверняка?

Он собирался предпринять рискованный шаг. Прямой доступ к разуму Эллен мог обернуться для него непредсказуемыми последствиями. Не стоило забывать, что она была воспитана как кибрайкер. Вадим надеялся отыскать в глубинах ее подсознания искру разума, загнанного туда мнемоническими ударами. Риган конечно не сказал ему всей правды, да и внешние симптомы показались Рощину странными. Будь личность Эллен уничтожена, как утверждал Эйджел, она никогда бы не выбралась из реанимационной камеры. Рефлексы тела без работы мозга не более чем набор конвульсивных сокращений мышечных тканей, для того, чтобы сорвать датчики, открыть колпак комплекса поддержания жизни, а затем блуждать по коридорам «Иглы», требуется адекватная работа определенных отделов головного мозга, отвечающих за координацию движений, и что самое важное: побудительная мысль, мотив, стимулировавший действие.

Что я знаю о ней?

Немного. Мы воспитывались в одной школе, случайно встретились в

роковую ночь аллорского бунта, вместе пережили смертельную ситуацию, затем, спустя годы, оказались по разные стороны баррикад на Фрисайде.

Слишком мало, чтобы травмированное сознание Эллен восприняло меня как друга. Да и с чего бы? Единственной зацепкой являлись воспоминания детства, но они относились к разряду травматической памяти…

Риск велик и не оправдан.

Это был голос рассудка. Вадим выслушал его доводы, и обратился к душе.

Она, хранившая образ Эллен, отвечала иначе.

Скольких ты потерял, Вадим? Чем окончилась твоя попытка мщения? Посмотри на себя - теперь ты один, вдали от людей, отчаявшийся, опустошенный, почти утративший веру в сам факт существования добра и справедливости. Неужели ты бросишь ее, оставишь без помощи, будешь равнодушно наблюдать, как угаснет чудом пробудившаяся искра сознания?

Рощин поднял взгляд.

Индикационная панель комплекса медицинской аппаратуры свидетельствовала - основные биоритмы организма Эллен в норме.

Тест порта удаленного доступа. Искать любой доступный канал связи.

Секунда ожидания.

Тестовый обмен данным успешно произведен.

Он прикрыл глаза.

Прыжок с большой высоты в омут. Непонятно откуда в сознании возникали подобные ассоциации - он никогда не нырял в воду, жизнь складывалась таким образом, что Рощин ни разу не видел открытых водных пространств…

Лишние мысли.

Рассудок Вадима попал в странное с его точки зрения пространство.

Он не увидел привычной, нейтрально-серой мглы, разум Эллен оказался открыт, не защищен, он цепко удерживал образ, отражающий безжизненный ландшафт какой-то планеты: бескрайняя песчаная пустыня, порывистый ветер гонит облака пыли; над головой, сквозь муть не прекращающейся песчаной бури, смутно проглядывают незнакомые узоры созвездий…

Внезапно восприятие изменилось, оно перешло на уровень энергий, исчез зримый ландшафт, и сознание Вадима оказалось в иной реальности, которая так же являлась отражением незнакомого ему мира, но теперь он видел не физическое движение песка, а энергетику пустыни.

Странные образы ткало сознание Эллен.

В спектрах энергетических потоков чудились призраки, не принадлежащие стихийным явлениям, они двигались, не подчиняясь воле ветра, эфемерные, сотканные из тончайших силовых линий формы, отдаленно напоминающие парящих средь бури энергетических существ, да, именно существ, потому, что они прихотливо избирали направления, свободно перемещаясь, вне зависимости от воздействия окружающей их среды, и были похожи друг на друга…

Вадим воспринимал не только формы.

Он ощущал мысли, которые не находили отклика в его сознании.

У мнемоника с годами вырабатывается способность безошибочно отделять энергии разума от проявлений иных природных сил. Он не мог понять окружающих его мыслей, но был способен констатировать их присутствие.

Эллен …

Его призыв остался без ответа. Чувство тревоги постепенно разрасталось. Почему ее разум молчит? Если бы личность Эллен погибла, то он не увидел бы ничего, кроме вязкой, безликой мглы, однако перед ним открывались четкие воспоминания. Не важно, что их смысл недоступен, главное - они есть.

Эллен, отзовись!..

Вадим рисковал. Мнемонический призыв выдавал его присутствие, он мог быть расценен, как вторжение, и…

Одна из опалесцирующих форм, роняя капли энергетической ауры, устремилась к нему.

Остальные продолжали свое движение, никак не реагируя на происходящее. Вадим успел оценить эту разницу в поведении и понять - они лишь призраки, фантомы, воспоминания, а реальна лишь одна, устремившаяся к нему форма…

Вздрогнув всем телом, он открыл глаза.

Сознание не выдержало. Машинальная защитная реакция грубо оборвала связь с разумом Эллен.

Вадим некоторое время приходил в себя, даже не пытаясь осознать увиденное.

Эллен лежала абсолютно неподвижно, лишь график мысленной активности показывал секундный всплеск, который теперь затухал.

Больше всего Вадима поразил не вид незнакомой планеты, не ее энергетика, и даже не присутствие непонятных энергетических форм…

Тревога, наконец, обрела конкретные черты, он понял, что так сильно

насторожило его в открывшейся мысленному взгляду реальности чуждого мира.

Там не присутствовало ни одной осознанной мысли Эллен. Не могла же она бездумно запомнить столь необычные явления!.. Хотела она того или нет, но воспоминание должно было сопровождаться мысленными оценками увиденного.

Ошеломляющий вывод. Вадим поежился. Ему вдруг стало зябко, словно дыхание вечности коснулось его собственного разума.

Повторить попытку? Взгляд снова коснулся ее лица, остановился на заострившихся чертах. В глаза вдруг бросилась эта деталь, которой он не придал должного значения.

Сероватый оттенок кожи. Не свойственная даже после нескольких суток беспамятства худоба. Подозрительно-стабильное состояние организма, - все это, сложившись вместе, наводило на новые подозрения. Похоже, что Риган лгал ему не только в частностях. Если бы Эллен действительно подверглась мнемонической атаке, ее память, прежде всего, сохранила бы последние травматические воспоминания, но не эту бесстрастную, словно отчет сканирующего комплекса, картину ландшафтов и распределения энергий неизвестного мира.

Рощин все ближе подходил к закономерному выводу, но сознание еще не решалось сформулировать его.

Он, не поворачивая головы, отдал мысленный приказ автоматике комплекса жизнеобеспечения.

Ответ на запрос пришел спустя минуту. Анализ обмена веществ в организме Эллен, и данные по химическому составу клеток кожных покровов недвусмысленно свидетельствовали: до недавнего времени она находилась в состоянии криогенного сна. Концентрация специфических препаратов в организме позволяла с точностью определить, что пробуждение состоялось семьдесят три часа назад, после чего девушка находилась на искусственном поддержании жизни.

Подтверждались худшие из подозрений.

Эллен не приходила в сознание. Однако сканирование коры головного мозга ясно указывало - впечатления, которыми оперировал ее разум в момент мнемонического контакта, получены недавно.

Явное противоречие. Она не могла ничего воспринимать… или все же могла?

Мысли.

Вадим не мог оспорить того факта, что ощущал их. Ощущал, но не смог прочесть, не смотря на полную незащищенность рассудка Эллен.

Он не угадал ни одного чувства, не смог понять даже обрывочной информации, и в то же время в полном объеме воспринимал сначала визуализацию образов, а затем и карту распределения энергий, которую можно получить только через сканирующие модули имплантов.

Попытка представить, в каком состоянии находилась Эллен в момент получения информации, внезапно ассоциировалась с далеким туманным образом детства:

В памяти Вадима вдруг возник смутный женский образ. Сердце болезненно сжалось. Он судорожно вдохнул, понимая, что видит *маму…*

Она протягивала ему руку. На ладони лежала маленькая коробочка.

Детские воспоминания, вырвавшись из неведомого, потаенного уголка сознания, где их не смогли найти и стереть, внезапно заполнили рассудок чувством наивного детского восторга: да, именно такой *контейнер* нужен был ему, чтобы взять с собой в далекое путешествие частичку родной планеты, маленького эригонского светлячка, каких полно в тоннелях, соединяющих между собой подледные города суровой планеты…

Две мысли словно острые, беспощадные клинки резанули душу, заставив ее кровоточить.

Он вспомнил свою родину…

И одновременно понял - разум Эллен использовали как контейнер, способный принять и сохранить… ЧТО?

Мысли?

Он видел чуждые пониманию формы и воспринимал столь же чуждые мысли.

Они не принадлежали Эллен.

Тогда кому?

Было страшно. Страшно повернуть голову, взглянуть на заострившиеся черты девушки, но он превозмог себя, иначе…

Мысль оборвалась, чувства застыли.

Ее губы шевелились.

Он, не отрываясь, смотрел на Эллен, понимая, скорее по слабой, едва заметной артикуляции, тихое как дыхание слово:

ПОМОГИ…

Слово, не принадлежавшее бессознательной девушке, а лишь выраженное при помощи слабого движения ее губ.

То, что сейчас было заключено в сознании Эллен, сумело разобраться в семантике человеческих образов?

Вадим чувствовал, что дрожит. Нет, это был не страх, нервное

возбуждение гуляло по мышцам волнами бесконтрольной дрожи. Губы Эллен продолжали шевелиться, вновь и вновь повторяя одно и то же слово…

Вадим закрыл глаза. Он понимал что рискует, теперь уже в тысячу, миллион раз больше, чем минутой ранее… но мог ли он поступить иначе?

ПОМОГИ …

Отшатнуться, отвергнуть едва слышный выдох мольбы, понимая, что слово произнесено не человеком, а неким иным рассудком, помещенным в разум мнемоника, как в транспортный контейнер, означало для него предать, прежде всего, себя.

Было ли Вадиму страшно?

Без сомнений. Другой на его месте действительно бы отшатнулся, но память Рощина хранила иной ужас: он помнил задыхающегося от иррациональной ненависти водителя почвоукладчика, пытавшегося убить *детей* отрезком арматуры, помнил блеск в глазах лейтенанта Бугаева, когда тот хладнокровно нажимал на спуск, помнил многое, совершенное людьми.

Есть ли в обозримой Вселенной что-то страшнее человеческой ненависти, бездушия, алчности или глупости?

Для Вадима было проще сделать шаг на встречу неведомому, откликнуться на едва слышный шепот, чем оправдать поступки тех, кто изловил чуждый разум, поместив его в живую клетку…

Мнемонический контакт.

Он вновь оказался среди энергий, увидел смутные формы, двигающиеся по собственной воле.

Странные с точки зрения человека существа. Если пустыня, которую он видел, является характерным ландшафтом их планеты, то ни один первопроходец просто не заметит наличия разума среди мутных облаков не прекращающейся песчано-пылевой бури.

А ведь они существовали благодаря неистовым порывам ветра и массам песчинок, которые, перемещаясь, электризовались, создавая для эфемерных существ *энергетическую* среду обитания…

Их мог увидеть мнемоник, даже для исследователя, вооруженного современной аппаратурой, наличие разумных форм на такой планете, было бы не очевидно: кто станет искать проявления разума среди изменчивых электростатических напряжений и порождаемых ими магнитных полей?

Одно из существ начало приближаться к Вадиму.

Он ждал, призвав все самообладание.

Тонкие, пульсирующие нити образовывали устойчивую структуру, которая постоянно подпитывалась энергией, черпая ее из окружающего

буйства стихии.

Оно остановилось в нескольких шагах от фантомной фигуры мнемоника.

Рощин чувствовал, существо воспринимает его присутствие. Он не ожидал чуда, скорее напротив испытывал тревогу, не зная, как поведет себя энергетическое существо. О каком-то осмысленном диалоге на уровне мнемонического контакта не могло быть и речи, - любая, известная людям семантическая пропасть, показалась бы узкой расселиной на фоне той бездны, что разделяла Вадима и застывшую подле энергетическую сущность.

Как разговаривать с ним?

Проблема показалась Рощину неразрешимой, но существо оказалось намного мудрее, чем предполагал Вадим.

Оно со всей очевидностью осознавало, что является узником некоей структуры, способной принять, но не пожелавшей отпустить его.

Видимо оно искало выход из создавшего положения. Учитывая малый срок «заключения», Рощин мог лишь поразиться тому упорству, скорости, и качеству с которым существо исследовало пленившую его структуру, иначе как объяснить тот факт, что спустя двое суток (по меркам нашего, объективного времени) оно смогло правильно воспользоваться определенным понятием человеческого языка, заставить тело Эллен не только двигаться, но и произнести правильное сочетание звуков, сложившихся в понятную, осмысленную мольбу?

Прошло несколько мгновений и энергетическое существо вновь сумело продемонстрировать свои способности, одновременно убеждая Вадима в добрых намерениях, хотя в его положении логичной была бы агрессия по отношению к людям.

Нет, оно действовало иначе, недвусмысленно демонстрируя, что конфронтация не входит в его планы.

Одна из тонких энергетических «нитей» приподнялась, изогнулась, отделяясь от общей структуры существа, и, вслед за движением, перед глазами Вадима внезапно вспыхнула *буква!*

Ну конечно…

Существо воспринимало биологические нейросети, как упорядоченную энергетическую структуру, оно исследовало ее и сделало закономерный вывод: вокруг находилась информация.

Какими же нужно обладать исследовательскими способностями, чтобы разобраться в сложнейшей структуре человеческого мозга? И не просто разобраться, а понять принцип его функциональности, найти и

расшифровать обрывочные данные, что сохранил рассудок Эллен?

Вадим не еще не знал, что существо уже имело опыт подобных исследований. Он не мог подозревать и тысячной доли того, что откроется ему…

Слово.

Пока он размышлял, в виртуальной среде появилось слово.

Полыхающие оранжевые буквы складывались в непонятное сочетание.

Что это? Бессмысленный набор символов или все же понятие, взятое из чуждого языка и воспроизведенное при помощи транскрипции интеранглийских букв?

ЭВОЛГ

Вадим отрицательно качнул головой. Он не понимал написанного.

Энергетическая нить вновь пришла в движение.

Я ЭВОЛГ.

От потрясения ему стало трудно дышать.

Вся прошлая жизнь отдалилась, осталась лишь данность - два пылающих перед глазами слова, взятые из языка двух цивилизаций и соединенных вместе.

Существо. *Эволг.*

Палец Вадима прочертил воздух, оставляя за собой пылающий след.

Я ЧЕЛОВЕК.

Мгновенье понимания.

Секунда, за которую переоценивается вся жизнь.

Ощущение вечности, перед которой блекнут личные невзгоды, исчезает все, кроме четкого осознания: подобное может происходить один раз в течение миллиардов лет.

Две разумные формы жизни, которые никогда не должны были бы встретиться, увидеть друг друга, не только встретились, но и *общались* .

Это заставляло трепетать каждый нерв, каждую клеточку…

Ради подобного момента стоило жить.

Глава 9

Зона средней звездной плотности шарового скопления О'Хара…

Хьюго сидел в кресле пилота ходовой рубки «Иглы».

В принципе андроид не нуждался в специально оборудованном рабочем месте, с таким же успехом он мог оперировать навигационной и пилотажной системами, подключившись к общему интерфейсу в любом отсеке, но…

За века осознанного функционирования у него выработался свой взгляд, как на окружающий мир, так и на сугубо личные понятия. Например, ему нравилось местами потертое кресло пилот-ложемента, здесь необъяснимо менялось восприятие космоса, казалось, что звезды сияют ярче, а корабль быстрее, чутче реагирует на команды.

Сейчас на обзорных экранах ходовой рубки расплескалась феерия звездного огня. «Игла» вышла в трехмерный космос на окраине шарового скопления О'Хара. Даже андроиду было трудно вообразить, что совсем недавно, каких-то пол века назад, взгляд самого пытливого исследователя находил в данной части космического пространства лишь угольно-черный провал, именуемый «Рукавом Пустоты». В ту пору загадочный «Рукав» казался трудноодолимым барьером для дальнейшего продвижения человечества к звездам. Впрочем ситуация мало изменилась: вуаль логрианских устройств, искривлявших метрику пространства и влиявших на локальный участок гиперсферных линий, давно снята, шаровое скопление звезд теперь сияет сгустком холодного света, но Экспансия остановилась…

Размышления Хьюго были нарушены самым непосредственным и грубым образом: датчики «Иглы» буквально захлебнулись тревожными сигналами, предупреждая о появлении на границе метрик множества характерных сигнатур.

Космические корабли расы инсектов не так давно считались большой редкостью. Существовал целый рынок их фрагментов, - коллекционеры древностей даже не мечтали, что будет обнаружен хотя бы один *полный* образец космической техники насекомоподобных существ, но заблуждение длилось недолго, ровно до тех пор, пока первые картографические крейсера Конфедерации не углубились в шаровое скопление.

Как оказалось шаровое скопление плотно населено, за миллионы лет изоляции раса инсектов колонизировала все доступные для жизни миры.

Печально известная Квота Бессмертных, которая, как считалось правила в скоплении, на самом деле узурпировала власть лишь над небольшим участком О'Хара. Далее царили так называемые «дикие семьи» расы насекомоподобных существ. Они ничуть не пострадали от длительной изоляции, их развитие то останавливалось в периоды войн и упадка, то возобновлялось с понижением общей численности популяций, - инсекты вели не прекращающиеся междоусобные войны, начисто забыв, что являются наследниками единой цивилизации, построившей знаменитую Сферу Дайсона.

Как их далекие предки кочевали когда-то по болотистым равнинам родной планеты, так современные дикие семьи перемещались от одной звездной системы к другой, благо расстояние между светилами скопления редко превышало порог одного-двух световых лет. Орды инсектов не только сохранили, но и усовершенствовали технологии постройки космических кораблей, которые, как и их величественные города, создавались из органических материалов, а если быть точнее - основой для них служили особые выделения, вырабатываемые в организмах рабочих особей. Отвердевая, слюна инсектов заполняла заранее подготовленные формы, которые впоследствии соединялись между собой при помощи того же материала, который обладал уникальными свойствами: по механической прочности он был сравним с керамлитом, и в то же время сохранял некоторую пластичность.

Хьюго никогда не относил себя к категории любителей древности, и появление сигнатур не вызвало у него иных чувств, кроме обоснованной тревоги. Дикие семьи не подписывали никаких межрасовых договоренностей, им было глубоко наплевать, что часть их собственной цивилизации входит в состав Конфедеративного Содружества. Они, как показывала практика, понимали в основном язык грубой силы…

Андроид не стал дожидаться, пока корабли завершат гиперпространственный переход.

В отсеках и палубах «Иглы» ожили различные механизмы, фрегат мгновенно наполнился невнятными шумами, переборки передавали легкую вибрацию, на многочисленных постах управления ходовой рубки перед пустыми креслами расцветали узоры индикационных огней - фрегат готовился к бою.

Хьюго послал запрос Вадиму, но получил короткий, категоричный ответ: «Разбирайся сам, я занят».

Корабли, материализовавшиеся в трехмерном континууме, были похожи один на другой как братья близнецы.

Их форма, уже ставшая знаменитой в Обитаемой Галактике, напоминала отрубленную в запястье трехпалую кисть руки.

От внимания Хьюго не укрылся тот факт, что флот кочующей семьи инсектов оборудован гипердрайвом. По данным сканирования выяснился любопытный факт: гиперпривод был смонтирован на ведущем корабле, остальные осуществляли прыжок, двигаясь тесной группой, непосредственно в зоне действия генераторов «флагмана». При таком построении вероятность совмещения нескольких кораблей в одной точке трехмерного континуума превышала все мыслимые риски, но, тем не менее, флот насекомоподобных существ удачно завершил процедуру обратного перехода.

На этот раз обошлось без катастроф, но тесное построение имело свои серьезные недостатки, которыми не преминул воспользоваться андроид. Он действовал быстро и решительно. Трюк с гипердрайвом убедил Хьюго что существа, подвергающие себя столь необоснованному риску, вряд ли будут склонны к долгим и взаимовыгодным переговорам. Учитывая, что в Обитаемой Галактике действовал строгий запрет на поставку определенных технологий диким семьям Инсектов, одинокий фрегат являлся для последних можно сказать «подарком судьбы».

Хьюго включил передатчики «Иглы» и его синтезатор речи внезапно выдал в эфир серию скрежещущих звуков.

Ответ пришел незамедлительно.

Неизвестно какое развитие получили бы события, находись в рубке фрегата Вадим, но он ясно приказал - разбирайся сам, и андроид не преминул воспользоваться дарованной ему степенью свободы, действуя в полном соответствии с ситуацией и своими знаниями о природе и повадках диких семей.

Серия скрежещущих звуков являлась образцом древнего языка инсектов. Обычно насекомоподобные существа общались посредством телепатической связи, «низший язык» которым воспользовался Хьюго, сохранился с той поры, когда телепатические способности только развивались у инсектов в процессе эволюции.

Однако, его поняли.

Устройства связи ответили серией щелчков и скрежета, словно по листу железа провели обломком стекла, пристукивая при этом по металлической поверхности.

Андроид остался доволен. Его предупреждение было воспринято буквально, и сейчас Глава Семьи полностью осознавал уязвимость тесно сгруппированного флота перед огневой мощью «Иглы».

Теперь, когда акценты расставлены, можно было приступать к переговорам.

Вадим появился в рубке только спустя три часа.

Совершенно измотанный, с лихорадочным румянцем на бледных щеках, он произвел впечатление даже на невозмутимого в обычных ситуациях андроида.

Взглянув на экраны, Рощин невнятно откомментировал ситуацию, и без сил опустился в объятия кресла.

– Хьюго готовь «Иглу» к прыжку.

Андроид даже повернул голову.

– Вадим, у нас наполовину разряжены накопители. К тому я же сумел договориться с главой «дикой семьи» о предоставлении нам временного убежища в одной из близлежащих систем. Мы долго торговались и сошлись на вполне приемлемых для нас условиях. На борту есть запас стрелкового оружия, и они согласились принять его как…

– Хью, я ведь ясно выразился: готовь корабль к прыжку.

– Вадим ты плохо выглядишь. - Андроид уже просмотрел показания датчиков системы жизнеобеспечения вмонтированных в материал кресла, которое сейчас занимал его хозяин.

– Знаю.

– Может быть, мне тоже следует знать причину, по которой мы покидаем скопление О'Хара? И на какие координаты следует настраивать гипердрайв?

– Настраивай на погружение по Вертикали.

– Вадим мне кажется, ты неадекватен…

– Делай что говорю. - Рощин находился не в том состоянии, чтобы воспринимать ворчание андроида. - Извини, смертельно устал.

– Это из-за Эллен?

– Да. Вернее не только из-за нее. Я не могу объяснить тебе в двух словах.

– Вадим ты же знаешь: мной руководит не любопытство. Для принятия здравых решений нужна полноценная информация.

Рощин кивнул.

– Ты ее получишь. Только давай сначала уберемся отсюда, хорошо? Начинай подготовку к погружению на первый энергоуровень гиперсферы. Там мы будем вне досягаемости. Пока заряжаются накопители, я введу тебя в курс последних событий. А сейчас будь добр, дай мне пять минут, чтобы придти в себя, ладно?

Хьюго лишь кивнул, начиная процедуру предстартовой подготовки.

В отличие от человека он не знал, что такое «смертельная усталость».

* * *

– Да? Полковник Фон Риттер. Докладывайте.

– Сэр, мы обнаружили «Иглу».

– Где?

– Фрегат находиться в пространстве гиперсферы. Стабилизировал работу генераторов в пределах первого энергоуровня. Анализ сигнатуры указывает на процесс зарядки накопителей энергии.

Фон Риттер облегченно вздохнул.

– Следите за фрегатом. Ни в коем случае нельзя пропустить момент прыжка. Все станции гиперсферной частоты, задействованные в поиске, продолжают работать в прежнем режиме. Еще раз предупредите мнемоников в системе Ожерелья, - поддерживать режим постоянной боевой готовности.

– Ты что-нибудь знаешь об Эволгах, Хью?

Андроид утвердительно кивнул.

– Я постоянно обновляю информационные базы данных. Могу дать общий обзор последних публикаций.

– Ты входил в сеть Интерстар?

– Да. В процессе прыжков через гиперсферу я соединялся с доступными узлами межзвездной сети.

Вадим нахмурился, но не стал вычитывать Хью за неосмотрительные действия. Какая теперь разница? Он больше не намерен скрываться.

Андроид терпеливо ждал. Неоценимое качество - быть благодарным собеседником.

Мысли Рощина вернулись к предмету их разговора.

– Нет. - Ответил он на последний вопрос андроида. - Пожалуй, справку давать не нужно. У меня есть… источник информации. Поступим так: я передам тебе все, что узнал за последние часы, а ты сравнишь полученные данные с общедоступными сведениями, почерпнутыми из сети.

– Я должен произвести сравнительный анализ? - Уточнил Хьюго.

– Да. Так будет вернее.

– Я готов. Источник данных?

– Источником буду я. - Рощин постарался расслабиться, откинувшись на спинку кресла. - Сейчас сформирую для тебя сводный файл. Постарайся

понять: среди образов есть как мои впечатления, так и объективные данные. Делай собственные выводы, мне необходимо знать твое мнение.

Файл.

Упорядоченный последовательность данных, сжатая, связная, конкретизированная, меньше минуты работы для передатчиков импланта, а за информационным пакетом стояли четыре часа изматывающего напряжения, маленьких, невероятно трудных шагов к взаимопониманию, от простого к сложному, от отдельных букв к словам, а от них - к прямой передаче образов.

Немногие из числа мнемоников были способны на такое.

Вадим сам еще до конца не осознавал, чего стоило ему выдержать четырехчасовой психологический и информационный прессинг, когда каждая секунда объективного времени приносила что-новое, требующее немедленного осмысления и адекватной реакции…

Он по привычке прикрыл глаза, выстраивая полученные образы так, чтобы Хьюго мог воспринять ход его рассуждений, проверить трактовку, и сделать независимые выводы.

Вадим снова видел пустынные ландшафты пыльной планеты.

Одинокий Эволг парил над песчаными барханами, восприятие энергий накладывалось в рассудке Рощина на ландшафты, запечатленные разумом Эллен.

Она не погибла. Ее сознание, освобожденное от информации варварским способом, продолжало жить, просто она начала смутно осознавать факт собственного бытия, словно младенец, за плечами которого нет опыта прожитых лет.

Ее рассудок не погиб, но лишился привычной опоры и теперь искал ее, впитывая любые доступные данные.

Адская ловушка, расставленная на Эволга, капкан, в который могла попасть только энергетическая сущность, вернее та ее составляющая, что содержала данные памяти древнего существа.

Ищущий разум мнемоника машинально распознал информационные массивы и с жадностью принялся считывать их, для дальнейшей обработки.

До определенного момента Эллен еще могла смутно осознавать свое новое пришествие в мир, но потом рассудок, подчиняясь строению полученной информации, начал изменять ей. В разуме человека поселились мысли и память Эволга - древнего энергетического существа.

Человеческий рассудок не смог обработать полученные данные, но они все пребывали, вливаясь через работающие импланты, и едва

очнувшаяся личность не выдержала, отступая в глубины подсознания, а ее место занял Эволг…

Все было продумано, рассчитано заранее.

Его поймали в плен, Эволг оказался в виртуальной ловушке, откуда он не мог вырваться, по крайней мере, немедленно, пока не изучил пленившую его структуру…

С точки зрения человека Эволг совершил невозможное: он сумел отыскать сохранившиеся фрагменты личности Эллен, и воспользовался ее знаниями, чтобы понять природу захлопнувшейся ловушки и наладить связь с внешним миром.

Немыслимо для человека, но логично с точки зрения существа, познавшего многие тайны Вселенной, до сих пор не доступные людям.

Вадим со всей отчетливостью понимал, что когда корабль Ригана совершал восхождение по вертикали, Эволг уже в полной мере адаптировался в виртуальной среде человеческого рассудка и приступил к первым осторожным опытам, пытаясь манипулировать организмом, внутри которого оказался заточен.

Зачем вы поймали меня ? - Вопрос, адресованный Вадиму, следовало задать другим людям, но Эволг пока не понимал существенной разницы между отдельными представителями рода человеческого.

Твои знания. История твоей расы . - Вадим старался отвечать по существу, используя простые, односложные понятия.

Я расскажу тебе. Ты выпустишь меня после этого ?

Рощин мог бы, не покривив душой, ответить, что выпустит Эволга в любом случае, однако вовремя остановил себя: вряд ли древний энергетический разум в состоянии понят множественные мотивы одного поступка.

Вадим поначалу вообще с трудом верил в происходящее. За краткий промежуток времени он прошел весь путь: от сомнений в здравости собственного рассудка, короткой, но яростной внутренней борьбы, до волевого усилия, заставившего мобилизоваться разум, абстрагироваться от реальности, сосредоточив все усилия на том, чтобы либо понять суть происходящего, либо опровергнуть сам факт существования заместившей рассудок Эллен древней сущности.

Полностью уйти от реальности все же не удалось.

Нужно было объяснить, прежде всего, самому себе: зачем Эволга пометили в ловушку биологических нейросетей?

Информация. Вадим знал, что Риган работает на корпорации. Не важно, на какую конкретно, - за истекшие годы он мог переметнуться на

любую сторону, но в самой ситуации, в подходе к проблеме, ощущался знакомый душок вседозволенности, когда для достижения цели годились любые средства.

Сделанный вывод заставил его поверить в собственную вменяемость.

Едва наладив контакт с древним существом, он не стал тратить время на пояснение своих мотивов, не упомянул, что в равной степени переживает за Эллен, желая освободить ее рассудок от гнета помещенной в него личности Эволга.

Он ответил: *Да, я выпущу тебя* , хотя в тот момент еще не представлял - как это сделать.

Эволг.

Он оказался удивительным существом.

В разуме Вадима начали появляться сначала смутные, а затем все более отчетливые образы, при помощи которых древнее существо передавало ему события далекого прошлого.

Цивилизация Эволгов была еще более древней, чем Инсекты, Логриане, Дельфоны или Хараммины.

Их самосознание возникло в ту пору, когда Земля и остальные планеты системы прародины только формировались из газопылевой туманности, в центре которой пылало юное солнце…

Космос.

Мрак пространства, исколотый далекими холодными искрами света.

На периферии зрения застыл багряный шар звезды, еще не покрытый множественными темными пятнами, как в современности.

Эволг парил над существующей лишь в его сознании равниной, уютной пустыней, где так легко и приятно купаться в ураганных порывах воздушных масс, впитывая эфемерным телом статическое электричество непрекращающейся бури.

Время для Эволгов являлось понятием относительным. Они рождались среди песчаных бурь родной планеты, пищей им служили энергии природных стихий, понятия «смерть» не существовало среди символов их общения…

Существовала ли цивилизация Эволгов?

Несомненно, хотя они не строили машин, не изменяли природу родного мира, - эволюция разума протекала медленно, неторопливо, развитие мышления не было напрямую связано с борьбой за выживание вида, ибо соперничать им было не с кем.

Процесс эволюции шел путем слияния энергетических особей, усложнения структур, пока Эволг не начинал осознавать факт собственного

бытия.

Между моментом «рождения» и первой осознанной мыслью лежали тысячелетия и сотни «слияний».

Так постепенно на протяжении сотен миллионов лет формировался относительно небольшой анклав разумных энергетических форм, которые, однажды осознав себя, начинали проявлять заинтересованность к окружающей их данности.

В силу своей уникальной природы Эволги не интересовались ничем, кроме энергий.

Зато в данной области их опыт ширился, пока накопленных знаний не оказалось достаточно чтобы первый Эволг *сознательно* поднялся в фиолетовую синь стратосферы, навстречу холодному сиянию звезд, где властвовали уже совсем иные энергии: магнитные поля планет, их гравитация, спектр излучения родной звезды, реликтовые эманации космического пространства, все это стало новой средой обитания, где Эволги могли жить, но так и не научились *рождаться*.

Неудивительно, что родная планета стала для расы энергетических существ самым важным местом во Вселенной.

Путешествуя в пространстве, они постигли многие тайны мироздания.

Им подчинилась гравитация, они умели манипулировать звездными энергиями, но никогда ни одному из Эволгов не приходила мысль об упорядоченном, целенаправленном использовании своего уникального опыта.

Они просто *были* .

Так продолжалось миллионы лет, пока однажды в системе их родной звезды не появились представители иных форм жизни.

Биологические существа.

Поначалу Эволги не обратили на них должного внимания, как не обращали его на камни своего мира. Даже тот факт, что небесные тела, появившиеся в системе Родины, перемещались не по воле гравитационных полей, а *вопреки им* , не насторожил немногих «взрослых», что периодически возвращались к колыбели цивилизации, чтобы наблюдать за рождением и развитием новых поколений своей расы.

Осознание беды пришло позже, когда две пришлые формы биологической жизни сначала сошлись в бессмысленном с точки зрения Эволгов противоборстве, а затем победители посадили свои корабли на поверхность пустынной планеты и начали *преобразовывать ее.*

Миллионы лет созерцательного развития, отсутствие реальных врагов и понятия «борьбы за выживание» сыграли с могучей древней расой злую

шутку: они, при всех своих знаниях, оказались абсолютно беспомощны перед пришельцами. Они не могли остановить процессов преобразования родного мира, потому что не понимали, что означает «разрушать», и как путем разрушения можно восстановить исконный порядок вещей?

Эволги оставались невидимы для существ, оккупировавших их мир.

Они наблюдали за пришельцами, не пытаясь вступить в контакт, пока не убедились, что родная планета меняется стремительно и необратимо.

Неистовые ветра были укрощены, пески пустынь принимали абсолютно непонятный вид, они более не текли по воле воздушных потоков, - их сплошь покрыли органические жизненные формы…

Самое ужасное - на родной планете перестали появляться молодые энергетические особи, прекратилось их слияние, остановились процессы зарождения новых поколений.

Именно тогда все Эволги собрались вместе.

Они впервые объединили свои знания, и, воспринимая энергетические волны, испускаемые устройствами биологических существ, поняли многое. Паря на орбитах своего мира, они с трудом усваивали новые для себя понятия, пока их разум не осознал, что такое «борьба за существование».

Необъятный космос на поверку оказался тесен. Узкие рамки природных условий, в которых могли существовать биологические формы жизни, заставляли последних вести ожесточенную борьбу друг с другом за обладание планетами, - даже пустынные, неприветливые миры выглядели для них привлекательно, ибо могли быть изменены при помощи машин.

Поняв это, Эволги совершили роковой шаг: от одной мысли, что им уготована гибель, вырождение, они пришли в состояние, которое никогда не испытывали раньше.

Это был гнев.

Бессмысленный, запоздалый гнев, как выяснилось позже.

Тысячи Эволгов обрушились на поселения колонии, разрушая постройки, уничтожая механизмы, с корнем вырывая чужеродные формы растительности, сковавшие животворные пески сплетением своих корней.

Все обернулось тщетой.

Эволгов насчитывалось несколько тысяч, и они при желании могли разрушить любую конструкцию, но приступ несвойственного этим существам гнева был непродолжителен, часть растительных и животных форм уцелели, и хотя пришлые существа в спешном порядке покинули, как саму планету, так и систему Родины Эволгов, прежний природный баланс не восстановился сам по себе: упрямая растительность, уже прочно посеяла свои споры на поверхности колонизированного мира, необратимо

изменился климат, и, как следствие, - разрушение не принесло ожидаемого эффекта…

Эволги впервые задумались над дальнейшей судьбой своей расы, возможно, только сейчас они осознали, что являются Цивилизацией…

Слишком поздно приходило к ним очередное прозрение. Биологически существа, обладавшие (по сравнению с Эволгами) смехотворно-коротким сроком жизни, вскоре вернулись, армады их космических кораблей обрушились на древние формы энергетической жизни, безжалостно истребляя миллионнолетних особей…

Казалось, наступил конец всего сущего.

Абсурд сознания, рожденный длительным заблуждением о своей уникальности, одиночестве во Вселенной, обернулся неспособностью к эффективному сопротивлению механизмам пришлых существ, которым не было счета - они появлялись вновь и вновь, нападали, не считаясь с потерями…

Лишь небольшому количеству Эволгов удалось покинуть систему родной звезды.

Больше они уже не путешествовали поодиночке, понимая, что теперь им грозит постепенное исчезновение.

Мысль о том, чтобы найти планету с условиями внешней среды похожими на исторически сложившуюся геосферу Родины, казалась им единственным шансом на спасение, но, увы…

За тысячелетия скитаний они не смогли найти аналога Родины.

Зато во время поисков они встретили остатки еще одной биологической расы.

Наученные горьким опытом Эволги не сразу пошли на контакт, они потратили много лет, изучая существ иной расы, которых, как выяснилось, уже встречали однажды, в ту пору, когда им еще было чуждо понятие вражды.

Наблюдая за новыми формами разумной жизни, Эволги поняли, - им никогда не обрести новой Родины, не стать прежними, не смотря на глубину узкоспециализированных познаний в области физики энергий.

Чтобы возродиться, им не хватало многого, - они не умели экспансивно мыслить, не могли *строить* , создавать искусственные формы, способные преобразовать лик планеты, придав ей именно те характеристики, что точно воспроизведут условия возникновения энергетической жизни…

Единственное, чем обладали древние существа - это знаниями в областях, пока еще не доступных пониманию мыслящих биологических

форм.

Они все еще пребывали в нерешительности, когда в границах звездной системы, давшей временное пристанище остаткам древней цивилизации, появились комические корабли Швергов, - так называли себя существа, оккупировавшие родную систему Эволгов.

На этот раз они не шли по следу энергетических существ, - их целью была планета, где обитала иная биологическая форма называвшая себя «Эмулотти».

Эволги поняли, что назревает очередной межрасовый конфликт.

Нужно было принимать решение - бежать дальше или…

Они решились протянуть руку помощи тем существам, которых собирались истребить Шверги.

В сложившейся ситуации Эмулотти и Эволги образовали союз, который был бы немыслим при других обстоятельствах.

Силы Швергов уже вошли в систему, и Эволги предложили расе Эмулотти нелегкий, но очевидный выход: не принимая неравного боя покинуть свою планету, избежать уничтожения и начать все заново.

Вместе.

Знания Эволгов и целеустремленность Эмулотти, их качества, выработанные миллионами лет *биологической эволюции* , гарантировали союзу двух рас создание новых технологий, способных воссоздать уникальные природные условия, при которых зародилась энергетическая форма жизни, и надежно, раз и навсегда защитить планеты Эволгов от атак недружественной расы Швергов…

Так думали они, но усилия двух рас увенчались лишь временным успехом.

Цивилизация Швергов так же не стояла на месте, они развивались, осваивали все новые и новые миры различных звездных систем, их экспансия распространилась на сотни световых лет и однажды зловещие корабли появились в системе, где нашли прибежище две вступившие в союз расы.

Эволги совершили ошибку. Они слишком поздно поняли, что ни один мир не даст им гарантированного укрытия, и лишь открытый космос, где они неуловимы и свободны - единственная безопасная среда обитания.

Планета Эмулотти пала под ударами Швергов.

Большинство Эволгов, верные данному обещанию, сражались на подступах к миру, где не так давно, наконец, появились новые разумные сущности их расы.

На этот раз спаслись лишь единицы.

Их больше не объединяла вера в будущее.

Эволги не умели переживать. Если у них и зарождались начатки эмоций, то они носили вспышечный характер.

Одиночество. Бесконечный полет от звезды к звезде. Уже не исследование, и даже не жизнь, а постоянный поиск утраченного.

Тщетный поиск. Они все больше отдалялись друг от друга, остатки древней расы постепенно растворялись в ледяной бездне пространства, и лишь немногие продолжали искать планету, которая бы напоминала их потерянную навек Родину.

Одним из *немногих* был Эволг, с которым говорил Вадим.

Одинокое существо не ощущало собственной ничтожности перед бездной космического пространства. Каждый Эволг обладал всеми знаниями некогда существовавшей цивилизации, по природе у них отсутствовала потребность в тесном общении с себе подобными, они не знали такого понятия как любовь, не сумели построить общества, не смогли ненавидеть так долго и яростно, чтобы выстоять в борьбе с энергичными, экспансивными биологическими формами.

В разуме Эволгов существовала только одна привязанность - они испытывали тоску по утраченной планете.

Долгие скитания привели Эволга в систему родной звезды.

Он не ощущал бега времени, в отличие от суетливых, вечно чего-то алчущих, спешащих куда-то биологических форм, их время измерялось отрезками «жизни» звезд.

Эволг не понимал, что по меркам биологических существ минула вечность.

Сложно понять ту смесь удивления и надежды, когда он не обнаружил в системе Родины присутсвия Швергов.

Эволг не мог понять, что цивилизация врагов давно пережила свой расцвет, упадок и закат, их колонии опустели, вымерли и даже природа измененных ими миров вновь начала возвращаться к истокам, не везде конечно, но Эволга волновала только система Родины.

Он увидел пустыню.

Небольшие островки растительности, оставшиеся от искусственно созданной биосферы, уже не могли противостоять возвращению древних стихий: над поверхностью родного мира снова дул неистовый ветер, поднимая к небесам тонны песка и пыли…

Эволг не подозревал, что тут уже побывали люди, и вскоре они вернуться.

* * *

– Что ты мне скажешь, Хью?

– Один вопрос Вадим, - ты прежде что-нибудь знал об Эволгах? Был знаком с самим фактом существования древней расы?

– Нет. - Ответил Рощин. - Если ты намекаешь на механизмы ассоциаций, то ошибаешься. Я ничего о них не знал.

– В таком случае могу подтвердить: ты не сошел с ума, не бредил, не переживал приступа галлюцинаций. Вот краткие сведения из сети Интерстар: раса Эволгов была открыта несколько лет назад, в результате первых успешных экспериментов Конфедеративного Содружества по освоению пространства десятого энергоуровня гиперсферы и разведки иных звездных систем через Вертикали.

Например, ежемесячное обозрение «Все Миры» выпустило целую подборку статей, освещающих ход экспериментов. Информация имеет по моим оценкам высокую степень достоверности. Не стану цитировать публикации, их ты можешь просмотреть сам, скажу лишь одно: переданные тобой сведения на девяносто процентов совпадают с изложенными в статьях фактами. Действительно вертикали гиперсферы вывели разведывательные корабли Конфедерации в систему звезды, где вокруг одной из планет на устойчивых орбитах находились обломки орбитальных сооружений, возраст которых определен в два с лишним миллиарда лет. На самой планете обнаружена пустыня, под песками которой погребены целые города, принадлежащие исчезнувшей расе Эмулотти.

Далее, следуя логике построения переданной тобой информации, следует упоминание о расе Швергов, от атак которых защищались Эмулотти. Обломки комплексов орбитальной обороны древнего мира, до сих пор удерживаются в пределах стабильных параметров околопланетных орбит устройствами, создать которые помогли Эволги, глубоко познавшие суть энергетических процессов, разгадавшие тайны гравитации.

– Откуда стало известно о расе Эволгов? Если верить полученным мной данным, Эволг, пойманный в нейросети Эллен, является последним представителем своего рода.

– Это не так. Среди орбитальных сооружений были найдены машины, на носителях которых сохранилось несколько виртуальных копий, информационных клонов Эволгов. После подачи энергии с ними сумели вступить в контакт мнемоники Конфедерации. К сожалению, среди доступных через сеть Интерстар данных фигурируют лишь общие

сведения, нет ни координат планеты Эмулотти, ни упоминаний о дальнейшей судьбе нескольких возрожденных к жизни Эволгов.

– Но планета Эмулотти, не тот мир, который Эволги называли Родиной?

– Естественно. Ты сам понимаешь это.

– Но он расположен поблизости. В пределах десяти-пятнадцати световых лет?…

– Не уверен. Хотя есть косвенные подтверждения, в связи с обнаруженной тобой информацией. Нужно лишь взаимосвязать ее с данными по деятельности корпорации «Инфосистемз».

– А что, есть зацепки?

– Корпорация «Инфосистемз» на сегодняшний день единственная промышленная группа Окраины, получившая официальное разрешение на разведку новых миров посредством Вертикалей. Это проверенные данные, из чего я делаю вывод, - Риган лгал, когда говорил, что действовал нелегально, а Эллен получила мнемоническую травму в результате неудачного «прорыва» через пространство десятого энергоуровня, который контролируется отдельным флотом Содружества.

Не было никаких «прорывов». Риган провел «Тайфун» в составе конвоя транспортных судов, а затем действительно совершил перемещение по горизонталям аномалии. У него была цель. Конкретная цель. Видимо в процессе разведки был обнаружен пустынный мир, - Родина Эволгов. Учитывая общедоступную информацию, даже мне не сложно сделать вывод, - Эволг, для корпорации есть ни что иное, как бесценная база данных, кладезь новых технологий, ведь в вопросах манипуляций гравитационными полями мы все еще далеки от создания эффективных устройств масштабного воздействия.

– Оружие. Прежде всего, - оружие. - Внес уточнение Вадим. - Обладая новыми технологиями «Инфосистемз» получит решающее преимущество перед остальными корпорациями Окраины. Даже не развязывая войны, они смогут диктовать свои условия.

– Значит твое мнение относительно местоположения Родины Эволгов ошибочно. - Неожиданно заявил Хьюго. - Ты должен понимать, что корпорацию Окраины близко бы не подпустили к тому сектору пространства, где обнаружен мир Эмулотти.

– Логично. Нужно произвести тщательный анализ данных, снятых с навигационного блока «Тайфуна».

– Вадим, я могу задать вопрос?

– Естественно. - Рощин поднял на андроида усталый взгляд

покрасневших глаз.

– Твои дальнейшие планы? Что ты намереваешься предпринять?

– А ты сам не догадываешься?

– Сейчас не время для догадок.

– Мир Эволгов. Их Родина. Мы должны попасть туда… по двум причинам. Во-первых, я обещал энергетическому существу, что выпущу его из заточения. Во-вторых, мне не безразлична судьба Эллен. Этих мотивов достаточно?

– Ты снова готов убивать, встать на путь конфронтации?

– Хью, я смертельно устал. Год добровольного заточения, отшельничества ничего не дал мне. Продолжать борьбу нет сил…

– Ты начинаешь противоречить собственным утверждениям.

– Не перебивай. - Вадим устало помассировал виски и продолжил: - Я уже не знаю, Хью, готов ли… Но это неизбежность. Рок. Предопределенность. Я не могу бросить Эллен в таком состоянии. Мне искренне жаль Эволга. Столько времени скитаться средь бездны, вернуться на Родину, и быть пойманным, заточенным словно зверь в клетке… Какую ему готовили судьбу? Я действительно устал, мне отвратителен этот мир, в котором не осталось места для справедливости. Я потерял всех. Кроме тебя, Хьюго. Мне горько. И я выпущу Эволга, освободив сознание Эллен, потому что не смогу поступить как-то иначе… Возможно ты понимаешь меня.

– Я понимаю. Но кроме остального, есть техническая сторона вопроса. - Заметил дройд. - Как ты намереваешься освободить Эволга?

– Ты прав. У нас нет адекватной техники, нет нужных технологий. Информационную матрицу можно переместить, допустим, на искусственный носитель. Но я не знаю, чем обернется подобный процесс. Потому и говорю: нам нужна его родная планета. Там все вернулось на круги своя, и вероятно в песчаной буре снова присутствуют те конфигурации электростатических полей, из которых сформировались первые энергетические сущности. Нужно попасть туда, чтобы проверить, - возможно, в условиях родной стихии, Эволг сам сможет покинуть рассудок Эллен?

– Логично. - После нескольких секунд молчания ответил Хьюго. - По моим расчетам подобный исход имеет высокую долю вероятности. Нужно лишь пояснить Эволгу, куда мы направляемся, чтобы он со своей стороны продумал, как ему освободиться?

– Да, я обязательно проинформирую его. Активировать импланты Эллен я смогу, выход из «ловушки» будет открыт, вопрос лишь в том,

сможет ли он сформировать для себя новое энергетическое тело?

– Наверное, сможет. - Хьюго тоже иногда говорил с долей сомнений и неопределенности. Окончательный вердикт может быть вынесен только там, на его Родине. Но ты не должен строить иллюзий Вадим. «Инфосистемз» будет мстить за неудачу. Ставки очень высоки. Им нужен Эволг. Они знают координаты Родины. Есть вероятность, что на подступах к планете мы встретим если не боевой флот, то, по крайней мере, формирования небольших кораблей, укомплектованных опытными экипажами. Большие корабли они просто не смогут провести через десятый энергоуровень.

– Наша «Игла» тоже не маленькая. - Нахмурился Вадим.

– Да и в этом заключена серьезная проблема. Давай поступим так - ты пообщайся с Эволгом, возможно он сможет подсказать, как нам пройти незамеченными через пространство аномалии. А я займусь изучением данных с навигационного блока «Тайфуна».

– Договорились.

* * *

Вадим многое успел повидать, но ему было не по себе.

Эллен, облаченная в скафандр высшей защиты, неторопливо шагала по магистральному коридору «Иглы».

Ее телом и разумом по-прежнему управлял Эволг.

Вадиму стоило немалых усилий растолковать энергетической сущности истинное положение вещей, но долгие, изматывающие мнемонические контакты остались позади.

Первое, что понял древний энергетический разум - нужно проявлять заботу о собственном узилище.

Он бережно относился к Эллен. Теперь Эволг старался не тревожить без необходимости сохранившуюся от человека информацию. Он настоял на скафандре высшей защиты, осознав хрупкость и уязвимость человеческого организма.

Теперь Вадим и Эволг могли общаться не только посредством мысленных образов, они разговаривали, на нормальном интеранглийском, и это здорово напрягало Рощина.

Видеть Эллен и в то же время понимать, что рядом с тобой не она, и нет никакой гарантии, что ее рассудок сумеет вернуться, после того как Эволг покинет свою вынужденную оболочку, было тяжело.

А что легкого существовало в жизни Рощина?

В последнее время он все чаще задумывался над прошлым, не анализируя своих ошибок, а лишь пытаясь понять: есть ли у него свое место в мире людей?

Все чаще и чаще приходила мысль: нет.

Объективная реальность предполагала жестокую бескомпромиссную борьбу… либо полное ее отсутствие, конформизм…

Ни то ни другое не привлекало Рощина.

У каждого человека бывают моменты, когда наступает минута отчаянья, бессилия, и лишь теплящийся в душе слабый огонек надежды, не давал ему опустить руки, окончательно замкнуться в себе.

Был только один путь, который устранял возникший между ним и остальной цивилизацией моральный конфликт.

Он мог повторить путь Эволга. Уйти в бездну пространства, чтобы «Игла» послужила, наконец, не целям разрушения. Но он страшился одиночества, понимая, что долго не выдержит.

Последней его надеждой оставалась Эллен.

Надежда так же попахивающая безумием. Помнила ли она его? Вряд ли. А если и помнила, то последующая встреча на Фрисайде, когда он атаковал группу кибрайкеров, могла стереть все положительные эмоции, связанные с образом Вадима, переместить его в разряд врагов.

Я справлюсь. Пусть она очнется, придет в себя, я помогу ей по частицам собрать осколки рассудка, мы вместе пройдем этот трудный путь, чтобы больше уже никогда не возвращаться к прошлому, даже мысленно…

Бесшумно открылись двери ходовой рубки.

Эллен медленно повернула голову и четко произнесла без интонаций в голосе:

– Называй меня по имени, Вадим. Так тебе будет легче.

По спине прокрался холодок.

– Хорошо. Ты по-прежнему настаиваешь на включении имплантов?

– Да. - Ответил Эволг. - Иначе мне будет сложно манипулировать энергиями корабля. Ты поставил передо мной задачу, теперь дай мне ее выполнить.

– Садись в кресло. Так будет удобно. Сейчас я загерметизирую шлем и включу систему жизнеобеспечения. Можешь действовать спокойно с твоим носителем ничего не случиться. Я буду следить за этим.

Эллен послушно села в кресло и произнесла:

– Я готов. Включай импланты, человек.

Глава 10

Пространство гиперсферы.

– Внимание всем! «Игла» начала гиперпространственный переход!

Полковник Фон Риттер внимательно следил за показаниями масс-детектора.

Фрегат был отчетливо виден в голографической сфере виртуального монитора. Маркер, обозначавший «Иглу», начал двигаться, маневрируя по сетке горизонтальных линий первого энергоуровня гиперсферы.

– Интерполяция курса?

– Они направляются к ближайшей вертикали, сэр.

Взгляд полковника похолодел.

Этого следовало ожидать, но подобная попытка могла окончиться плачевно. В пространстве десятого энергоуровня работу всех электронных систем безнадежно блокировало мощнейшее магнитное поле.

Однако остановить фрегат уже не мог никто.

– "Игла" в зоне воздействия вертикали! Они начали погружение!

– Следовать той же линии напряженности! Включить дубль-системы для маневрирования в пределах десятого энергоуровня. Мне нужна экстренная связь со штабом флота!

* * *

Никто, ни один из мнемоников Конфедерации, контролировавших пространство в зоне планет Ожерелья, где в центральный энергетический сгусток вливалось миллиарды вертикалей не смог обнаружить «Иглу».

Фон Риттер не ожидал подобного оборота событий.

– Ищите! - Рявкнул он.

Прошло пять, затем десять минут, но все посты наблюдения лишь в очередной раз расписались в собственном бессилии.

– Ищите! - В том же тоне повторил полковник. - Фрегат не иголка! Они не могут маневрировать в этом пространстве! Не можете обнаружить мнемонически - подключайте патрульные суда. Производите визуальный контроль!

Пятнадцать минут.

Положение стало критическим.

– Сэр зафиксировано слабое возмущение одной из вертикалей! - Пришел по связи долгожданный доклад. - Мы не зафиксировали сигнатуру, но характеристики дестабилизации вертикали указывают, что она сейчас работает на всплытие, отторгая в зону трехмерного космоса какой-то материальный объект!

Какой -то … - Фон Риттер мысленно выругался. Рощин опять сумел обвести всех вокруг пальца. Он не сомневался - по вертикали начала восхождение «Игла»

– Координаты линии напряженности! Немедленно! Мы не должны упустить фрегат!

* * *

– Хьюго, готовим корабль к бою. - Вадим говорил вслух, не полагаясь на импланты, некогда было формировать для Эволга емкие мысленные образы. Пусть сам интерпретирует значение слова «бой».

– Заряд накопителей - тридцать процентов от номинала. - Предупредил дройд. - Силовая установка в режиме перегрузки. Мы потребляем слишком много энергии.

– Вижу.

Вадим понимал, на этот раз придется выходить в пространство трехмерного космоса без предварительной разведки. Маневрирование на границе метрик требовало серьезных энергозатрат, восполнить которые реакторы «Иглы» не успеют. Они и так перегружены, после таинственных манипуляций Эволга. Древнее существо каким-то образом сумело укрыть фрегат от обнаружения на десятом уровне гиперсферы, но все имеет свою цену: в данном случае «Игла» лишилась основного запаса энергии и сейчас использовала неприкосновенный резерв.

– Ракетная палуба готова. Артиллерийские комплексы прошли тестовую проверку. Мы можем начинать обратный переход.

– Плазма не работает… - С досадой констатировал Вадим. - Включи хотя бы пару лазерных установок.

– Уже включены. Над локационной надстройкой и в корме.

– Все, тогда выходим.

Хмарь гиперпространственного перехода сменилась на экранах внешнего обзора яркими узорами незнакомых созвездий.

Тускло-красное светило системы повисло на правом траверзе курса «Иглы» огромным, закрывающим половину секторов обзора шаром.

Разум человека еще жадно впитывал взглядом панораму новой для него реальности, а Хьюго уже докладывал:

– Семьдесят градусов от оси курса. Наблюдаю планету. Тридцать градусов от оси, дистанция десять тысяч, боевое построение, двенадцать единиц класса «корвет». Есть подвижка, они включили двигатели.

Вадим переключился на мнемоническое восприятие.

Хьюго был прав - в системе Родины их ждал флот «Инфосистемз». Малые корабли, которые можно замаскировать под транспорт, полностью контролировали зону околопланетных орбит. Кроме двенадцати корветов, на перехват «Иглы» стремительно выдвигались четыре эскадрильи штурмовиков, под прикрытием такого же числа истребителей.

– Хьюго, бери управление!

– Вадим?

– Мнемоническая атака. Я… - фраза оборвалась, Вадим не мог позволить себе еще одного слова. Он уже находился там, в виртуальной реальности кибернетической сети фрегата, которую пытались атаковать несколько кибрайкеров.

Сколько? Два? Три?.. Нет. Гораздо больше…

Рощин не смог разделить атакующую силу на отдельные элементы, но у него сразу сложилось ощущение стойкого, глобального прессинга, когда одновременному воздействию подвергались все без исключения кибернетические устройства, имеющие порты удаленного доступа.

Подобных подсистем, уязвимых для мнемонической атаки на борту «Иглы» насчитывалось несколько тысяч, и выход из строя любой из них мог существенно повлиять либо на ходовые характеристики фрегата, либо на его обороноспособность.

Положение складывалось критическое.

Вадим не мог разорваться на тысячу противодействий, но и создать глобальную защиту одному мнемонику не по силам. Фрегат огромен, и в такой ситуации существует только один выход: отключить подсистемы, оставив под своей опекой лишь основные узлы и агрегаты, без которых «Игла» вообще не сможет двигаться, либо обороняться.

Вадим не медлил ни секунды. Его мысленные приказы, распространяясь по сети, грубо отключали целые палубы, - все вплоть до жизнеобеспечения, благо Хью не нуждается в опеке подобных систем, а он и Эллен были облачены в скафандры.

Тело ощущало толчки, то сильные, то слабые, но ритмичные.

Вадим ракетная палуба отработала. Отключай. Нет времени на перезарядку пусковых шахт.

Понял. Как ты?

Нормально. Теряю сенсорный контроль. Щтурмовики вышли на прямую атаки.

Вадим болезненно ощущал, как начинает агонизировать лишенный энергии фрегат.

Нужно было что-то предпринимать, срочно, иначе этот бой станет последним для «Иглы».

Мгновенный контакт с навигационной системой показал, что Хьюго уже сориентировал корабль и теперь фрегат шел курсом на родную планету Эволгов.

Дистанция пятьдесят тысяч километров…

Хью, переключайся на местный контроль орудийных установок! Я вырубаю двигатели и систему локации. Буду передавать тебе данные для точного наведения.

Сколько их Вадим?

Андроид спрашивал о кибрайкерах. Он все понимал: Вадим отключал системы «Иглы», чтобы противник не смог перехватить управление над ними, но тем самым он освобождал все новые и новые силы, которые неизбежно сосредоточатся на нейтрализации единственного мнемоника, защищающего фрегат.

Он вызывал их удар на себя.

Сколько их Вадим? Где дислоцированы? Определи корабль! Я уничтожу его!

Нет. Их человек десять не меньше. Рассредоточены по корветам. Сам разберусь. Следи, каждые две секунды я включаю прямую трансляцию данных со своих имплантов. Постарайся справиться, Хью.

Система Родины. Спустя две минуты после гиперпространственного перехода «Иглы»…

Первые ракеты ответного залпа ударили в обшивку фрегата.

Вадим воспринимал лишь глухие толчки, он не ощущал агонии кибернетических систем, не видел мутных выбросов декомпрессии, его рассудок пребывал в ином измерении и лишь импланты автоматически включались на передачу, транслируя для Хьюго данные по распределению масс и энергий, окружающих «Иглу».

Бой разгорался жестокий и странный.

Внешне фрегат выглядел мертвым, статичным, движущимся лишь по инерции, казалось на борту нет живых людей и исправных кибернетических систем, но, опровергая это впечатление, каждые две

секунды оживала одна из многочисленных орудийных установок, с необъяснимой точностью поражая атакующие штурмовики.

Истребители прикрытия устремлялись к ожившей огневой точке, но их атака, по сути, была бесполезна: плавился металл, летели осколки брони, но семисотметровый фрегат вновь оживал, в бой вступала новая орудийная башня, и малые суда, теряя драгоценные секунды, были вынуждены маневрировать, для захода на новую цель…

Пространство между «Иглой» и планетой начинало полниться обломками.

Хьюго сбивал штурмовики, спрашивая себя лишь об одном: как долго сможет продержаться Вадим?

Рощину действительно пришлось очень туго.

Он бился одновременно в двух параллельных измерениях, отражая атаки кибрайкеров и передавая для андроида данные по дислокации противника.

Не было яркой, очевидной схватки, на него давили медленно, но сильно, впервые он ощущал, что действующая сила лишена индивидуальности, она безлика, кибрайкеры объединили усилия, преследуя общую цель: во что бы то ни стало подавить его разум, заблокировать работу имплантов…

Вадим чувствовал, еще немного и им это удастся.

Сознание все ближе подходило к роковой черте, за которой будет только одна последняя вспышка ярости, - тьма обступала его со всех сторон, все труднее было пробиваться сквозь вязкий мрак, чтобы зафиксировать реальное распределение масс и передать данные Хьюго.

Корветы приближались. Они не обладали таким мощным бронированием как «Игла», но какое-то время могли выдерживать огонь орудийных установок.

Малые корабли отступали.

Штурмовики так и не прорвались к «Игле», их вернули, осознав тщетность атаки на фрегат, который не борется за живучесть, а позволяет расстреливать свой корпус, взимая по одному штурмовику или истребителю за каждый фрагмент вырванного керамлита, за каждый пораженный декомпрессией отсек.

Корветы включили маршевую тягу, начиная атакующий бросок.

Тьма, окружившая сознание Вадима, стала непробиваемой.

Уже не выкарабкаться из этой бездны…

Последняя надежда умирала, оборачивалась тщетой.

Неужели его путь - дорога поражений, ошибок, разочарований и

потерь?

Вадим сопротивлялся изо всех сил, но душа, верно, почувствовала близкий финал драмы, и среди напряжения виртуальной схватки скользили мысли, не принадлежащие тяжелой ритмике боя:

Ему хотелось света, а вокруг лишь тьма.

Он не грезил славой, не жаждал власти, не алкал денег, - искал справедливого возмездия, хотел спасти древнюю сущность и дать шанс Элен…

Неужели в этом мире нет справедливости? Все решит власть денег, амбиций, наглой безнаказанности?

Он рванулся из последних сил, уже не защищая корабль и себя, желая лишь одного: в последний раз увидеть холодный льдистый свет звезд…

И он увидел ЕГО.

Тьма разлетелась рваными клочьями, неистовый порыв оказался столь силен и страшен, что не выдержала вязкая стена, выстроенная кибрайкерами вокруг его разума.

Они на миг ослепли, перестали воспринимать реальность, словно рассудок Рощина взорвался, в последней, неистовой вспышке сжигая *себя*, отпуская в чистый льдистый мрак космоса не высказанные мысли и не сбывшиеся мечты.…

Он увидел истерзанную «Иглу», скользящую к планете Эволгов в окружении хаотично парящих вокруг обломков, и…

Рощин уже не мог поручиться - его ли сознание создает миражи, или, пересекая курс атакующего броска корветов, из пучин гиперсферы на самом деле поднимаются иные корабли?

Сознание гасло.

Лишь где-то на донышке души теплился последний, робкий язычок пламени, освещающий образ *надежды…*

– Он ударил!

– Экстренное всплытие!

– Боевым постам, огонь по выбору!

– Секции гипердрайва полная мощность!

Десять корветов и фрегат поднимались из пучин гиперсферы.

Момент обратного перехода, когда в течение нескольких секунд системы кораблей глухи, немы и слепы, превращает флот в легкую мишень, - если бы не удар Рощина, на мгновенье вырубивший кибрайкеров, работающих на «Инфосистемз», последние успели бы сориентировать боевые системы корветов на атаку поднимающегося из гиперсферы флота.

Это могло стать разгромом, ни чем не оправданным,

самоубийственным риском, и никто на борту боевых судов Конфедерации не понимал, чего ждет полковник Фон Риттер, удерживая флот на границе метрик?

А он ждал именно этого момента, словно знал, знал наверняка, - Рощин просто так не сдастся…

Ждал и не ошибся в своем страшном провидении.

Корабли Конфедерации, появляясь в трехмерном континууме, тут же озарялись сполохами от работающих в режиме беглого огня ракетно-лазерных комплексов.

Пять корветов превратились в бесформенные, клубящиеся облака обломков, в пространстве мелькали росчерки жалящего когерентного излучения, ярились взрывы силовых установок, но этого не мог наблюдать даже Хьюго, лишь Эллен, в сознании которой притаился Эволг, смотрела в кажущуюся пустоту сумеречной рубки управления «Иглы», четко воспринимая буйство беснующихся вокруг энергий.

Эпилог

Родина Эволгов. Настоящее…

Порывы ветра гнали над изменчивой поверхностью пустыни миллионы тонн песка.

В непрекращающейся буре, освещенной красноватым сиянием полудня, то и дело били разряды молний.

Энергии, древние как сам мир, сплетали здесь свое замысловатое кружево, и среди мрачного великолепия стихии безмятежно парил Эволг, вернувшийся на простор в третий раз обретенной Родины.

Вадим, бережно поддерживая Эллен, медленно шел к шлюзовому отсеку посадочного модуля.

Эволг кружил подле.

Он узнал, кто такие люди, сумел понять, что они бывают *разные* .

Не улетай… Мне будет одиноко.

Рощин остановился.

Я не улетаю. Мне некуда лететь. - Мысленно ответил он. В образах, переданных имплантами Вадима, чувствовалась смертельная усталость, печаль и надежда. - *Мы поговорим с тобой позже, ладно? Мне нужно много сделать.*

Я буду ждать. Рядом.

Эволг исчез среди беснующейся стихии, и Вадим вновь остался один.

В который уже раз?

Он помог Элен подняться в шлюз, затем отвел ее в медицинский отсек модуля, стараясь не встречаться с взглядом пустых глаз, к которым пока не вернулось осмысленное выражение жизни.

Через некоторое время она уснула.

Вадим немного посидел подле, затем, собрав остатки сил, пошел по направлению тесной пилотажной кабины спускаемого модуля.

Он чувствовал его не оставят в покое и впереди еще трудные объяснения с командованием флота Конфедерации.

Вряд ли ему удастся сохранить «Иглу».

Войдя в пилотажный отсек, он невольно вздрогнул.

В кресле за пультом управления спиной к входу сидел человек в форме полковника ВКС Конфедерации Солнц.

– Как вы сюда попали? - Без тени любезности спросил Вадим. - Не могли оставить меня в покое? Следили?

– Какой ты стал резкий и мрачный. Не узнаю тебя.

– Полковник Фон Риттер, если не ошибаюсь? - Вадим от чего-то вновь вздрогнул, словно его кольнуло предчувствие.

– Не ошибаешься. - Полковник повернулся вместе с креслом, встал и вдруг шагнул на встречу Вадиму, крепко сжав Рощина в объятиях. - Дитрих Кроу, урожденный Фон Риттер, к твоим услугам, малыш…

* * *

Борт фрегата «Стремительный». Двенадцать часов спустя…

Вадим и Дитрих стояли на обзорной площадке ходовой рубки «Стремительного».

По курсу корабля клубилась подсвеченная багровым сиянием близкой звезды атмосфера Родины Эволгов.

Вадиму часто приходилось видеть багровые небеса. Так сложилась его судьба.

– Дитрих ты должен многое объяснить. - Произнес Вадим.

– Вне сомнений. Но мне бы не хотелось, чтобы ты воспринимал меня как-то иначе, по-новому. Я ведь действительно прошел полный курс подготовки кибрайкера в одной из корпоративных школ Окраины. Это уже позже мне посчастливилось: во время одной из операций я был схвачен парнями из спецотдела главного разведуправления Конфедерации.

– И тебя не приговорили к пожизненному заключению?

– Нет. Напротив. Мне предложили работу. Но сначала больно ткнули носом в реальность, показали, как искусственно создаются антиподы, как формируются когорты кибрайкеров и мнемоников. Поверь это было похуже, чем приговор, или какое-то наказание. Я узнал правду и не мог более позволить себе иллюзий или заблуждений.

– Странная история.

– Ничего странного. Хотя возможно здесь сыграло роль, что мой прадед служил первой Конфедерации, а отец, которого я потерял еще в детстве, в свое время отказался продолжать семейную традицию, покинув Ганио, где два поколения моих предков командовали отрядами наемников в период безвластия.

– Почему ты не рассказал мне всей правды раньше?

– А какую правду ты хотел бы услышать Вадим? - Дитрих неопределенно пожал плечами. - Ты сам понял извращенность системы подготовки мнемоников, без моего участия вычислил сам факт

существования на Окраине организации, *торгующей* имплантированными подростками. Другой правды для тебя не существовало, верно?

– Да. Я был одержим целью. И потерял все. Кроме тебя.

– Вот тут ты ошибаешься. Мы накрыли всю сеть. Ни одна из жертв нашей борьбы не была напрасна. Мир стал чище. Правда не знаю, надолго ли?

Вадим был потрясен.

Последние события наложили на него неизгладимый отпечаток, а признание Дитриха лишь расставило точки над I…

Он посмотрел на экраны обзора.

Багряная атмосфера Родины Эволгов уже не вызывала таких мучительных, щемящих ассоциаций…

Может быть не все предопределено в этом мире, и судьбу все же делаем мы сами? Своими поступками, верой, либо неверием?

Его надежда не умирала. Никогда. В самые глухие, отчаянные моменты она теплилась, освещая путь.

– Нет в этом мире легких путей, Вадим. - В унисон его мыслям произнес Дитрих. - Подумай, стоит ли оглядываться на пройденное? Ты спас Эволга, освободил сознание Эллен, разве этого мало?

– Думаешь, ее личность вернется? - Подняв взгляд, спросил Рощин.

– Не сомневайся. Рядом с ней лучшие мнемоники флота.

– Спасибо, Дитрих.

Фон Риттер усмехнулся.

– Кончай хандрить. Приходи в себя, Рощин. У нас с тобой еще масса дел.

Знакомый, задиристый голос.

Тепло на душе. И ярче разгорается робкий огонек надежды.

Надежды на будущее.

– Оглянись вокруг. Мы по ту сторону, бесконечности за вертикалями. Посмотри, - Дитрих указал на экраны обзора, где холодными искрами сияли совершенно незнакомые созвездия. - Здесь наше будущее, Вадим. И нам строить его. Открывать путь миллионам людей, что заперты сейчас на Окраине. Достойная цель для мнемоника, не находишь?

Он лишь молча кивнул в ответ, постепенно приходя в себя, оттаивая душой.

Дитрих мог бы ничего не говорить ему. Он чувствовал это. Сам.

Далеко внизу, под плотным покрывалом багровой атмосферы беззвучно и незримо парил Эволг.

Он с удивлением прислушивался к мыслям и чувствам двух людей,

только сейчас начиная понимать, что вернулся.

Вернулся на Родину.

В окружающей стихии возродятся новые представители его расы, начнется еще один исторический виток, спираль истории потянется вверх, оставляя многие события в прошлом, но теперь в изменившейся Вселенной он более не ощущал равнодушия и одиночества.

Странные существа эти люди.

Они подарили Эволгу неведомое, - он начал чувствовать.

Вселенная больше не казалась ему холодной.

Она была разной.

Разной, как эти хрупкие биологические существа, что безудержно двигались вперед, в необъяснимом для Эволга порыве Экспансии.

Декабрь 2005 - март 2006 года. г. Псков.

notes

Примечания

1

Генераторы высокой частоты (ГВЧ) создают вокруг материального объекта высокоэнергетичное поле, позволяющее преодолеть барьер между метриками и оставаться в пространстве гиперсферы. Минимально необходимая напряженность поля ГВЧ прямо пропорциональна массе космического корабля. Первые выводы сделанные после исторического полета разведывательного корабля «Ванкор» были верны. Колониальные транспорты попадали в иные точки пространства не из-за ошибочной привязки к массе (роман Знак Близнецов), а под воздействием разных силовых линий аномалии.

2

Условно гиперсфера делиться на десять энергетических уровней.

3

Капер - пират, действующий, как правило, с ведома и согласия определенной страны. В данном контексте подразумеваются ганианские пираты.

4

Планета Ганио (звезда Халиф) не входит в состав Конфедерации Солнц. Негласный центр наемников и флибустьеров в рамках Обитаемой Галактики.

5

АРК - Автоматический разведывательный корабль.

6

«Спейсстоун» - Полуавтоматические рудодобывающие комплексы класса «Спейсстоун» проектировались и строились в системе Онтарио, одной из промышленных колоний корпорации «Инфосистемз». Четырехкомпонентная пространственная конструкция включала в себя основной модуль с установками гиперсферной и планетарной тяги, модуль фабрики по обогащению и переработке полезных ископаемых и емкостями для хранения руды. Его длина от вытянутого носа до закругленной кормы составляла не менее пяти километров, а если смотреть строго сверху, то очертания основного модуля «Спейсстоуна», вместе с пристыкованной к нему космической фабрикой и двумя танкерными платформами, чем-то напоминали угловатого морского ската с размахом «крыльев» в полтора километра…

Две платформы, имевшие форму «крыльев», на самом деле являлись огромными танками, хранилищами для переработанных на фабрике ископаемых.

В основном рудодобывающие комплексы предназначались для автономных полетов за границы исследованных секторов.

7

Терраформеры - Роботизированные комплексы предназначенные для преобразования планет.

8

Слепой рывок - Прыжок через гиперсферу без прокладки курса относительно навигационных горизонталей. Обычно является следствием чрезвычайных обстоятельств. Точка выхода корабля в трехмерный континуум при слепом рывке непредсказуема.

9

Станции Гиперсферной Частоты (сокращенно ГЧ) неизменный атрибут любого развитого мира. Обеспечивают межзвездную навигацию. Связь, а так же являются носителями общечеловеческой сети Интерстар.

10

Звездные системы Линии Хаммера (Юнона, Новая Земля, Везувий), по сути, являлись опорными пунктами ВКС Альянса, одновременно образуя рубеж обороны на дальних подступах к прародине человечества. После войны все попытки зачистить планеты от многочисленной боевой техники не принесли результата, и миры были объявлены зоной строгого карантина.

Как выяснилось позже, самодостаточные кибернетические системы не только успешно пережили века «забвения», но и инициировали собственную эволюцию, выраженную в борьбе за энергетические и иные ресурсы.

Крайне опасные миры, враждебные человеку, изобилующие боевой техникой и скрытыми в толще земли военными базами. (Попытке расконсервации «Линии Хаммера» посвящен роман «Душа Одиночки»).

11

Диахр - Древовидная форма с планеты Флиред. Знаменита своим соком, скапливающимся в соцветиях. Сок Диахра обладает целым рядом ценных фармакологических свойств. Произрастает исключительно в условиях климата родной планеты. Все попытки привить Диахр на иных мирах окончились неудачей.

12

Планеты «Ожерелья» - Восемь миров, отправленных инсектами и логрианами в центр аномалии космоса, где они заняли орбиты вокруг энергетического сгустка, напоминающего уменьшенную копию галактического диска.

Семь планет лишены атмосферы, мертвы, усеяны обломками колониальных транспортов и иных кораблей срывавшихся на Вертикали Гиперсферы в результате слепых рывков, либо по иным причинам.

Лишь одна планета Ожерелья обитаема. Древние расы называли ее Первым Миром, современное название, данное ей людьми - Араста.

13

Стек-голограф - Устройство голографического воспроизведения, виртуальный монитор.

14

Фантом-генератор - Комплексное устройство, создающие ложные сигнатуры (см. примечание «сигнатура»). Могут варьироваться по размерам и составу компонентов в зависимости от сложности поставленных перед устройством задач.

15

Паразитическое излучение - излучение электромагнитных, тепловых или иных волн вызванные работой различных систем и оборудования скафандра.

16

Состав «Хамелеон» обычно наносится поверх брони и служит для поглощения различных форм сканирующего излучения.

17

Мимикрия - способность (у некоторых животных и растений) изменять цвет своих покровов под фон окружающей среды.

18

Энергосканирование - Определение энергооснащенности объекта или механизма, путем распознавания работы энергетических цепей и степени их активности. В большинстве случаев позволяет определить классификацию объекта сканирования.

19

Модули «Одиночка» - AI боевых машин, реализованный на базе искусственных нейроподобных сетей.

20

Эйнджел - Ангел (интеранглийский).

21

Сигнатура - в данном контексте термин «сигнатура» обозначает характерное распределение энергий, фиксируемое сканерами. Карты сигнатур позволяют без визуального контакта определить, какие именно устройства (известные людям) находятся в зоне действия сканирующих систем.

22

Под «виртуальным пространством» в данном случае подразумевается не только локальная сеть, значение термина применительно к кибрайкерам и мнемоникам гораздо шире, помимо конфигурации сети, существующей на базе аппаратных средств, понятие «виртуальное пространство» включает в себя и субъективное восприятие кибрайкером суммы всех, находящихся в поле его «внутреннего зрения» энергетических систем, информационных потоков и, собственно, эманаций, генерируемых работой имплантов остальных членов группы.

23

Нейротеология - для человека существуют допустимые уровни воздействия электромагнитных полей, зависящие от интенсивности поля и частоты. Слабое магнитное поле, частотой 15 Гц при воздействии на височную часть мозга вызывает галлюцинации. Такой эффект именуется обозначается термином *нейротеология*.

24

Системы «Хьюго-БД12» , обладающие тремя степенями программной свободы - Машины данной серии проектировались исключительно для использования в колониях. Каждый андроид снабжался пакетом программ, которые позволяли ему действовать на трех разных уровнях свободы:

Первый являлся стандартной программной оболочкой для бытовой машины. При активации робот годился для выполнения любых хозяйственных работ, с полным запретом самостоятельных действий и жестким регламентированием ситуаций, когда деятельность робота могла вызывать угрозу для окружающих.

Второй уровень программных оболочек включался автоматически, в случае, если от людей не поступало никаких команд на протяжении стандартного земного месяца. Для совершившего посадку колониального транспорта это был критический отрезок времени, в течение которого исчерпывались все бортовые энергоресурсы.

Данный уровень программной свободы предполагал, что андроид может совершать определенные шаги, направленные на обеспечение безопасности колонистов и самостоятельной реконструкции зоны посадки.

Третий уровень программной свободы мог быть включен только человеком, путем ручного ввода команд со встроенного пульта программатора. Его включение активировало все процессорные и программные возможности андроида, а так же жестко привязывало его к определенному человеку или группе людей, которых он был обязан защищать при любых обстоятельствах. Всего блок идентификации дройда серии «Хьюго-БД12» мог хранить от одного до пяти образцов ДНК и связанных с ними образчиков голосового ряда для распознавания речевых команд. Находясь в состоянии третьей степени свободы, андроид мог исполнять любые функции, начиная от посадки цветов, уборки помещений и, заканчивая убийством любого существа, включая физическое уничтожение других людей, если они прямо угрожают жизни его хозяина.

25

Мертаб, пархад кадым инет? Рагмат парден дурави! - Мертаб, что мне делать? Он говорит, что пришел покупать! (ганианский).

26

Э… Нагерни нуринг! - Э… Гони его отсюда! (ганианский).

27

Корпы - сленговое название сотрудников корпораций Окраины.

28

Суспензорное поле - В отличие от иных видов энергетической защиты электромагнитная суспензия активно взаимодействует с окружающим веществом. В идеале для ее работы подходит любая газообразная среда. Прототипом для создания суспензорного поля являлись древние разработки, предполагавшие устанавливать на космических кораблях специальные электромагнитные улавливатели, предназначенные для сбора разреженного межзвездного газа, который в дальнейшем использовался в качестве активного вещества для силовых установок.

После открытия феномена гиперсферы, данная технология утратила свою актуальность, - изменился сам принцип перемещения космических кораблей. Однако спустя века о ней вспомнили, в связи с разработкой аварийных защитных систем, в частности речь шла о средствах борьбы с декомпрессией отсеков. В итоге было запатентовано и воплощено на практике несколько систем, использующих один и тот же принцип: газ или иная взвесь вещества (широко известна практика использовании пыли на безвоздушных мирах) попадая в зону действия магнитного поля, излучаемого эмиттером, уплотняется до такой степени, что между отдельными молекулами (либо частицами вещества) возникают насильственные взаимосвязи. В результате получается пленка, способная выдержать давление в несколько атмосфер. Первые устройства суспензорной защиты появились на космических кораблях к финалу Галактической войны. Позже, с развитием нанотехнологий, появились различные модификации суспензорной защиты, использующие два типа эмиттеров, основной, и вспомогательные, которые благодаря своим микроскопическим размерам внедряются непосредственно в структуру защитного поля, позволяя гибко настраивать его режимы и пространственную конфигурацию (например, это необходимо для формирования локальных проходов в защитном поле).

29

РТВ - Склады робототехнических вооружений.

30

АРК - Автоматический разведывательный корабль.

31

Визир (нем. Vizir) - оптический видоискатель для наводки оружия, реже - название видоискателя фото и видеокамер.

32

Линии напряженности гиперсферы, используемые навигационными системами для прыжка через аномалию космоса могут быть маркированными или нет. В первом случае маркировку осуществляют станции ГЧ (гиперсферной часты) или временные маяки, размещенные в слаборазвитых либо недавно разведанных системах. Не маркированные линии напряженности как правило ведут в зону неосвоенного космоса.